

ISSN 2072-2087 (ПЕЧАТНЫЙ)
ISSN 2413-9912 (ЭЛЕКТРОННЫЙ)

ВЕСТНИК

Брянского

государственного

университета

№2(64)
2025

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№2(64)
2025

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072- 2087
ISSN 2413-9912

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №2 (64) 2025:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2025. 118 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блахин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блумену Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университета, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивошина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кашенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7 Блумену С.Ф.**
КУРС ФРАНЦУЗСКИХ ВЛАСТЕЙ НА УМИРОТВОРЕНИЕ ГАРНИЗОНА НАНСИ И ЕГО НЕУДАЧА: АВГУСТ 1790Г.
- 16 Власов Т.В.**
РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ» (1960-1970 ГГ.))
- 31 Горбачевский Е.А.**
ДВОРЯНЕ И ДЕТИ БОЯРСКИЕ ЗАКОТОРОЖСКОГО СТАНА ЯРОСЛАВСКОГО УЕЗДА В 1678 И 1710 ГГ.
- 44 Горяева М.Н.**
ШОТЛАНДИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ УНИИ 1707 ГОДА
- 53 Кобец О.В.**
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В 1920-Е ГОДЫ
- 64 Ковеля В.В.**
ВОПРОС ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕГО КИЕВА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ АКАДЕМИКА П.П. ТОЛОЧКО
- 77 Кулаков В.И.**
ШУМЯЩИЕ ПОДВЕСКИ БАЛТОВ, САРМАТ И ГЕРМАНЦЕВ
- 83 Мнухин А.В.**
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИССИОНЕРСКИХ ОБЩЕСТВ НА ОСТРОВАХ ФИДЖИ В ПРЕДКОЛОНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1835-1874 ГГ.)
- 96 Фельдман А.Д.**
ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ПЛЕН 1899Г. У. ЧЕРЧИЛЛЯ В РАМКАХ МОДЕЛИ Э. КЮБЛЕР – РОСС: ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДО ПОБЕГА
- 102 Щупленков О.В., Щупленков Н.О.**
ОБСУЖДЕНИЕ В ЛИГЕ НАЦИЙ ПРОЕКТА КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 1930 ГОДА

Меза Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мяжков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Розинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагimbaев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цутия Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая**

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 2(64) 2025: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2025. 118 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhalchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Vol.2 – No.64 Scientific peer-reviewed journal JUNE

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Blumenau S.F.**
THE COURSE OF ACTION OF THE FRENCH GOVERNMENT TO APPEASE THE NANCY GARRISON AND ITS FAILURE: AUGUST 1790
- 16 Vlasov T.V.**
THE ROLE OF SOVIET INTELLECTUALS IN POPULARISING THE SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE PSKOV REGIONAL BRANCH OF THE SOCIETY 'ZNANIE' (1960-1970)
- 31 Gorbacheffskiy E.A.**
NOBLEMEN AND GENTRY OF THE ZAKOTOROZHISKY MUNICIPALITY OF THE YAROSLAVL DISTRICT IN 1678 AND 1710.
- 44 Goryaeva M.N.**
SCOTLAND AT A TURNING POINT: INTELLECTUAL DISCOURSES AND THE CONSTRUCTION OF POLITICAL IDENTITY IN THE ERA OF THE UNION OF 1707
- 53 Kobets O.V.**
PECULIARITIES OF NATIONAL POLICY IN THE RUSSIAN BORDER REGIONS IN THE 1920S
- 64 Kovelya V.V.**
THE QUESTION OF THE CHRONOLOGY OF ANCIENT KYIV IN SCIENTIFIC HERITAGE ACADEMICIAN P.P. TOLOCHKO
- 77 Kulakov V.I.**
NOISY PENDANTS OF THE BALTS, SARMATIANS, AND GERMANS
- 83 Mnukhin A. V.**
THE ACTIVITIES OF MISSIONARY SOCIETIES IN THE FIJI ISLANDS DURING THE PRE-COLONIZATION PERIOD (1835-1874)
- 96 Feldman A.D.**
THE SOUTH AFRICAN CAPTIVITY OF W. CHURCHILL IN 1899 WITHIN THE FRAMEWORK OF THE E. KUBLER-ROSS MODEL: FROM IMPRISONMENT TO ESCAPE
- 102 Shchuplenkov O.V. Shchuplenkov N.O.**
DISCUSSION OF THE DRAFT CODIFICATION OF INTERNATIONAL LAW IN THE LEAGUE OF NATIONS IN 1930

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich – Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КУРС ФРАНЦУЗСКИХ ВЛАСТЕЙ НА УМИРОТВОРЕНИЕ ГАРНИЗОНА НАНСИ И ЕГО НЕУДАЧА: АВГУСТ 1790Г.

Одним из основных завоеваний Французской революции стало установление гражданского равенства. Но исключением из общего правила оставалась армия. Здесь фактически сохранились сословные перегородки, отделявшие рядовых и унтер-офицеров, происходивших из простолюдинов, от дворянского офицерского корпуса. Исходные противоречия преломлялись в множестве отдельных конфликтов. Один из наиболее острых—развернулся вследствие задолженности перед военными, которые отчисляли из жалованья средства на армейские нужды. Рядовой состав обвинял офицеров, что те растрачивали деньги, скопившиеся в полковых кассах, на развлечения. Недовольство в воинских частях побудило Собрание принять закон, касавшийся порядка возвращения долгов, но в ряде мест, прежде всего, в Нанси солдатские массы действовали самостоятельно, попирая общественное спокойствие. Ответом стал репрессивный декрет от 16 августа, предусматривавший карательные меры за участие в выступлениях. Отрезвленные этим солдаты принесли письменное раскаяние и выказали готовность договориться. Но враждебность большинства командиров к революции и их возросшая эмиграция породили слухи о предательстве, а затем и миф о намерении генералов продать гарнизон Нанси предполагаемым противникам Франции. Это вкупе со вздорным характером инспектора Мальсена и несговорчивостью солдат Шатовье привело к провалу политики умиротворения.

Ключевые слова: Французская революция, Учредительное собрание, сословия, гражданское равенство, солдаты, офицеры, гарнизон Нанси, швейцарский полк Шатовье, генерал-инспектор

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-07-16

Введение. Еще в начале Французской революции в стране установилось гражданское равенство. Оно не только провозглашалось революционным законодательством, но и сделалось реальным достоянием большинства населения. Армия же оставалась реликтом прошлого. Офицерский корпус, особенно в пехоте и кавалерии, состоял почти исключительно из дворян, тогда как солдаты и унтер-офицеры были плебейского происхождения, несмотря на выслугу лет и личные способности, не имели доступа к званиям младших офицеров на протяжении практически всего периода работы Учредительного собрания.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является народное движение эпохи Французской революции. Его методологическая основа состоит в следовании принципам историзма, объективности и научности. Автором

использованы специальные исторические методы: историко-системный, историко-генетический и историко-сравнительный. В статье применялся историко-антропологический подход. Все это в совокупности позволило провести комплексное изучение поставленной проблемы.

Результаты и их обсуждение. Отношения между рядовым составом и командирами стремительно ухудшались. Солдаты все меньше считались с субординацией и дисциплиной, а офицеры, в большинстве враждебные революции, грубо обходились с нижними чинами и провоцировали конфликты между ними и Национальной гвардией, организация которой не основывалась на сословных преимуществах. Командный состав злоупотреблял выдачей «волчьих билетов», то есть позорного увольнения со службы. Острые противоречия возникли между военным руководством и солдатами из-за

задолженности перед последними. Государству Старого порядка не удавалось в полной мере обеспечить солдат бельем, одеждой, обувью и недостаток покрывался благодаря вычетам из их жалованья. Резервный фонд, в котором за многие годы скопились значительные средства, сосредоточился в полковых кассах. Солдаты обвиняли офицеров, что те черпали отсюда немалые деньги на развлечения и схожие траты.

В ряде гарнизонов они потребовали немедленно рассчитаться с долгами. Для того, чтобы уменьшить напряженность в армии, парламент пошел навстречу военнослужащим и принял соответствующий декрет от 6 августа. Документ настаивал на соблюдении правовых норм при выдаче «волчьих билетов». По его третьей статье король назначал чрезвычайных инспекторов в звании генералов, отправлявшихся на места для проверки полковых счетов в присутствии офицеров, унтер-офицеров, а также солдат. От каждой роты делегировался рядовой, умеющий читать и писать [4, р.642].

Ознакомившись с декретом, солдаты восприняли его как сигнал к самостоятельным действиям. В Нанси первым заявил о своих требованиях Королевский пехотный полк (4 тыс. солдат). Задержав офицеров, он выпустил их с обязательством принести деньги утром следующего дня. Взятые под залог у купцов и буржуа деньги - 150 тыс. ливров, были выплачены и тут же поделены поровну между нижними чинами. Позднее, арестовав своих офицеров на 15 часов, задолженность вернул небольшой кавалерийский полк Местр-де-Камп (500 человек). Солдаты настаивали на выплате около 48 тыс. ливров, по большей части в звонкой монете. В результате половина запрашиваемого им досталась в такой форме.

Драматически решалась проблема с долгом перед военнослужащими полка Шатовье (1400 солдат), подчинявшихся, как и другие швейцарские подразделения,

суровым внутренним правилам. Когда у двоих солдат нашли бумаги, касавшиеся вопроса о задолженности, то полковой военный совет приговорил их сначала к смерти, а затем, смягчившись, высказался за 10-кратный прогон сквозь строй из 100 человек, избивавших провинившихся плеткой-девятихвосткой. Двоих несчастных с позором изгнали из полка и посадили в тюрьму. Но сердобольные кавалеристы из Местр-де-Камп не только освободили швейцарцев из заключения, но и потребовали у командования Шатовье компенсацию в пользу этих людей по 6 луидоров (луидор равен 24 ливрам) на каждого за физическое насилие и по 100 луидоров за моральный ущерб, которая и была уплачена [9, р.34-35].

Что же касается задолженности перед всеми солдатами Шатовье, то сами они насчитали суммарно 229602 ливра. Такая впечатляющая цифра во многом проистекала из неплохого материального положения швейцарцев на службе у Франции. Их физические и боевые качества особенно ценились. Как отмечал представитель знаменитой семьи из кантона Цуг, поставлявшей наемников для монархии, генерал-лейтенант Б.Ф.А. Цурлобен в восьмитомном сочинении «Военная история швейцарцев на службе Франции», они имели не только привилегированный правовой статус, но и снабжались мясом, алкоголем и табаком по весьма высоким нормам, зафиксированным в двухсторонних договорах и французских регламентах [11, р.28-29]. Показательно, что, рассуждая о задолженности перед ними, швейцарские солдаты ссылались, в том числе, и на свои траты на спиртное во время двухмесячной командировки в Орлеан и Париж.

Начальство полка объявило солдатам, что не сможет рассчитаться немедленно. Оно согласилось выплатить им небольшой аванс в 27 тыс. ливров, обещая вернуть остальное только в сентябре. Таким образом, из трех полков гарнизона расчет не

получили только швейцарцы. Для урегулирования их денежных претензий в соответствии с декретом 6 августа исполнительная власть обещала направить в Нанси генерала-инспектора Мальсена, который прибудет туда через 2,5 недели.

В то же время королевские пехотинцы, возбужденные разговорами сочувствующей публики о том, что по справедливости им следовало выплатить еще по 500 ливров на каждого (sic!), захватили и унесли с собой полковую кассу. Швейцарцы, со своей стороны, в знак благодарности другим полкам гарнизона за поддержку устроили братский ужин, на котором присутствовали и национальные гвардейцы Нанси. Буйные празднования с непременным участием проституток быстро превращались в оргии.

Случившееся переполнило чашу терпения городского муниципалитета. Его члены обратились с жалобами к Национальному собранию. Они ссылались на хищения и грабежи, утверждали, что речь идет о настоящем восстании, просили прислать в город двух комиссаров Ассамблеи. Ситуацией мгновенно воспользовался военный министр Латур, подчеркнувший, что дело не терпит отлагательств и надо принимать срочные меры. Результатом стал новый декрет от 16 августа, предполагавший создание военной силы для разбирательства с бунтовщиками [5, p.90].

В соответствии с этим документом действия солдат подпадали под новую тяжелую статью «преступление против Нации», что влекло за собой суровые наказания. Кара ожидала не только зачинщиков и руководителей выступления, но и рядовых участников. Декрет позволял генералу, назначенному королем для подавления беспорядков, разжаловать солдат и распускать непослушные воинские соединения. Даже такой меры было достаточно, чтобы изгнать бунтарей из армии с позором, не позволявшим найти место и в гражданской жизни. Одновременно

указывалось, что, принимавшие участие в волнениях, обязаны в течение 24 часов признать свои ошибки и раскаяться, причем, если так решит их начальство, сделать это в письменном виде. По истечении указанного времени они привлекались к суду как виновные в «преступлении против Нации» [5, p. 93].

Тем временем в Париже находилась депутация от самого крупного полка гарнизона Нанси - Королевского пехотного. Она состояла из 8 человек (по два представителя от унтер-офицеров, гренадеров, стрелков и фюзилеров). Им предстояло передать свои требования как законодательной власти, то есть Конституанте, так и исполнительной, а именно военному министру графу Латуру дю Пэну [6]. Однако 17 августа их отвели в тюрьму Ла Форс. Но то была лишь неожиданная прелюдия к началу своеобразного переговорного процесса. На следующий день им позволили составить докладную записку, содержащую претензии и жалобы полка. Затем депутации устроили встречу с объединением из трех комитетов Учредительного собрания [8, p.2-3].

Дальше «чудеса» продолжились. Появился приказ короля, в соответствии с которым двое из делегатов полка должны были немедленно вернуться в Нанси, чтобы «успокоить умы» [8, p.3]. При этом предполагалось, что сопровождать солдат в Нанси будет капитан Парижской национальной гвардии Пешелош, который и устраивал их встречи в столице. Так и случилось: вместе с ним они выехали из Парижа 19-го, а уже 21 вечером оказались в Нанси.

Между тем ситуация в гарнизоне города менялась в лучшую сторону. Главной причиной стал вышеуказанный жесткий декрет Национального собрания. Он оказался в Нанси 19 августа и солдат сразу ознакомили с ним. На следующий день все три полка гарнизона представили письменное раскаяние [9, p.61-62]. Еще раньше они были напуганы

ложными слухами о том, что члены делегации королевских пехотинцев повешены в столице [8, р.3]. В результате увеличились шансы на замирение с властью. Предстоящее общение двух посланцев Парижа- Пешелоша и генерала- инспектора Мальсеня, находившегося в то время в Люневиле [10, р.182-183], близко от Нанси, с солдатами могло закрепить эту позитивную тенденцию.

В поведении первого смелость сочеталась с осторожностью: офицер отличался гибким умом и тактом, зарекомендовал себя неплохим переговорщиком. К его сообщениям с большим интересом относились видные деятели новой власти - депутаты Учредительного собрания, глава трех объединившихся комитетов Ассамблеи – герцог Брольи, военный министр [8, р.74-76,77]. С ним советовались местные военные и гражданские функционеры, в том числе, руководство муниципалитета Нанси и члены директории департамента Мерт. Одновременно он смог завоевать доверие обычно подозрительной солдатской массы.

По приезде вечером 21 августа Пешелош сразу же встретился с советом тамошней национальной гвардии, представители которого замолвили перед ним слово за воинские части Нанси. На следующий день, в воскресенье Королевский полк устроил в честь эмиссара дружеский ужин, затянувшийся далеко за полночь. Пешелоша особенно тронуло, что в знак раскаяния солдаты вернули захваченные ими 20 тыс. патронов, полковые регистры и другие бумаги [8, р.8]. Во время пребывания в городе он чаще всего взаимодействовал именно с данным воинским соединением.

Уровень взаимоотношений с двумя другими частями гарнизона был не столь тесным. В понедельник 23 августа Пешелоша посетили сначала представители кавалеристов Местр-де-Камп, а затем - швейцарцев. Но и с ними эмиссар проявил себя как умелый политик и тонкий

тактик. Сочувственно выслушав жалобы кавалеристов о том, что они выделяли на полковые нужды средства, превышавшие их возможности, приезжий обнадежил: подчинение декрету и хорошее поведение обязательно зачтутся. Разговаривая с солдатами Шатовье, столичный представитель анонсировал им приезд Мальсеня для проверки полковых счетов, а швейцарцы обещали ему соблюдать субординацию в отношениях с командирами. Показательно, что, когда командующий гарнизона, генерал Дену собирался объявить приказ о перемещении воинской части в Сарлуи, то Пешелош попросил повременить с этим, пока не пройдут переговоры о денежных претензиях полка [8, р.10-11]. Скоро обнаружится проницательность и дальновидность парижанина.

Другим посланцем центральной власти стал генерал- майор Мальсень, служивший в Безансоне и командовавший карабинерами. Генералу – инспектору предстояло проверить полковые счета, определить правомерность солдатских требований и выставленных к оплате сумм. Но Мальсень меньше всего подходил для такой роли [9, р.63]. То был сухой и высокомерный человек, постоянно «наскакивавший» на оппонентов в ходе переговоров. Главными чертами его личности, сыгравшими впоследствии роковую роль, стали импульсивность, неуживчивость и, парадоксально, смелость, доходившая до крайности [2, с.237]. Он принимал первые, приходившие на ум решения, не размышляя над тем, как это скажется на его миссии. Но в оправдание Мальсеня следует сказать, что ему приходилось спасать свою жизнь, которой угрожали вполне реальные опасности.

Задачи, стоявшие перед инспектором, не были масштабными. Два полка разобрались со своими денежными претензиями самостоятельно. Финансовые проблемы предстояло разрешить со швейцарцами, выдвигавшими наибольшие требования. Забегая вперед, скажем, что

генерал не только не потушил тлеющий, казалось бы, костер, а разжег его с новой силой. Но дело было не в одном лишь Мальсене. Ведь глубинные противоречия между солдатами, принадлежащими к третьему сословию, и офицерами — дворянами никуда не исчезли, но даже усилились из-за эмиграции части командиров.

Помимо этого основного фактора свою роль сыграли особенности положения и ментальность швейцарских солдат на службе Франции. Они были наемниками и получали большее жалованье, чем французы. Заработанное могло помочь им в дальнейшем уже на родине, особенно, если посчастливилось встретить старость. Это служило известным оправданием избранного жизненного пути. Обстоятельства делали их более суровыми по сравнению с французами, отличавшимися определенной легкостью характера. Сама революция, с несомыми ею стремительными переменами, мало соответствовала их тяготению к предсказуемости и стабильности.

Утечка информации о переводе Шатовье в другое место заставляла солдат действовать быстрее, подталкивала к настойчивости и непреклонности. Они понимали, что передислокация воинской части может послужить поводом для того, чтобы «забыть» об их денежных претензиях, либо выполнить таковые в неполном объеме. Это делало швейцарский полк неудобным переговорщиком.

Собственно переговоры прибывшего в Нанси Мальсеня со швейцарцами начались скорее всего во вторник 24 августа в три часа дня [8, р.14]. Ознакомившись с представленными счетами, генерал указал на необходимость подкрепить их некоторыми материалами и даже отправить справку в Военный комитет Ассамблеи. На наш взгляд, это объяснялось не предубеждением инспектора против полка Шатовье, а отсутствием должной законодательной базы. В декрете от 6 августа скрупулезно перечислялось

представительство в комиссии от офицерского корпуса, унтер-офицеров, солдат, но механизм разрешения споров отсутствовал. Следовало также привлечь для его разработки депутатов, хорошо разбиравшихся в финансовых вопросах.

25 августа швейцарские солдаты зримо обнаружили острое нетерпение. Оно объяснялось просочившимися, но точными сведениями о срочном переводе полка в другой гарнизон. Возникло не только состояние неопределенности, но и усиливались опасения, что при миллиардных долгах государства, да еще в состоянии развивавшейся революции, до возвращения задолженности перед Шатовье дело может не дойти. Отсюда — категоричное требование солдат, обращенное к Мальсению: «Решайте немедленно» [9, р.67; 2, с.237].

Позиции сторон обозначились. Между тем уставший и проголодавшийся инспектор заторопился на обед к коменданту гарнизона Дену. Каково же было его возмущение, когда четыре гренадера перекрыли ему путь. Взбешенный генерал пошел напролом. Он стал отводить штыки их ружей шпагой, сломав ее при этом. Тогда, позаимствовав холодное оружие у командира местных жандармов, Мальсень продолжил «прокладывать» себе дорогу через строй солдат. Он продвигался быстро, но размеренно, сохраняя достоинство. Наконец, генерал миновал ворота, добрался до дома Дену, где и укрылся [9, р.66-67; 2, с.237].

Произошедшие неординарные события моментально обросли слухами и домыслами. Кое-кто поторопился сообщить об убийстве генерала, а в казармах Королевского полка обсуждали версию его пленения солдатами Шатовье. Среди королевских пехотинцев находились в то время Пешелош и полковник Гуверне-сын военного министра Латура. Первый не только призвал солдат идти на выручку Мальсению, но и сам встал в их строй. Гуверне присоединился к нему. Солдаты Королевского полка построились в две колонны и

направились «отбивать» генерала- инспектора. Но по дороге им повстречались сослуживцы, объявившие, что все проблемы с Шатовье урегулированы. После такого сообщения командир развернул обе колонны обратно [8, р.23-24].

Пешелоша и Гуверне это не удовлетворило, они двинулись дальше и вскоре убедились, что Мальсень уже находится в доме у Дену. Внутри помещения находилось трое солдат, готовых защитить инспектора, а снаружи бушевала толпа разозленных швейцарцев. Один из этой среды, стоя на ступенях лестницы, выкрикивал угрозы в адрес Мальсеня, другой, спустившись вниз, призывал к оружию.

Гуверне напомнил швейцарским солдатам о декрете Ассамблеи от 16 августа и предупредил, что их признают виновными, если они не подчинятся. Генерал Дену заметил, что Шатовье подвергает общественное спокойствие опасности вместо того, чтобы его поддержать. Хитроумный и политичный Пешелош решил поуготать швейцарцев их изоляцией: «Сегодня вы мятежники по закону; Королевский полк и Местр- де – Камп – послушны; у вас нет больше товарищей, они—друзья порядка» [8, р.28; 5, р.470]. Ту же линию на раскол ненадежного гарнизона проводил и сам Мальсень. Он объявил военнослужащим Шатовье, что вновь встретится с ними утром следующего дня, а после ухода швейцарцев принял своеобразный «парад» оставшихся частей - национальной гвардии, королевского и кавалерийского полков [8, р.29). То была попытка отделить мятежников, к тому же иностранных наемников, от французских солдат. Ближайшее будущее покажет, что эти маневры не удались.

26-го переговоры инспектора с непослушным полком продолжились. Последний представляли 18 военнослужащих, по двое от каждой из девяти рот. Мальсень посоветовал солдатам представить свои счета муниципалитету города [8, р.30]. Это были одновременно и отчаянная

попытка добиться умиротворения, и стремление переложить ответственность на местную власть. Шатовье пытались также увещевать командующий национальной гвардии и глава жандармов, но все оказалось тщетным. Посланцы полка твердили: «Мы не французы, мы- швейцарцы. Нам нужны деньги» [5, р.471]. Солдаты Шатовье склонялись чуть ли не к шантажу, заявляя, что уйдут из Франции с оружием и багажом. Но один из руководителей муниципалитета подчеркнул, что оружие принадлежит королю и государству [8, р. 31].

Попытки договориться были исчерпаны в этот день. Генерал- инспектор и муниципальные чиновники отказали швейцарцам в их миссии по охране города. Мальсень объявил офицерам Шатовье, что имеет приказ отправить полк в гарнизон Сарлуи. Завтра утром воинская часть должна уже находиться там [8, р.34]. Солдаты решительно отказывались передислоцироваться. В ответ генерал составил нотариальный протест по всей форме [2, с.238]. Чтобы власти не столкнулись с недовольством трактирщиков, которым задолжали солдаты, Мальсень добился у муниципалитета публикации объявления, что тот берет долги швейцарцев на себя [8, р. 34-35].

Конфликт между государством и полком Шатовье обострялся. К репрессиям и военным акциям в Нанси готовились центральные власти и их назначенцы. Свидетельство тому - действия находившегося в столице Лотарингии адъютанта командующего Парижской национальной гвардии Демота. Он направил письма- обращения Лафайета в департаменты Мерт и Мез. В них подчеркивалось, что «полки (гарнизона Нанси- С.Б.) похоже вернулись к своим заблуждениям». Предлагаемые меры напрямую увязывались с поведением солдат Шатовье: если они откажутся прибыть в Сарлуи, то надо «развертывать силы», что облегчит выполнение декрета

Ассамблеи от 16 августа. «Национальная гвардия уже много сделала для восстановления порядка, но нужны новые усилия». Для отправки в город приглашались и волонтеры [7, р. 70-71].

Утром 27-го пришел приказ от находившегося близко- в Меце -и назначенного королем командиром сил для подавления беспорядков генерала маркиза Буйе. Согласно ему, следовало собрать со всех городов и местечек департамента Мерт национальных гвардейцев в помощь Мальсеню и для «приведения к послушанию» полка Шатовье. Эта задача стояла перед директорией данного департамента, которая, со своей стороны, предлагала принять участие в «деле» добровольцам. Им обещалась плата- 24 су в день: неплохая «приманка» для малоимущих [9, р.73].

Параллельно предпринимались судорожные попытки отдельных лиц и органов мирно договориться со швейцарцами. Пешелош и другие известные персоны предлагали себя заложниками полку Шатовье до тех пор, пока ему не выплатят всю задолженность. Солдат заверяли, что, если они отправятся в Сарлуи, то деньги им вернут, причем банкиры сделают это еще до соответствующего заключения Военного комитета Учредительного собрания, которому принадлежало решающее слово [8, р.40-42]. Ничего не помогло. Швейцарцы вновь объявили об отказе выйти из Нанси.

Их непреклонность оставалась «головной болью» властей и военного командования. Но можно ли было рассчитывать на лояльность других воинских подразделений Нанси, да и населения в вызревавших конфликтах? Небольшой кавалерийский полк тяготел к дружбе с Шатовье. Представители Местр- де –Камп, как уже отмечалось, не бросили в беде двух швейцарцев, подвергшихся экзекуции. На поведение кавалеристов повлияла также известная неудовлетворенность в связи с выплатой задолженности. Им возвратили

только половину истребованной суммы. Они продолжают поддерживать швейцарский полк.

Гамма настроений в Королевском полку была более пестрой и изменчивой. Королевские пехотинцы и сами не отличались сплоченностью. То было объединение разных категорий солдат- гренадеров, фюзилеров, стрелков, порой вступавших в противодействие между собой. Что уж говорить об их отношениях с полком Шатовье?! Отчасти они поддавались агитации парижских эmissаров. Отсюда—заявления о нежелании погибать за других [8, р.30]. Но подобные речи сочетались с опасениями, что, выдворив Шатовье в Сарлуи, власти возьмутся и за них [8, р.37]. Поведение королевских пехотинцев являло собой широкую амплитуду колебаний от дерзости и бравады до видимого послушания командирам и реального страха перед репрессиями на основе декрета 16 августа. Но при всей двойственности подобной позиции на первый план выходили основные противоречия, отделявшие солдат от дворянского офицерского корпуса. Рядовой и унтер- офицерский состав плебейского происхождения был, в первую очередь, угнетен сохранением в армии сословных перегородок, уже уничтоженных в гражданском обществе.

В поддержку полка Шатовье все активней вовлекались и другие военные и гражданские силы. Национальная гвардия Нанси сочувствовала стремлениям солдат линейных войск добиться расширения прав и улучшить свое социальное бытие. Показательно, что упоминавшихся двух швейцарцев приняли на службу в национальную гвардию. Гвардейцы нередко братались с солдатами линейных войск, несмотря на то, что офицеры тех частей старались расстроить складывавшиеся дружеские связи [9, р.25,76].

Между тем, ситуация осложнилась в связи с призывами Лафайета и распоряжением Буйе о направлении в Нанси национальных гвардейцев департамента

Мерт и соседнего - Мез. Уже в середине дня 27 августа несколько тысяч людей из соседних городков прибыли на место. Вооружены они были плохо: немногие владели ружьями, часть носила сабли, а другие имели только палки. Местные власти оказались неготовыми к наплыву гвардейцев и испытывали большие трудности с их обустройством. Муниципалитет и директория департамента не достигли должного взаимодействия и сваливали ответственность друг на друга.

При этом национальная гвардия Нанси ревностно оберегала свои полномочия [9, р.77]. Ее полк негативно относился к национальным гвардейцам из сопредельных районов, посланных с целью добиться послушания войск гарнизона. Подобное видение разделял и городской плебс. «Недоверие (к Парижу- С.Б.) распространилось среди низших классов». Они считали солдат своего города не бунтовщиками, а народными защитниками. В целом, имело место известное единение гарнизона, национальной гвардии Нанси и значительной части его населения по отношению к центральной власти и военному командованию страны.

Уже в короткий период с 24 по 27 августа, когда шел переговорный процесс между Мальсеном и представителями Шатовье, выявились как неудача в умиротворении швейцарцев, так и провал попыток изолировать от них другие воинские подразделения города и значительную часть жителей Нанси.

Заключение (выводы). Глубинной причиной, объединившей недовольных, явилось фактическое сохранение в армии сословных порядков, против чего выступали и союзники солдат из числа жителей Нанси, лишь недавно обретшие равенство в правах. В линейных войсках сословные преимущества продержались, по меньшей мере, до 28 сентября 1791г., когда Конституанта приняла декрет, допускавший к занятию младших офицерских должностей унтер-офицеров, выслуживших наибольший

срок, либо молодых людей недворянского происхождения, сдавших специальный и сложный экзамен [3, с.95-96]. В действительности же равенство в правах в армии наступило еще позднее, в ходе войны с антифранцузской коалицией, хотя еще 19 июня 1790г. само наследственное дворянство и дворянские титулы отменялись.

Начавшаяся революция и постоянно растущая эмиграция, в том числе, офицеров-дворян и генералов, порой, сопрягалась в головах людей с фактами усилившегося неприятия новой Франции абсолютистскими и полуабсолютистскими монархиями Европы. На этой почве рождались мысли о предательской деятельности командиров в пользу сопредельных государств. Солдаты и жители Нанси увязывали предполагаемую измену французского командования преимущественно с контактами с Габсбургами. В эти общие и абстрактные представления такая брутальная и вызывающая личность, как Мальсень [1, с.169], добавила конкретики. Его усилия по отправке Шатовье из Нанси вместе с жесткими приказами Буйе способствовали развитию мифа о продаже солдат гарнизона австрийцам [9, с.76]. Называли даже суммы, которые инспектор получит: за Шатовье - 3 млн., а за французские полки- 6 млн. А авантюрное поведение генерала 28-29 августа с бегством из Нанси и кровопролитным столкновением его охраны с солдатами гарнизона стало своеобразным «доказательством» вышеуказанного мифа.

По сути, восстание в Нанси, в котором определенную иницилирующую роль сыграли филиал Якобинского клуба и солдатские комитеты, сделалось предтечей демократически-патриотической линии в революции, что развилась позднее, в ходе борьбы с антифранцузской коалицией вовне страны, а с либеральными реформаторами – внутри ее. С этой линией будет уже связан переход к иной, радикальной фазе революции.

Список литературы

1. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.1. Книга вторая. М.: Прогресс, 1977. 407с.
2. Карлейль Т. История Французской революции. М.: Мысль, 1991. 575 с.
3. Французская буржуазная революция 1789-1794. М.: Изд-во АН СССР, 1941. 850с.
4. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T.17. P.: Mavidal M.J., Laurent M.E., 1884. 813 p.
5. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T.18. P.: Mavidal M.J., Laurent M.E., 1884. 804p.
6. Chilly L. Le premier ministre constitutionnelle de la guerre. La Tour du Pin. P.: Perrin, 1909. 408p.
7. Lettre de M. Desmottes, Aide –de-Camp de M. la Fayette, aux Gardes Nationales des Departements de la Moselle et de la Meurthe p. 70-71 // In: Lettre de M. Louvain- Pescheloche, endatée du 18 octobre 1790: en réponse à celle de M. Silléri. P. : Boulard, 1790. 78p.
8. Lettre de M. Louvain- Pescheloche, endatée du 18 octobre 1790: en réponse à celle de M. Silléri. P. : Boulard., 1790. 78p.
9. Maire X. Histoire de l'affaire de Nancy. Épisode de la Révolution. 1790. Nancy.: Maubon, 1861. 220 p.
10. Memoires du Marquis de Bouillé. P.: Firmin- Didot, 1859. 456 p.
11. Le Baron de Zurloben B. F.A. Histoire militaire des Suisses aux service de la France, avec les pièces justificatives. T.4. P.: M.DCC.LI, 1751. 635p.

**THE COURSE OF ACTION OF THE FRENCH GOVERNMENT TO APPEASE
THE NANCY GARRISON AND ITS FAILURE: AUGUST 1790**

One of the main achievements of the French Revolution was the establishment of civil equity. However, the army remained an exception to the rule. In fact here estate barriers persisted, separating privates and non-commissioned officers, commoners by origin, from the noble officer corps. The original contradictions were refracted in many particular conflicts. One of the most acute ones was a result of debts to the military personnel, who deducted funds from their salaries for the army needs. The rank and file accused the officers of squandering the money accumulated in the regimental treasuries on entertainment. Discontent in the regiments prompted the Assembly to pass a law on the procedure for the repayment of the debts, but in a number of places, especially in Nancy, the soldier masses acted on their own, disturbing public peace. The response was a repressive decree of August 16, which contained provisions for punitive measures for unrest participants. The soldiers, sobered by this, presented written repentance and demonstrated willingness to negotiate. Nevertheless, the hostility of the majority of the commanders to the revolution and their increasing emigration fueled the rumors of betrayal and the consecutive myth of the generals' intention to sell the garrison of Nancy to France's potential enemies. Coupled with the contentious temper of inspector Malseigne and the intractability of Chateaufort's soldiers, this led to the failure of the appeasement policy.

Keywords: French Revolution, Constituent Assembly, estates, civil equity, soldiers, officers, Nancy garrison, Swiss regiment of Chateaufort, inspector general

References

1. Jaures J. (1977) Socialist History of the French Revolution. Vol. 1. Book 2. Moscow: Progress, 1977. 407 p.
2. Carlyle Th. (1991) History of the French Revolution. M.: Mysl, 1991. 575 p.
3. French bourgeois revolution 1789-1794. (1941) M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. 850 p.
4. Archives parlementaires de 1787 à 1860. (1884) Première série. T.17. (1884) P.: Mavidal M.J., Laurent M.E., 1884. 813 p.
5. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T.18. (1884) P.: Mavidal

M.J., Laurent M.E., 1884. 804p.

6. Chilly L. (1909) *Le premier ministre constitutionnelle de la guerre*. La Tour du Pin. P.: Perrin, 1909. 408p.

7. Lettre de M. Desmottes, Aide –de-Camp de M. la Fayette, aux Gardes Nationales des Departements de la Moselle et de la Meurthe p. 70-71 (1790) // In: Lettre de M. Louvain-Pescheloché, endatée du 18 octobre 1790: en réponse à celle de M. Silléri. P. : Boulard, 1790. 78p.

8. Lettre de M. Louvain- Pescheloché, endatée du 18 octobre 1790: en réponse à celle de M. Silléri. (1790) P. : Boulard., 1790. 78p.

9. Maire X. (1861) *Histoire de l'affaire de Nancy. Épisode de la Révolution*. 1790. Nancy.: Maubon, 1861. 220 p.

10. *Memoires du Marquis de Bouillé*. (1859) P.: Firmin- Didot, 1859. 456 p.

11. Le Baron de Zurloben B. F.A. (1751) *Histoire militaire des Suisses aux service de la France, avec les pièces justificatives*. T.4. P.: M.DCC.LI, 1751. 635p.

Об авторе

Блуменау Семен Федорович –доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия). E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of History, professor at the chair of world history and international relations, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: blumenausf@mail.ru

Власов Т.В., аспирант, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» (Россия)

РОЛЬ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ» (1960-1970 ГГ.)

Статья посвящена изучению роли советской интеллигенции в формировании научного знания в Псковской области на примере деятельности областного отделения общества «Знание» в 1960-1970 гг. В этот период наблюдалось активное развитие научно-технического прогресса в СССР, а общество «Знание» играло значительную роль в распространении научных знаний среди населения. Исследование опирается на комплексный подход, интегрирующий методы исторического анализа, статистической обработки данных и системного изучения связей между различными элементами изучаемого феномена. В статье анализируются структура и деятельность Псковского областного отделения общества «Знание», изучается состав и социальный статус его членов, а также определяются основные формы и методы распространения научных знаний (лекции, семинары, выставки, издания). Особое внимание уделяется влиянию общества «Знание» на развитие научного потенциала Псковской области, формирование мировоззрения населения и стимулирование интереса к науке среди молодежи. В результате исследования выявлены ключевые особенности деятельности Псковского областного отделения общества «Знание», проанализировано его влияние на формирование научного знания в регионе, определены факторы, способствовавшие или препятствовавшие эффективной работе общества в 1960-1970 гг.

Ключевые слова: советская интеллигенция, общество «Знание», научное просвещение, популяризация науки, Псковская область, идеология, общество, пропаганда.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-17-30

Введение. В последние годы наблюдается возрождение интереса к популяризации научного знания, что отражается, в том числе в решении президента Российской Федерации В.В. Путина о поддержке Российского общества «Знание». [18] Это свидетельствует о продолжающейся актуальности задач научного просвещения в современном обществе, где важно формировать критическое мышление, способность анализировать информацию и принимать обоснованные решения. В этом контексте нами предпринята попытка проанализировать и изучить вклад советской интеллигенции в популяризацию научного знания в Псковской области в 1960-1970-е годы через призму деятельности областного отделения общества «Знание».

В советский период, особенно в 1960-1970-е годы, популяризация научного знания приобрела особую значимость в контексте формирования идеологической основы советского общества. В

условиях холодной войны и соревнования с капиталистическим миром пропаганда научных достижений СССР стала важным элементом противостояния и демонстрации мощи советской системы. Этот период характеризовался усилением роли науки в жизни советского человека: происходила интеграция научных идей в культуру и искусство, повышался уровень научно-технического прогресса, что в свою очередь стимулировало активное развитие общественных организаций, занимавшихся научным просвещением, в том числе общества «Знание».

Созданное в 1947 году, Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний общество стало центральной платформой для распространения научных знаний среди широких масс населения. Оно организовывало лекции, конференции, выставки, публиковало научные брошюры для лекторов, что способствовало формированию

научного мировоззрения советских граждан. В рассматриваемом периоде издается большое количество практико-ориентированных работ и материалов, связанных с деятельностью лекторов и просветителей общества «Знание». В частности, методические пособия для лекторов, пропагандистов узкопрофильных знаний, лекционные материалы и т.д. В частности статьи Грушвицкого И.В., Разумова С.А. «Биология и религия» [19], работа Богуславского В.М. «Тезисы Маркса о Фейербахе» 1960 г., [20] статья Глазунова И.Д. «М.В. Ломоносов основоположник русской материалистической философии.» 1961 г. [21] и т.п. Следует отметить, что именно эти практико-ориентированные материалы – методические пособия, лекционные тексты – представляют собой своеобразный первоисточник, позволяющий реконструировать специфику научной коммуникации, методы популяризации знаний и идеологическую составляющую просветительской деятельности в указанный период. В союзных республиках СССР наблюдалась активная деятельность, направленная на распространение политических и научных знаний среди населения. Эта деятельность аналогично выражалась в организации циклов лекций, проводимых обществами, специально созданными для этой цели. Аналогичная практика существовала и в регионах РСФСР, где действовали региональные отделения Всесоюзного общества «Знание», также занимавшиеся просветительской работой.

Однако с распадом СССР общество «Знание» значительно замедлило темпы и свою деятельность и трансформировалось в современное Российское общество «Знание». В последние годы наблюдается рост интереса к исследованию Общества «Знание». Исследовательская база, посвященная деятельности общества «Знание», включает в себя многочисленные работы, рассматривающие различные аспекты его функционирования.

Первая группа работ посвящена анализу функционирования и деятельности Всесоюзного общества «Знание». Например, исследование Мамонтовой М.А., [11] в которой вводится в оборот новые документы, раскрывающие этапы создания Всесоюзного общества «Знание» в первые годы.

Схожая тематика затрагивается в диссертационном исследовании Задорожного А.Л. [7] Диссертация анализирует эволюцию научно-просветительской деятельности в России, фокусируясь на становлении и развитии Общества «Знание» в Самарском крае, изучая его формы, методы и трансформации в контексте исторических изменений, от дореволюционного периода до современной эпохи.

Не меньший интерес представляет монография Селезнева А.В. [15] Монография посвящена исследованию роли Красноярской краевой организации общества «Знание» (1947-1992 гг.) в советской системе просвещения и воспитания. В ней анализируется участие местной интеллигенции в реализации государственных идеологических проектов, рассматривая деятельность членов общества как активный фактор формирования «нового человека» в условиях советской эпохи.

Во-вторых, особое внимание в научной литературе уделяется анализу деятельности общества «Знание» в масштабах всей страны, однако региональные аспекты, в частности, роль советской интеллигенции в популяризации научного знания в конкретных областях изучены недостаточно. В современной российской науке происходит процесс исследования региональных отделений Всесоюзного общества «Знание» и его роли на «местном уровне».

Деятельность региональных отделений общества «Знание» привлекают исследователей и представляют значительный научный интерес. Исследования охватывают разные аспекты его функционирования: эволюцию общества от момента создания [8, 10], его становление на региональном уровне [13, 9, 4], роль в

распространении политических и научных знаний [17, 1], участие в атеистической пропаганде [9], а также его организационную структуру и влияние на советскую интеллигенцию. Представленные исследования, несмотря на фрагментарность источников, раскрывают специфику на региональном уровне и позволяют углубить понимание специфики функционирования общества «Знание». Анализ отдельных аспектов его деятельности в различных регионах создает основу для дальнейшего комплексного изучения и выявления региональных вариаций в реализации общесоюзных задач и роли в формировании и поддержке советской идеологии. Эта совокупность локальных исследований может послужить основой для более масштабного сравнительного анализа и построения целостной картины функционирования Общества «Знание» в советский период.

Анализ деятельности общества «Знание» предполагает выявление основных этапов его развития. В качестве отправной точки можно рассмотреть периодизацию, подробно представленную в работе Селезнева А.В. Однако автор акцентирует внимание на том, что основой для построения периодизации должны служить внутренние процессы и лекционная работа, включая активное взаимодействие на местах. Такой подход позволяет более глубоко понять динамику изменений и выявить закономерности, влияющие на развитие исследуемых явлений. [14] Селезнев А.В. подчеркивает важность учета специфики контекста и методов работы, что, по его мнению, способствует более точной и адекватной интерпретации данных. Исследуемый период характеризуется формированием масштабной общественной организации, объединяющей представителей интеллигенции. Это объясняется расширением функционала общества, которое помимо традиционных информационных, идеологических, агитационно-пропагандистских и консультативных функций, интегрирует в свою деятельность

образовательную составляющую. В этот период наблюдается активное создание народных университетов – результат совместных усилий Всесоюзного общества, государственных структур, общественных организаций, а также научно-образовательных учреждений. Изначально задуманные как платформа для лекционной пропаганды, народные университеты эволюционируют, трансформируясь в центры непрерывного образования для взрослого населения.

В нашем случае, отсутствие исследований деятельности Псковского отделения Общества «Знание», а также недостаточная изученность вклада советской интеллигенции в формирование научного мировоззрения на региональном уровне, определяют актуальность данного исследования. Это делает необходимым проведение исследования, которое позволит оценить вклад советской интеллигенции в формирование научного мировоззрения населения Псковской области в 1960-1970-е годы на примере деятельности областного отделения общества «Знание».

Объекты и методы исследования.

Объектом исследования является Псковское областное отделение общества «Знание» в 1960-1970 гг.

Предметом исследования является роль интеллигенции в популяризации научного знания в рамках деятельности Общества «Знание».

Основной источниковой базой исследования является фонд Ф.Р.-1800 Государственного архива Псковской области. В основе исследования лежат отчеты о лекционной и издательской работе членов общества «Знание», о составе членов, справки, протоколы и информационные письма о работе областного отделения общества «Знание». Для работы с источниками, в нашем исследовании применен комплексный подход, интегрирующий методы исторического анализа, статистической обработки данных и систематического изучения связей между различными элементами изучаемого феномена.

Метод исторической реконструкции позволил восстановить хронологию деятельности общества «Знание» в Псковской области, выявив ключевые этапы ее развития и влияние внешних факторов.

Метод системного анализа позволил проанализировать взаимосвязь между разными элементами деятельности общества «Знание» - структурой, организационными принципами, содержанием работы и влиянием на общество. Системный подход помог выделить ключевые факторы, определявшие эффективность деятельности общества «Знание» в Псковской области, например, роль интеллигенции, степень поддержки от государства, уровень интереса населения к науке.

Корреляционный метод был использован для систематизации и обработки количественных данных, таких как численность членов общества «Знание», количество проведенных лекций. Корреляционный анализ позволил установить взаимосвязь между количественными показателями деятельности общества «Знание» и другими факторами, влияющими на процесс формирования научного знания в регионе.

Комплексное применение данных методов позволило провести многостороннее исследование роли советской интеллигенции в формировании научного знания в Псковской области на примере деятельности общества «Знание» в 1960-1970-е гг.

Результаты и их обсуждение. Данный период характеризуется значительным развитием научно-технического прогресса в СССР, и деятельность общества «Знание» играла важную роль в распространении научных знаний среди населения. Период 1960-1970-х годов характеризовался глобальной научно-технической революцией, который в условиях Холодной войны приобрел для СССР стратегическое значение, поскольку научно-техническое превосходство стало фактором, определяющим национальную безопасность и геополитическое влияние. В этот период интенсификация научно-

исследовательских работ была обусловлена необходимостью сохранения паритета с Западом и достижения лидирующих позиций в ключевых областях науки и техники. [14, с.17] Дополнительно отметим, что принятие в 1961 году Программы КПСС, нацеленной на построение коммунизма в СССР к 1980 году, заложило идеологическую и политическую основу для масштабных «инвестиций» в науку и технику. Программа конкретизировала цели и задачи научно-технического развития, определяя его как фундаментальную основу построения коммунистического общества. В этих условиях деятельность Общества «Знание», направленная на популяризацию научных достижений среди широких слоев населения, приобретала особую актуальность и социально-политическую значимость.

Именно в это время общество «Знание» – центральная платформа для распространения научных знаний, – приобретает особую актуальность, становясь одним из ключевых инструментов формирования научного мировоззрения советских граждан.

В Псковской области, как и в других регионах СССР, деятельность областного отделения общества «Знание» играла заметную роль в популяризации научного знания. Интеллигенция – ученые, педагоги, инженеры, писатели, журналисты – активно участвовала в работе общества, организовывая лекции, выставки, конференции, публикуя научно-популярные статьи и книги. Отметим, что Псковская область, традиционно аграрный регион, к 1960-м годам переживала период промышленного развития, хотя сельское хозяйство по-прежнему оставалось важной отраслью экономики. Развитие промышленности создавало потребность в квалифицированных кадрах и распространении научных знаний среди населения, что обусловило актуальность деятельности регионального отделения Общества «Знание». Открытие отделения в 1948 году можно рассматривать как реакцию на изменяющуюся социально-

экономическую ситуацию в регионе и попытку обеспечить доступ к современным научным и техническим знаниям для различных слоев населения, включая как сельских жителей, так и рабочих промышленных предприятий. Значимость деятельности общества «Знание» для Псковской области в 1960-70-е годы проявляется в нескольких ключевых элементах:

1. Повышение уровня научной грамотности населения: лекции, дискуссии, выставки, организованные обществом «Знание», способствовали формированию у жителей области научного мировоззрения, расширению кругозора, увеличению интереса к науке и технике.

2. Интеграция научных идей в повседневную жизнь: «Знание» не ограничивалось узкоспециализированной информацией, но активно пропагандировало научные идеи, связанные с различными сферами жизни – от сельского хозяйства и медицины до космонавтики и искусства. Это способствовало повышению уровня жизни населения и стимулировало интерес к новым технологиям.

3. Создание интеллектуального центра: Областное отделение общества «Знание», местные отделения, стали «местом встреч» для интеллигенции, где она могла

обмениваться опытом, идеями и участвовать в совместных мероприятиях. Это способствовало развитию научной культуры в регионе.

Важно отметить, что общество «Знание» представляло собой неотъемлемую часть советской общественной жизни, функционируя в рамках господствующей идеологии и, одновременно, отражая её влияние на общественное сознание. Оно испытывало на себе роль идеологической системы, в частности, это выражалось в проведении тематических лекций, посвященных раскрытию сути программы КПСС, лекций, связанных с жизнью и деятельностью Ленина В.И. Однако несмотря на это, общество «Знание» играло важную роль в популяризации науки в Псковской области, способствуя формированию научного мировоззрения населения и развитию интеллектуальной жизни региона.

Анализ списков членов общества «Знание» позволяет оценить его значимость как центра интеллектуальной жизни и распространения знаний. Для объективной оценки необходимо провести количественный анализ его состава. В частности, архивные материалы дают представление о численном составе организации с 1960 по 1980 г.

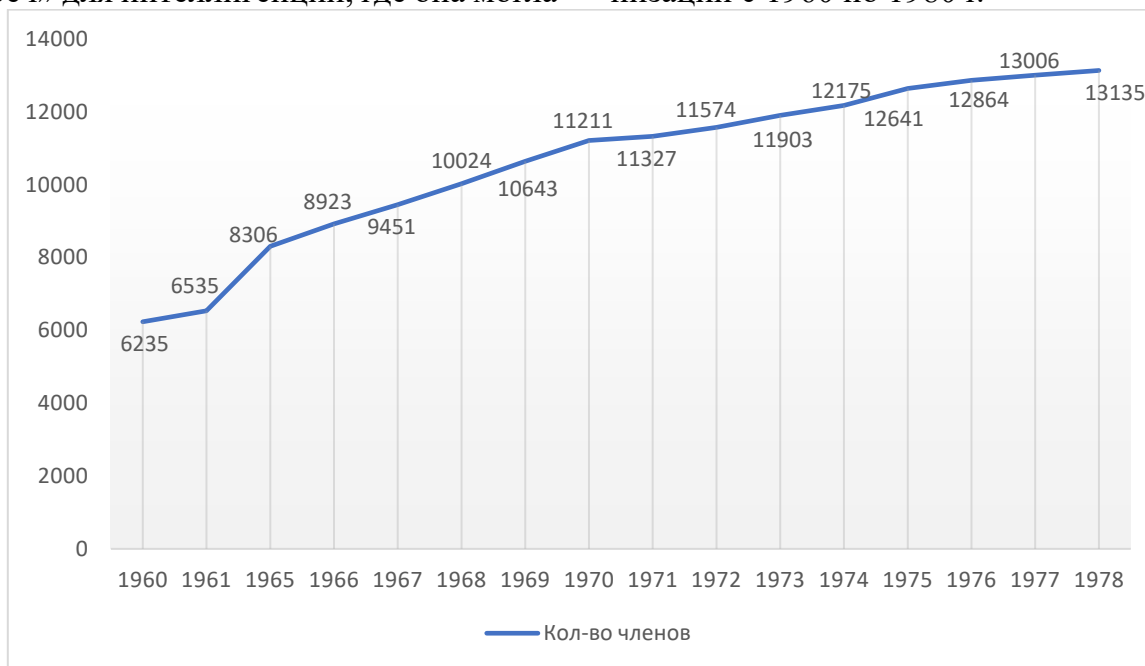

Рис. 1. Численный состав членов Псковского областного отделения Общества по распространению политических и научных знаний

Анализ данных о численности членов общества «Знание» в период с 1960 по 1980 гг. демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, что свидетельствует о его возрастающей роли в просвещении населения.

В период с 1960 по 1970 гг. наблюдается значительное увеличение численности, что говорит о росте интереса интеллигенции к данному обществу. [31, л. 34-35; 32, л. 26-27; 33, л. 3; 16, л. 1; 34, л. 25-26; 2, л. 6-7] Численность за этот период выросла более чем в 1,8 раза, с 6235 человек в 1960 году [6, л. 27-28] до 11211 человек в 1970 году. [3, л. 1-2] Это соответствует увеличению на 79,3% за десятилетие.

В период с 1971 по 1978 гг. наблюдается более умеренный, но все же стабильный рост. [5, л. 1-2; 22, л. 1; 24, л.1; 26, л. 1] Численность общества увеличилась примерно на 1900 человек (с 11327 до 13135), что составляет прирост около 16,7% за 8 лет. [12, л. 1; 23, л.1-2; 29, л. 1-2]

Следует отметить, что отсутствие

полной информации за 1962-1964 гг. и 1979-1980 гг. не позволяет составить целостную картину динамики численности за весь период с 1960 по 1980 гг. в силу необходимой отчетности в фонде и дифференцированно представленной информации о количестве членов общества «Знание». Однако имеющиеся данные дают основание предположить, что рост количества членов общества в рассматриваемый период был устойчивым, что свидетельствует о его популярности и актуальности как просветительской организации.

Проследивая динамику численности членов общества «Знание» и количества прочитанных лекций в период с 1960 по 1980 гг., можно обнаружить тесную взаимосвязь между этими двумя показателями. Увеличение численности общества непосредственно коррелирует с ростом количества лекций, что свидетельствует о прямом влиянии притока новых членов на активность просветительской деятельности организации.

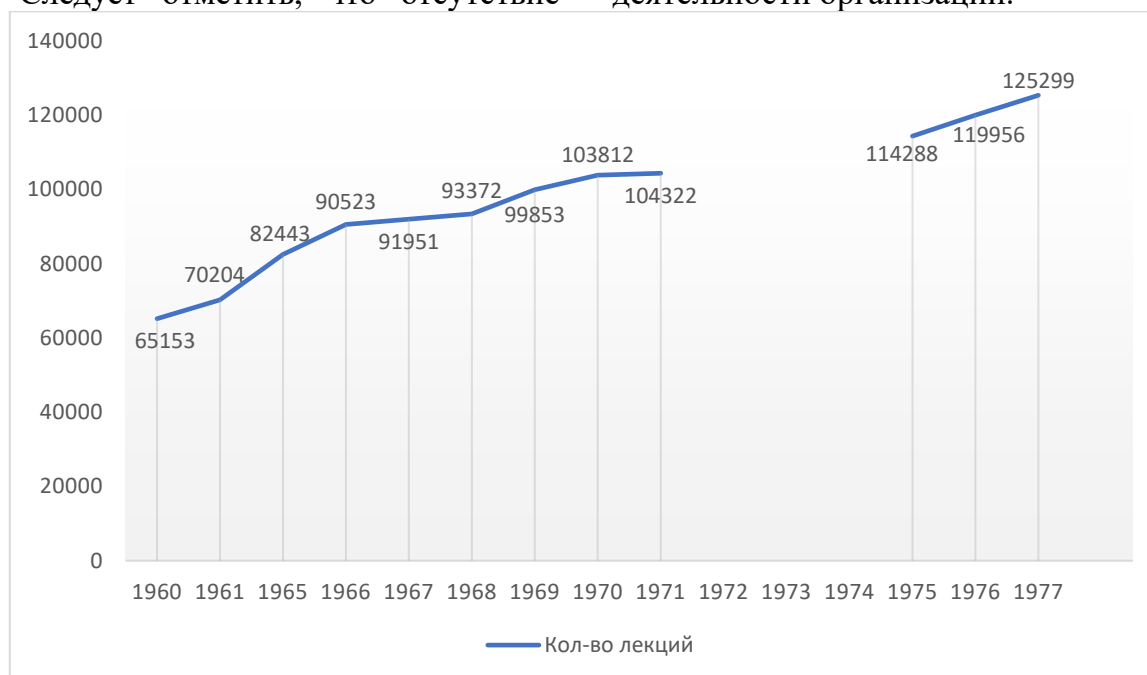

Рис. 2. Количество лекций, прочитанных членами Псковского областного отделения Общества по распространению политических и научных знаний

Анализ данных о количестве лекций, прочитанных членами общества «Знание» в период с 1960 по 1977 гг., демонстрирует устойчивую динамику

расширения просветительской деятельности организации.

Наблюдается значительное увеличение количества лекций, прочитанных за

период с 1960 по 1970 годы. [31, л. 32; 32, л. 25; 33, л. 1; 16, л. 1-2; 34, л. 20; 2, л. 4] За десятилетие количество лекций выросло более чем на 58%, с 65153 в 1960 году [6, л. 25] до 103812 в 1970 году. [3, л. 1-2]

В период с 1971 по 1977 гг. количество лекций продолжало расти, [5, л. 1-2; 22, л. 1; 24, л. 1; 27, л. 1] но более медленными темпами. За этот период количество лекций увеличилось примерно на 21500 (с 104322 до 125299), что составляет прирост около 20,6% за 7 лет. [12, л. 1; 23, л. 1-2]

К сожалению, отсутствие точной информации и ее достаточную дифференцированность за 1962-1964 гг., 1972-1974 гг. и 1978-1980 гг. не дает возможности полностью оценить динамику роста количества лекций за весь период с 1960 по 1980 гг. [29, л. 1-2] Однако имеющиеся данные позволяют предположить, что общество «Знание» активно развивало свою просветительскую деятельность, что свидетельствует о ее важности для населения.

Динамика численности членов общества «Знание» и количества прочитанных лекций в период с 1960 по 1980 годы, рассматриваемая в контексте внутренней политики СССР, позволяет проанализировать взаимосвязь между деятельностью общества в сфере просвещения и государственной идеологической программой. Рост количества лекций и членов общества «Знание» в 1960-е годы отражает активную идеологическую политику СССР, направленную на укрепление советского общества и борьбу с «буржуазной идеологией». В это время проводились широкомасштабные кампании по пропаганде достижений коммунизма, а общество «Знание» играло важную роль в их реализации и трансляции ценностей советского государства.

Умеренный рост числа членов общества «Знание» и количества проводимых лекций в 1970-е годы коррелирует с относительно стабильной политической и социальной системой СССР. В этот период идеологическая работа приобрела более институционализированный характер,

направленный на поддержание status quo. Общество «Знание» в этих условиях функционировало как один из основных каналов передачи информации, в значительной степени соответствующей официальной идеологии. В силу отсутствия полных данных за некоторые годы не позволяет сделать более точный анализ, однако имеющиеся информация позволяют подчеркнуть, что общество «Знание» было одним из важных инструментов пропаганды и идеологической работы в СССР.

Однако для понимания роли общества «Знание» в просвещении населения необходимо выделить ключевые темы лекций, чтобы выявить актуальные направления идеологической работы и определить направления работы членов общества «Знание».

Анализ тематики лекций, прочитанных членами общества «Знание» в период с 1960 по 1980 гг., позволяет выявить ключевые направления просветительской деятельности организации и проследить их динамику в контексте идеологической политики СССР. Наиболее популярной темой на протяжении всего периода остается «История КПСС». [32, л. 25; 34, л. 20; 27, л. 1] Это свидетельствует о важной роли идеологической работы в СССР, направленной на формирование советского патриотизма и укрепление коммунистических идей. Лекционный курс по истории КПСС освещал историю борьбы за построение социалистического общества, роль Коммунистической партии в развитии страны, а также достижения советской системы. Таким образом, общество «Знание» выполняло задачу по формированию советского патриотизма и укреплению коммунистических идей через популяризацию идеологии партии.

В 1960 году на первом месте по популярности стояла «Международная» тематика, которая включала в себя вопросы внешней политики СССР, международного коммунистического движения и борьбы с «империализмом», она часто

встречается в лидирующей «пятерке» тем на протяжении 60-ых годов. [6, л. 25; 32, л. 25; 33, л. 1; 2, л. 4] В это время холодная война находилась в полном разгаре, и СССР активно пропагандировал свою идеологию на международной арене. Общество «Знание» выступало как один из инструментов пропаганды и борьбы с «буржуазной идеологией» в общественной среде Псковской области.

В 1961 году лидирует «Педагогика», что может быть связано с изменениями в системе образования, проводимыми в СССР в это время. [31, л. 32] В частности, закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования», принятый Верховным Советом в 1958 году, предусматривал замену всеобщего семилетнего образования на всеобщее восьмилетнее. Полная реализация этой реформы завершилась к 1962 году. Общество «Знание» активно участвовало в просвещении учителей и родителей, распространяя новые педагогические методы и идеи. Это свидетельствует о стремлении СССР к укреплению идеологического контроля над образовательной системой. Отдельно отметим, что тематика педагогики и психологии начинает приобретать популярность в конце 70-ых годов [25, л. 4-6] в силу того, что 1979 год был объявлен Международным годом ребенка и СССР [30, л. 1-3] придавало импульс данной теме через общественные организации, в том числе и общество «Знание». В 1973-1976 годах также активно развивается тематика «Педагогика и психология», [27, л. 1; 12, л. 1] что может быть связано с усилением внимания к воспитательной работе в СССР. Общество «Знание» проводило лекции о воспитательных методах, о психологии развития личности и о роли семьи в воспитании.

В 1966-1967 годах на втором месте появляется «Медицина», что может быть связано с развитием здравоохранения в СССР и проведением в СССР в 1967-1969

годах реформы медицинского образования, которая была направлена на раннюю профилизацию будущих врачей. [33, л. 1; 16, л. 2] Общество «Знание» проводило лекции о достижениях советской медицины, о профилактике заболеваний и о важности здорового образа жизни.

Также отметим, что в 1970 году на лидирующие позиции становится «Научно-техническая» тематика, что может быть связано с усилением внимания к развитию науки и технологий в СССР как общими тенденциями в государстве. [3, л. 1] Это, вероятно, отражает усиление государственного внимания к науке и технологиям, обусловленное целями, поставленными в программе построения коммунизма 1961 года, предусматривающей модернизацию научно-технической базы. Общество «Знание» проводило лекции о последних научных открытиях, о прогрессе в различных отраслях науки и технологий.

Таким образом, анализ тематики лекций, прочитанных членами общества «Знание» в период с 1960 по 1976 гг., позволяет сделать вывод о том, что общество играло ключевую роль в реализации идеологической политики СССР. Тематические направления лекций отражали не только ключевые идеологические установки того времени, но и отражали важнейшие социальные и экономические процессы, происходящие в стране. Акцент на «Истории КПСС» свидетельствует о стремлении СССР укрепить идеологический контроль над населением и пропагандировать коммунистическую идею. Популярность «Международной» тематики отражает напряженность холодной войны и активную пропаганду советской идеологии за рубежом. В то же время, появление «Педагогики» в качестве одной из ключевых тем говорит о важности для СССР образования и воспитания в духе коммунистической идеологии. Появление «Медицины» и «Научно-технической» тематики отражает стремление СССР продемонстрировать достижения в сфере здравоохранения

и науки, а также пропагандировать преимущества социалистического строя в этих областях. В целом, прослеживается определенная динамика тематики лекций, отражающая изменения в идеологической политике СССР и ключевые социальные и экономические процессы в стране.

Анализ тематики лекций, прочитанных членами общества «Знание», позволяет определить ключевые направления идеологической работы СССР в контексте просветительской деятельности. Однако для более глубокого понимания роли общества «Знание» в формировании общественного сознания необходимо обратиться к составу лекторов и методам их работы. Анализ этих аспектов позволит оценить эффективность просветительской деятельности организации и её взаимодействие с другими социальными институтами советского общества.

Анализируя материалы фонда общества «Знание», мы получаем ценную информацию о структуре его лекторского состава. Для понимания динамики этого процесса, выделим некоторые тенденции на основе статистических данных общества «Знание». Следует начать с 1960-х годов, периода зарождения и активного развития просветительской организации.

В первую очередь, следует отметить лекторский состав, имеющий звания докторов и кандидатов наук. Подчеркнем, что в данном случае, наблюдается стабильность и постепенный рост. За десятилетие 1960-1969 гг. наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа лекторов с научными степенями и званиями. [31, л. 34-35; 32, л. 26-27; 33, л. 3; 16, л. 2; 34, л. 25-26] С 1 доктора наук и профессора в 1960 году, [6, л. 27-28] их число достигло 8 в 1969 году. [2, л. 6-7] В середине 1960-х годов их число достигло 3 в 1965 году, что говорит о постепенном увеличении роли научных специалистов в обществе «Знание». Число кандидатов наук и доцентов также увеличилось с 71 в 1960 году [31, л. 34-35] до 114 в 1969 году. [2,

л. 6-7] К середине 1960-х годов их число превышало 90 человек, что свидетельствует о постепенном увеличении роли специалистов с научными степенями в обществе «Знание». Такая динамика свидетельствует о повышении уровня профессионализма лекторского состава общества «Знание». Общество все больше привлекает к работе высококвалифицированных специалистов с научными степенями и званиями, что подтверждает стремление к более глубокому и научному подходу к распространению знаний.

Положительная динамика, начавшаяся в 1960-х годах, продолжилась и в 1970-е. Общество «Знание» укрепляло свой кадровый потенциал, привлекая к работе высококвалифицированных специалистов с научными степенями и званиями. С 1 доктора наук и профессора в 1960 году, [31, л. 34-35] их число достигло 12 в 1978 году. [29, л. 2] Число кандидатов наук и доцентов также увеличилось до 232 в 1978 году. В 1970-х годах количество докторов наук и профессоров постепенно росло, достигая 9 в 1972 году [22, л.1] и 11 в 1976 году. [28, л. 1-2] Число кандидатов наук и доцентов также увеличивалось с 154 в 1970 году [3, л. 2] до 178 в 1973 году [24, л. 1] и 211 в 1976 году. [28, л. 1-2]

Обратимся к вопросу профессиональному составу указанного периода и отметим, что учителя школ являлись одним из фундаментов просвещения и работы общества «Знание». Они сохраняют статус самой многочисленной группы лекторов на протяжении всего десятилетия. Их количество увеличилось с 3555 в 1960 году [6, л. 27-28] до 5158 в 1969 году. [2, л. 6-7] В середине 1960-х их число уже превышало 4000 человек, [32, л. 26-27; 33, л. 3] что отражает важнейшую роль общества «Знание» в повышении квалификации педагогов и распространении знаний среди учащихся и населения. Рост преподавателей ВУЗов в том числе заметен. Число преподавателей высших учебных заведений, работающих в обществе

«Знание», значительно возросло с 103 в 1960 году [6, л. 27-28] до 331 в 1969 году. [2, л. 6-7] В середине 1960-х годов их число составляло около 200 человек, [16, л. 2; 33, л. 3] что подтверждает тесные связи общества «Знание» с образовательной системой и его стремление привлекать к просветительской работе ученых и преподавателей с опытом и знаниями в различных областях науки и образования.

Наблюдается рост числа лекторов из других профессий: врачи, инженеры, специалисты сельского хозяйства, юристы, рабочие, колхозники. Можно подчеркнуть, что сельская интеллигенция, в том числе, занимает весомое место. В середине 1960-х годов количество врачей-лекторов достигало почти 500 человек, а инженеров - более 400, что указывает на востребованность научного знания и обусловлено приоритетными интересами для этого периода времени, охватывающих широкий спектр знаний и дисциплин от медицины и технологий до юридических вопросов и сельского хозяйства. [32, л. 26-27; 26, л.1] Приоритет, отводимый в программе КПСС «Задачи партии в области подъема материального благосостояния народа» улучшению здравоохранения и увеличению продолжительности жизни населения, служил стимулом для привлечения в образовательную сферу специалистов из смежных отраслей

Анализ деятельности общества «Знание» демонстрирует сложную взаимосвязь между сверхустановленными идеологическими приоритетами и адаптацией к региональным условиям. Централизованное планирование, обусловленное советской системой, определяло ключевые темы лекторских программ, тесно связанные с целями построения коммунизма, реализацией конституционных положений и пропагандой партийной линии. Однако, для эффективного функционирования на месте, общество было вынуждено учитывать региональные особенности, местные проблемы и запросы

населения. Это приводило к некоторой дифференциации тематики лекций и методов работы, что свидетельствует о наличии механизмов адаптации централизованной идеологической программы к разнообразным условиям реального существования.

Следует отметить, что общество «Знание» продемонстрировало устойчивое развитие в 1960-1970 гг., увеличивая количество лекторов, расширяя темы лекций и укрепляя свои связи с образовательными и научными учреждениями. Оно активно работало над повышением уровня образования в сельской местности, что свидетельствует о его важной роли в развитии сельского хозяйства и социально-экономического развития страны в целом. Общество «Знание» уделяло внимание привлечению к работе высококвалифицированных специалистов с научными степенями и званиями, что подтверждает его стремление к более глубокому и научному подходу к просветительской деятельности.

Заключение (выводы). Анализируя деятельность областного отделения общества «Знание» в Псковской области в 1960-1970-х годах, можно сделать вывод о том, что оно играло значимую роль в формировании научного знания и популяризации науки среди населения региона. Статистический анализ численности членов общества и количества проводимых лекций демонстрирует устойчивую положительную динамику, свидетельствующую о росте интереса к науке.

Анализ тематической направленности лекций за рассматриваемый период выявляет четкий акцент на достижениях советской науки, особенно в контексте холодной войны. Основная часть лекций была посвящена практическому применению научных знаний, а также пропаганде достижений СССР в различных сферах. Это подчеркивает идеологический контекст деятельности общества «Знание», направленной на формирование у населения патриотического сознания и веры в

прогресс советской науки.

Состав лекторов также отражает характер общества «Знание». Ключевую роль в его работе играла советская интеллигенция: ученые из местных вузов, педагоги школ и техникумов, а также писатели и журналисты. Это говорит о том, что общество «Знание» действовало в тесном взаимодействии с государством, используя интеллектуальный потенциал региона для распространения научных знаний.

Деятельность областного отделения общества «Знание» в Псковской области в 1960-1970-х годах представляла собой эффективный механизм популяризации науки в контексте идеологического влияния советской власти. Использование

разнообразных методов, опираясь на потенциал советской интеллигенции, позволило достичь устойчивого интереса к науке среди населения и способствовало формированию научного мировоззрения. Важно отметить, что деятельность общества «Знание» не была идеализирована. Она также отражала ограничения советской системы, в том числе идеологическую цензуру и пропаганду режимных достижений в виде популяризации и пропаганды программ КПСС. Однако несмотря на это, общество «Знание» играло важную роль в популяризации науки в Псковской области, способствуя формированию научного мировоззрения населения и развитию интеллектуальной жизни региона.

Список литературы

1. Боголюбов Е.А. «Осуществление правовой пропаганды в РСФСР Всесоюзным обществом «Знание» в 1960-70-е годы» // Историко-правовые проблемы: новый ракурс, 2019. №4. С. 156-166.
2. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 178.
3. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 196.
4. Викторов А.Г. «Роль Всесоюзного общества знания в развитии Астраханской области в 1965-1985 гг.» // Евразийский Союз Ученых, 2015. № 7. С. 41-42.
5. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 208.
6. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 101.
7. Задорожный А.Л. «Просветительская деятельность Общества «Знание» России (на материале Самарской областной организации)»: дисс. канд. ист. наук. Самара: Самарский государственный педагогический институт, 2001. 185 с.
8. Карцева Л.В. «От общества «Знание» к «Обществу знания» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. Казань, 2012. №4. С. 66-68.
9. Лукьянов А.О. «Челябинское отделение общества «Знание» и атеистическая пропаганда в период политики перестройки» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Челябинск, 2021. №3. С. 40-46.
10. Мамонтова М.А. «О создании Всесоюзного общества «Знание» в Омске» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», Омск. 2014. № 1. С. 110-114.
11. Мамонтова М.А. «Общество становится массовой организацией советской интеллигенции»: справка об организации и работе Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». Омск, 2020. №1. С. 236-243.
12. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 337.
13. Никитина И.В. «Деятельность Амурского областного отделения Всесоюзного общества «Знание» на этапе становления (1948 - начало 1950-х гг.)» // Общество: философия, история, культура. Благовещенск, 2020. № 7. С. 43-50.
14. Селезнев А.В. Периодизация истории Всесоюзного общества «Знание» на основе сравнительного и функционального анализа эволюции его целевых установок,

организационных основ и структуры // Человек и культура, Красноярск. 2018. №1. С. 17-33.

15. Селезнев, А.В. Демиурги нового мира: просветительская деятельность Красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947-1992 гг. Красноярск: КрасГАУ, 2021. 400 с.

16. ГАПО Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 158.

17. Халимова А.С. «Сравнительно-исторический анализ уставов Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2018. №8. С. 190-194.

18. Официальный сайт Российского общества «Знание» / «Этими людьми невозможно не гордиться». В Кремле вручили награды лучшим просветителям года» [Электронный ресурс]. URL: <https://znanierussia.ru/news/etimi-lyudmi-nevozmozhno-ne-gorditsya-v-kremle-vruchili-nagrady-luchshim-prosvetitelyam-goda> (дата обращения: 10.02.2025)

19. Грушвицкий И.В., Разумов С.А. Биология и религия. Ленинград.: Знание 1960. 72 с.

20. Богуславский В.М. Тезисы Маркса о Фейербахе. М.: Знание, 1960. 33 с.

21. Глазунов И.Д. М. В. Ломоносов – основоположник русской материалистической философии. М.: Знание, 1961. 46 с.

22. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 227.

23. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 376.

24. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 237.

25. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 251.

25. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 288.

27. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 289.

28. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 336.

29. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 417.

30. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1 Д. 450.

31. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 111.

32. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 142.

33. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 150.

34. ГАПО. Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 170.

THE ROLE OF SOVIET INTELLECTUALS IN POPULARISING THE SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE PSKOV REGIONAL BRANCH OF THE SOCIETY 'ZNANIE' (1960-1970).

The article is devoted to the study of the role of the Soviet intelligentsia in the formation of scientific knowledge in the Pskov region on the example of the activities of the regional branch of the society «Znanie» in 1960-1970. During this period there was an active development of scientific and technological progress in the USSR, and the society «Znanie» played a significant role in the dissemination of scientific knowledge among the population. The study is based on a comprehensive approach that integrates the methods of historical analysis, statistical data processing and systematic study of the links between the various elements of the phenomenon under study. The article analyses the structure and activities of the Pskov regional branch of the society «Znanie», studies the composition and social status of its members, and identifies the main forms and methods of scientific knowledge dissemination (lectures, seminars, exhibitions, publications). Particular attention is paid to the influence of the society «Znanie» on the development of scientific potential of the Pskov Oblast, shaping the world outlook of the population and stimulating interest in science among young people. The study reveals the key features of the activity of the Pskov regional branch of the society «Znanie», analyses its influence on the formation of scientific knowledge in the region, identifies the factors that facilitated or hindered the effective work of the society in 1960-1970.

Keywords: Soviet intelligentsia, «Znanie» society, scientific enlightenment, popularisation of science, Pskov region, ideology, society, promotion.

References

1. Bogolyubov E.A. (2019) Osushchestvlenie pravovoj propagandy v RSFSR Vsesoyuznym obshchestvom «Znanie» v 1960-70-e gody [Implementation of legal propaganda in the RSFSR by the All-Union Society «Znanie» in the 1960-70s]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*. №4. S. 156-166.
2. Gosudarstvennyy arhiv Pskovskoy oblasti (dalee – GAPO). GAPO. F.R-1800. Op. 1. D. 178.
3. GAPO. F.R-1800. Op. 1. D. 196.
4. Viktorov A.G. (2015) Rol' Vsesoyuznogo obshchestva znaniya v razvitii Astrahanskoy oblasti v 1965-1985 gg. [The role of the All-Union Knowledge Society in the development of the Astrakhan region in 1965-1985]. *Evrasijskiy Soyuz Uchenyh*. № 7. S. 41-42.
5. GAPO. F.R-1800. Op. 1. D. 208.
6. GAPO. F.R-1800. Op. 1. D. 101.
7. Zadorozhnyy A.L. (2001) Prosvetitel'skaya deyatelnost' Obshchestva «Znanie» Rossii (na materiale Samarskoj oblastnoy organizatsii) [Educational activities of the Society «Znanie» of Russia (on the material of the Samara regional organisation)]. diss. kand. ist. nauk. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. 185 s.
8. Karceva L.V. (2012) Ot obshchestva «Znanie» k «Obshchestvu znaniya [From the Society «Knowledge» to the «Society of Knowledge»]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. Kazan'. №4. S. 66-68.
9. Luk'yanov A.O. (2021) Chelyabinskoe otdelenie obshchestva «Znanie» i ateisticheskaya propaganda v period politiki perestrojki [Chelyabinsk branch of the society «Znanie» and atheistic propaganda in the period of perestroika policy]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki. Chelyabinsk. №3. S. 40-46.
10. Mamontova M.A. (2014) O sozdanii Vsesoyuznogo obshchestva «Znanie» v Omske [On the establishment of the All-Union Society «Znanie» in Omsk]. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seriya «Istoricheskie nauki», Omsk. № 1. S. 110-114.
11. Mamontova M.A. (2020) Obshchestvo stanovitsya massovoj organizatsiej sovetskoj intelligencii»: spravka ob organizatsii i rabote Vsesoyuznogo Obshchestva po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnykh znaniy [Society becomes a mass organisation of the Soviet intelligentsia': reference to the organisation and work of the All-Union Society for the dissemination of political and scientific knowledge]. *Vestnik Omskogo universiteta*. Seriya «Istoricheskie nauki». Omsk. №1. S. 236-243.
12. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 337.
13. Nikitina I.V. (2020) Deyatel'nost' Amurskogo oblastnogo otdeleniya Vsesoyuznogo obshchestva «Znanie» na etape stanovleniya (1948 - nachalo 1950-h gg.) [Activity of the Amur Regional Branch of the All-Union Society «Znanie» at the stage of formation (1948 - early 1950s)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. Blagoveshchensk. № 7. S. 43-50.
14. Seleznev A.V. (2018) Periodizatsiya istorii Vsesoyuznogo obshchestva «Znanie» na osnove sravnitel'nogo i funktsional'nogo analiza evolyucii ego celevykh ustanovok, organizatsionnykh osnov i struktury [Periodisation of the history of the All-Union Society «Znanie» on the basis of comparative and functional analysis of the evolution of its target settings, organisational foundations and structure]. *Chelovek i kul'tura*, Krasnoyarsk. №1. S. 17-33.
15. Seleznev, A.V. (2021) Demiurgi novogo mira: prosvetitel'skaya deyatelnost' Krasnoyarskoj kraevoy organizatsii obshchestva «Znanie» v 1947-1992 gg. [Demiurgy of the new world: educational activities of the Krasnoyarsk regional organisation of the society «Znanie» in 1947-1992]. Krasnoyarsk: KrasGAU, 2021. 400 s.
16. GAPO F.R-1800. Op. 1. D. 158.

17. Halimova A.S. (2018) *Sravnitel'no-istoricheskij analiz ustavov Vsesoyuznogo obshchestva po rasprostraneniyu politicheskikh i nauchnykh znaniy* [Comparative-historical analysis of the statutes of the All-Union society for the dissemination of political and scientific knowledge]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Volgograd. №8. S. 190-194.

18. Oficial'nyj sajt Rossijskogo obshchestva «Znanie» / «Etimi lyud'mi nevozmozhno ne gordit'sya». V Kremle vruchili nagrody luchshim prosvetitelyam goda» [Official website of the Russian Society «Znanie». It is impossible not to be proud of these people. In the Kremlin presented awards to the best educators of the year]. URL: <https://znanierussia.ru/news/etimi-lyudmi-nevozmozhno-ne-gorditsya-v-kremle-vruchili-nagrody-luchshim-prosvetitelyam-goda> (accessed: 10.02.2025)

19. Grushvickij I.V., Razumov S.A. (1960) *Biologiya i religiya* [Biology and religion]. Leningrad.: Znanie. 72 s.

20. Boguslavskij V.M. (1960) *Tezisy Marksa o Fejersbahe* [Theses of Marx on Feuerbach]. M.: Znanie. 33 s.

21. Glazunov I.D. (1961) *M. V. Lomonosov – osnovopolozhnik russkoj materialisticheskoy filosofii* [Lomonosov - the Founder of Russian Materialist Philosophy]. M.: Znanie. 46 s.

22. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 227.

23. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 376.

24. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 237.

25. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 251.

26. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 288.

27. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 289.

28. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 336.

29. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 417.

30. 5. GAPO. F.R-1800. Op. 1 D. 450.

31. GAPO. F.R-1800. Op. 1. D. 111.

32. GAPO. F.R-1800. Op. 1. D. 142.

33. GAPO. F.R-1800. Op. 1. D. 150.

34. GAPO. F.R-1800. Op. 1. D. 170.

Об авторе

Власов Тимофей Викторович – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» (Россия), E-mail: timafey13@gmail.com

Vlasov Timofey Viktorovich – postgraduate student of the Department of Russian and General History, FGBOU VO «Pskov State University» (Russia), E-mail: timafey13@gmail.com

Горбачевский Е.А., Институт российской истории РАН, Государственный исторический музей (Россия)

ДВОРЯНЕ И ДЕТИ БОЯРСКИЕ ЗАКОТОРОЖСКОГО СТАНА ЯРОСЛАВСКОГО УЕЗДА В 1678 И 1710 ГГ.

Работа посвящена изучению переписной книги Закоторожского стана Ярославского уезда 1710 г. Ценность источника представляется в достаточно редком сочетании следующих данных: 1) разделении служилых людей исходя из места их проживания: в Ярославском уезде или на Москве и соответственно службы с городом или по московскому списку; 2) наличии для ярославской группы дворян и детей боярских подробных сведений о членах их семей, включая жен и дочерей; 3) указании для нескольких десятков поместий и вотчин их предшествующих владельцев на момент переписи 1678 г. В целом подобная структура не является характерной для переписных книг. Иными словами, результаты изучения данных 1710 г. при привлечении материалов 1678 г. позволяют проследить изменения в генеалогическом составе служилых землевладельцев Закоторожского стана произошедшие в конце 1670-х – конце 1700-х гг. Основываясь на подробных сведениях о поле, возрасте и семейном положении представляется возможным охарактеризовать демографические особенности исследуемой группы провинциального дворянства в конце XVII – начале XVIII в. и ее вероятные перспективы изменений в 1710-е гг. Наконец, сведения о прошлых собственниках не только целых поместий и вотчин, но и частей и долей земельных наделов на примере в несколько десятков случаев позволяют обратиться к вопросам мобилизации владений, их переходам по различным линиям внутри служилого рода и за его пределы. Рассмотрение данных сюжетов представляется необходимым еще и в связи с малой степенью изученности темы служилого землевладения на рубеже XVII-XVIII вв.

Ключевые слова: служилое землевладение, переписная книга, Ярославский уезд, Закоторожский стан, дворяне, дети боярские, демография, служба с городом, служба по московскому списку

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-31-43

Введение. Тему служилого землевладения конца XVII – начала XVIII в. вряд ли можно назвать избыточной с точки зрения объема историографии. Развитие служилого землевладения более раннего периода XV – первой половины XVII в. представлена исследованиями С.В. Рождественского, Н.П. Павлова-Сильванского, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.А. Новосельского, В.Б. Кобрин, В.Н. Козлякова и др., [9; 10; 3; 1; 2; 8; 4; 5; 6;]. Вторая половина XVII в. затрагивалась только в работах О.А. Шватченко и Т.А. Лаптевой [11; 7, 317–372]. При этом первым из исследователей использовались обобщенные данные о землевладении, из-за чего охарактеризовать детали процесса развития служилого

землевладения крайне затруднительно. Вторым из авторов в монографии в главе посвященной служилому землевладению не использовались материалы Поместного приказа.

Иными словами, тема развития служилого землевладения на рубеже XVII – XVIII в. является своего рода белым пятном в историографии.

Объекты и методы исследования. В предлагаемой работе основное внимание сосредоточено на отдельно взятом микрорегионе Верхневолжья. Поводом для исследования послужило выявление своеобразного источника – подробных сведений о землевладении и составе семей дворян и детей боярских Закоторожского стана Ярославского уезда¹ в

¹ Заметим также, что тема служилых людей Ярославского уезда во второй половине XVII в. также является малоизученной. Материалы по служилой корпорации Ярославля периода конца XVI – первой половины XVII в. подробно рассмотрены в работах В.Н. Козлякова [5; 6].

© Горбачевский Е.А.

© Gorbacheffskiy E.A.

переписной книге 1710 г.¹

Эти сведения представляют собой список из 242 дворян и детей боярских, имевших владения в указанном стане. Сама переписная книга 1710 г. имеет следующую структуру. В начале указывается список из 137 служилых людей; заглавие списка характеризует всю группу как помещиков и вотчинников, живущих в Зако-торожском стане Ярославского уезда. Для каждого землевладельца в списке приводятся данные о его семье (включая жен, детей обоих полов, внуков, а также сведения о возрасте помещика и членов его семьи). Кроме этого следует указание на населенный пункт, в котором проживает данный дворянин. В работе обозначены как ярославская группа или группа № 1.

Далее следует второй список из 80 человек, предваряемый заголовком о том, что все эти люди живут на Москве и написаны по другим городам. Для каждого из этих служилых людей приводится только их место жительства, частота приездов в ярославское владение и периодически сведения о службе. В тексте статьи обозначены как московская группа или группа № 2. Отметим, что оба списка не являются оглавлением переписной книги. Само оглавление в данном источнике отсутствует.

После этого в переписной книге 1710 г. идут описания владений части землевладельцев из двух описанных выше групп. В этих описаниях также встречены 25 служилых людей, чьи имена отсутствовали в первых двух списках, эти люди отнесены к отдельной группе № 3. В целом, в подробных описаниях земельных наделов в значительном числе случаев указывается также владелец поместья/вотчины на момент переписи 1678 г. Всего описание приводится для 91 поместья или вотчины, которыми владели 97 служилых людей (в нескольких случаях надел был в общей собственности).

Между описаниями второй и

третьей групп приводятся описания церковных владений, которые в данной работе не рассматриваются.

Ценность источника, на наш взгляд, заключается в удачном и достаточно редком сочетании подробных сведений демографического характера и условий несения службы, что не является характерным для переписных книг. Эти данные при сопоставлении с переписной книгой 1678 г. позволят выявить произошедшие изменения в генеалогическом составе землевладельцев Зако-торожского стана, а также проследить отдельные сюжеты, связанные с изменениями в землевладении. С другой стороны, изучение демографических данных покажет возможные перспективы изменений в составе землевладельцев в 1710-е гг., т.е. период времени, следующий непосредственно после проведения переписи.

Результаты и их обсуждение. Общая численность выборки 217 землевладельцев, которая разделена в источнике на группу служилых людей по Ярославлю – 137 человек и группу служилых людей по Москве – 80 человек. Уже эти данные позволяют говорить о том, что к 1710 г. состав землевладельцев Зако-торожского стана Ярославского уезда на 33,1 % состоял из дворян и детей боярских, несущих службу по московскому списку.

Далеко не всегда для землевладельцев второй группы указывается, в какой губернии он написан, но в 72 случаях отмечено, где они живут: 44 в Москве и 16 в Московской губернии. Остальные проживали в разных городах нечерноземной полосы Европейской части России. Редким случаем представляется характер приездов «москвичей» в свои ярославские владения: из 70 случаев в 17 владельцы приезжали со слов старост и приказчиков временно, в остальных 53 указано, что дворянин не приезжает/никогда не приезжает.

С целью выяснить характер

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 571. Лл. 1 – 284.

изменений в служилом землевладении Закоторожского стана было проведено сравнение генеалогического состава служилых людей по данным переписей 1678 и 1710 гг.

В ярославской группе 1710 г. 52 служилых рода¹, московская группа состоит из представителей 58 родов². Неопределенная группа представлена 17 родами³. И в ярославской, и в московской группах представлены одновременно только 5 родов⁴.

В общем и целом, в 1710 г. 242 землевладельца Закоторожского стана представляли 119 родов. Ранее, в 1678 г., в

этом же стане 320 служилых людей представляли 147 служилых родов⁵. И это с учетом того, что в 1678 г. значительная часть стана (54 населенных пункта) находилась во владении одного человека – кн. Ивана Борисовича Троекурова⁶.

Обращаясь к московской группе 1710 г., можно заметить, что из 58 родов в 1678 г. в данном стане будет представлено только 33 рода⁷. Выяснение прямой генетической преемственности между представителями этих родов в 1678 и 1710 гг. вероятно потребовало бы отдельного

¹ Алаевы (1), Арсеньевы (4), Архаровы (4), Батюшковы (1), Бахтеевы (1), Бедняковы (5), Битюковы (1), Борковы (1), Витухтовы (1), Внуковы (2), Вяземские (1), Головачевы (5), Головинины (1), Голоперовы (1), Давыдовы (1), Деевы (1), Демьяновы (1), Дерябины (1), Жоховы (5), Захарины (6), Кайсаровы (1), Карбышевы (1), Кафтыревы (1), Кипчаковы (3), Кондратьевы (1), Кривцовы (6), Мономаховы (1), Мотовиловы (1), Мустофины (4), Насоновы (1), Неклюдовы (1), Нефедьевы (5), Нефимоновы (4), Носовы (1), Побединские (3), Погожие (1), Протасьевы (2), Румянцовы (4), Саксеевы (2), Степановы (2), Суриковы (4), Суслы (2), Тарпановы (3), Тихменевы (1), Токмачевы (11), Третьяковы (1), Угримовы (1), Фрязиновы (3), Чириковы (1), Шейдяковы (5), Шетневы (10) Яхонтовы (1).

² Беклемишевы (1), Бишевы (1), Борковы (1), Валуевы (2), Вердеревские (1), Витухтовы (1), Волковы (1), Гагарины (1), Головины (2), Дашковы (1), Долгорукие (1), Домнины (1), Засекины (1), Измайловы (1), Кайсаровы (1), Камынины (1), Козловы (1), Коковцовы (1), Корины (1), Куракины (1), Леонтьевы (1), Лобановы-Ростовские (1), Лопухины (1), Малыгины (1), Матюшкины (1), Мещерские (1), Милославские (1), Мусин-Пушкины (1), Мышецкие (1), Носковы (1), Одинцовы (1), Озеровы (1), Ощерины (1), Племянниковы (2), Полозовы (3), Полтевы (1), Потемкины (1), Потуловы (1), Протасьевы (2), Салтыковы (2), Свищевы (1), Соловьевы (1), Старые Милуковы (3), Троекуровы (3), Урусовы (1), Усовы (4), Федоровы (1), Чекаевы (1), Черные (1), Чириковы (1), Чоглоков (1), Шейдяковы (3), Шетнины (1), Шехонские (2), Шишкины (1), Щербатовы (2), Языковы (1) Яновы (2).

³ Бабарыкины (1), Борковы (2), Борщовы (1), Вяземские (1), Головачевы (2), Дашковы Меньшие (2), Замятнины (1), Корзины (1), Кудрявцовы (3), Нефедьевы (1), Самойловы (1), Севрюковы (1), Теряевы (1), Урпеневы (1) Хитрово (1), Филатьевы (1), Шетневы (4).

⁴ Борковы, Кайсаровы, Протасьевы, Чириковы и Шейдяковы.

⁵ Сибирский царевич Алексей Алексеевич, Арсеньевы (5), Алферьевы (1), Архаровы (7), Ахматовы (1), Бабарыков (1), Балакиревы (1), Баланшины (1), Бартеневы (1), Батюшковы (1), Бедняковы (5), Бирдюкины-Зайцевы (1), Битюковы (1), Бишевы (4), Борковы (7), Борщовы (1), Борятинские (1), Булгаковы (1), Бутримовы (3), Валговые (1), Валуевы (2), Вековы (1), Внуковы (1), Волковы (3), Волоховы (1), Вороновы (1), Головачевы (10), Головины (2), Давыдовы (1), Дашковы (2), Деевы (2), Демьяновы (3), Долгорукие (2), Еварлаковы (1), Елизаровы (5), Еропкины (1), Жидовиновы (2), Жоховы (6), Засекины (2), Захарины (5), Змеевы (1), Золоторевы (1), Игнатьевы (1), Иевлевы (1), Исаевы (1), Исленевы (1), Итонские (1), Кайсаровы (4), Камынины (1), Карамышевы (1), Карбышевы (2), Карповы (1), Кафтыревы (1), Кипчаковы (4), Киреевы (1), Колягины (1), Коркодиновы (1), Коробнины (1), Косовы (1), Кривские (1), Кривцовы (4), Кудрявцовы (2), Курзаковы (1), Кутумовы (2), Лаврентьевы (1), Лебедевы (2), Леонтьевы (2), Малыгины (7), Мармылевы (1), Мартыновы (1), Матюшины (1), Мещерские (2), Милославские (2), Милуковы Старые (6), Мокшаевы (3), Молчановы (1), Мономаховы (2), Мотовиловы (4), Мустофины (6), Наумовы (1), Неклюдовы (1), Нефедьевы (5), Нефимоновы (2), Ниротморцовы (2), Оботуровы (1), Одоевские (1), Опухтины (1), Панины (1), Пановы (3), Паршины (1), Петлины (1), Племянниковы (1), Побединские (8), Поленовы (1), Полозовы (2), Посулщиковы (1), Потуловы (1), Прозоровские (1), Протасовы (1), Пушечниковы (1), Пушкины-Мусины (1), Ростовские-Лобановы (3), Ростовские-Щепины (1), Румянцовы (5), Саксеевы (3), Салтыковы (2), Самарины (1), Сарские (1), Свищовы (1), Селиверстовы (1), Сеченовы (1), Степановы (3), Стрешневы (1), Ступишины (1), Суслы (4), Суриковы (3), Сутирнины (1), Талызины (1), Тарпановы (2), Теляковские (1), Теняковы (1), Теряевы (2), Тихменевы (1), Токмачевы (7), Толочановы (2), Трегубовы (2), Третьяковы (1), Троекуровы (1), Туловы (1), Унковские (3), Урпеневы (2), Усовы (2), Федоровы (1), Фонвизины (1), Фрязиновы (4), Хитрово (2), Хованские (1), Хомутовы (1), Чириковы (7), Чоглоковы (1), Шаховские (1), Шейдяковы (5), Щербатовы (5), Шетневы (13), Шехонские (1), Языковы (2), Яхонтовы (1).

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 581. Л. 319 – 386.

⁷ Бишевы, Борковы, Валуевы, Волковы, Головины, Дашковы, Долгорукие, Засекины, Кайсаровы, Камынины, Леонтьевы, Ростовские-Лобановы, Малыгины, Матюшины, Мещерские, Милославские, Милуковы Старые, Пушкин-Мусины, Племянниковы, Полозовы, Потуловы, Протасьевы, Салтыковы, Свищевы, Троекуровы, Усовы, Федоровы, Чириковы, Чоглоковы, Шейдяковы, Шехонские, Щербатовы, Языковы.

исследования. Однако, этот факт свидетельствует по крайней мере о том, что представители оставшихся 25 родов московской группы¹, указанные в переписной книге 1710 г., получили земельную собственность в Закоторожском стане Ярославского уезда между 1678 и 1710 гг. Характерно, что 24 из 25 служилых родов были представлены только 1 дворянином, ещё 1 род представлен 2 служилыми людьми. В общем, эти данные говорят о том, что 10,7% помещиков и вотчинников Закоторожского стана 1710 г. получили свои владения в период между двумя переписями.

Сравнение списка всех служилых родов по материалам переписных книг 1678 и 1710 гг. выявляет факт того, что из 147 родов 1678 г. (320 землевладельцев) к 1710 г. останутся представители только 74 родов (189 помещиков и вотчинников). Это также свидетельствует о том, что в промежутке между двумя переписями к 1710 г. состав землевладельцев стана пополнился 45 служилыми родами, представленными 53 служилыми людьми (всего на момент 1710 г. 242 человека из 119 родов).

Иными словами, очевидно, что между 1678 и 1710 гг. происходило значительное убывание служилых людей одних родов и пополнение состава землевладельцев извне представителями других родов. Складывается впечатление, что первый процесс происходил более быстрыми темпами, чем второй.

На вопрос, как происходил процесс перетекания земельной собственности, некоторый ответ может дать вторая часть переписной книги 1710 г., содержащая сведения о 91 владении и 97 служилых людях. Всего 66 поместных и 25 вотчинных владений. Само по себе это

соотношение разных форм земельной собственности в данном случае мало о чем говорит, т.к. вначале книги приводится вероятно полный список землевладельцев Закоторожского стана – 242 человека с указанием населенных пунктов, в которых они проживают. В основной части источника представлено всего 91 подробное и полное описание поместий и вотчин 97 дворян и детей боярских. Не исключено, что значительная часть описаний владений 1710 г. в качестве продолжения была представлена в другой переписной книге Закоторожского стана, которая не сохранилась или не выявлена.

Однако, в источнике в 56 случаях (42 поместья и 14 вотчин) указан владелец на момент переписи 1678 г. Это очень важные данные, т.к. прямое сравнение данных переписей 1678 и 1710 гг. малоинформативно: одним населенным пунктом на момент двух переписей могли владеть несколько детей боярских, в том числе из разных родов, и не очевидно, какая именно доля владения переходила другому владельцу.

Часть вотчинных владений переходила от отца к сыну. В ярославской группе от Федора Андреева Захарина сельцо Крюковское получил его сын Алексей². Село Новленское, деревни Говенцово и Гофчарово перешли к стряпчему Михаилу Григорьеву Захарину от отца Григория Федорова³. От Гаврилы Александрова Протасьева сельцо Тчаново к 1710 г. передано сыну Ивану⁴.

В группе москвичей стольник Дмитрий Артемьев Камынин владел сразу несколькими вотчинами, принадлежавшими в 1678 г. его отцу Артемию Богданову (село Курбе, деревня Деревеки, пол деревни Молчановская, пол деревни Карпово, деревня Якунино, деревня Лядунино)⁵.

¹ Беклемишевы (1), Вердеревские (1), Витухтовы (1), Гагарины (1), Домнины (1), Измайловы (1), Козловы (1), Коковцовы (1), Корины (1), Куракины (1), Лопухины (1), Мышецкие (1), Носковы (1), Одинцовы (1), Озеровы (1), Ощерины (1), Полтевы (1), Потемкины (1), Соловьевы (1), Урусовы (1), Чекаевы (1), Черные (1), Шетинины (1), Шишкины (1), Яновы (2).

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 308.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 315об. – 318об.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 292 – 293.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 242 – 253об.

От Гаврилы Федорова Протасьева его сын стряпчий Григорий Протасьев к 1710 г. будет владеть полусельцом Тчаново¹. Этот случай демонстрирует ситуацию, при которой доли одного населенного пункта, находясь в вотчинном владении переходят по наследству между разными ветвями Протасьевых (см. выше), одни из которых ещё служат с городом, а другие уже по московскому списку.

Кн. Григорий кн. Михайлов Засекин вотчинные владения в селе Спасская слобода и деревне Макарово получил от отца кн. Михаила кн. Иванова Засекина².

За Алексеем и Петром Ивановыми детьми Меньшого Дашкова находящиеся в вотчине село Хомутово, деревни Алексеевское, Щипцова, Любимова также получены от отца Ивана Андреева.

Зафиксированы случаи перехода владений от ближайших родственников. В 1678 г. села Михайловское, Кузьмодемьянская, Тимирево, деревни Котово, Макарово, Илюхино, Писцово, Яково, Новая Борисцово, Зиновьевская, Петлино, Комарово, Боровая, Черелисино, Капустино, Горбуново, Ботово, Коротайцово и Острцово принадлежали окольному кн. Юрию Федоровичу³ Щербатову и его братьям Федору и Петру Федоровичам. К 1710 г. единственным владельцем останется кн. Ю.А. Щербатов⁴.

Комплекс владений был отдан в прожиток вдове Софье Алексеевой дочери стольника Александра жены Иванова сына Милославского (села Курбе, Ширено, деревни Хламовская, Микитцина, Высоковская, Погорелки, Марино, Михеево, Есденево, Выезная, Леонтьевская, Антроповская, Ивановская). На момент

переписи 1678 г. эти вотчины были во владении боярина Ивана Богдановича и стольника Григория [Алексеевича] Милославских⁵.

В московской группе в отдельных случаях вотчина переходила в руки представителя того же служилого рода. Так, стольник Михаил Ильин Чириков получит целый ряд владений от окольного Андрея Ивановича Чирикова (сельцо Медведково, деревня Ивановская, деревня Юркино, Алешково, деревня Аристово)⁶.

В той же московской группе вотчинные владения переходили в другие роды. Стольник кн. Александр кн. Лукин Долгорукий владел к 1710 г. вотчинами в селе Коренево и деревне Клокуново, принадлежавшими ранее Льву Дмитриеву Толчанову⁷.

Или, например, за кн. Марией Петровой дочерью Семеновича Большого Прозоровского в 1678 г. были село Курбе, деревни Мамовская, Карнаухово, Старая, Михлино, Шульгина, Ивановский Перевоз. Через 32 года владеть ими будет стольник кн. Борис кн. Иванов Куракин⁸.

Впрочем, предыдущих владельцев могло быть и несколько. Так, стольник Василий Петров Головин к 1710 г. владел деревнями Лаптево, Скрипино, Воробьево, Скрябино. 32 годами ранее эти населенные пункты находились за Иваном Автомоновым Еропкиным, кн. Андреем кн. Михайловым Мещерским и кн. Василием кн. Лаврентьевым Мещерским⁹.

Сходная ситуация была и с вотчинами кн. Юрия Ивановича Гагарина, владевшим к 1710 г. селом Сидорково, сельцом Руденково (Асофроново тож),

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 293об. – 294об.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 558 – 562об.

³ В переписной книге ошибочно указано отчество Александрович.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 505об. – 536об.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 438об. – 466об.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 411 – 424.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 278об. – 280об.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 425об. – 438об.

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 466об. – 472об.

деревнями Кормилицыно, Чюркино, Бечи-хино, Лаптево, Парасковино. В 1678 г. эти населенные пункты принадлежали кра-вчему Василию Федоровичу Одоевскому и Ивану Афанасьеву Лебедеву¹.

Эти немногочисленные случаи пока-зывают тем не менее самые разные спо-собы перехода вотчинных владений. Только в половине случаев (7 из 14) вот-чина перейдет от отца к сыну. Впрочем, и здесь однажды встречен случай наследо-вания владения двумя сыновьями, т.е. дробление вотчины. Остальные случаи представляют собой наследование близ-кими родственниками, отдачу вдове в про-житок, передачу владений между однород-цами или и вовсе переход вотчины в соб-ственность представителей другого рода. Заметим также, что есть случаи, когда ко-личество владельцев вотчины к 1710 г. ста-новится меньше, чем их было в 1678 г.

Общая характеристика несколько более многочисленной группы помест-ных владений 1678 и 1710 гг. (см. табл. 1) сводится к следующему. Менее половины – 15 из 42 случаев представляет собой пе-реход поместья от отца к сыну или сыно-вьям. В 5 случаях поместье на момент обеих переписей принадлежало одному и тому же служилому человеку. Ещё в 4 случаях владение переходило в другие руки внутри рода – дважды родным бра-тьям, однажды дяде и ещё раз однородцу. Наконец, сама большая группа – это пере-ход поместий к представителям других родов (18 из 42). Таким образом эти мате-риалы позволяют представить характер мобилизации владений как внутри семьи землевладельца, так и между служилыми родами. В последнем случае выявление формы и деталей передачи в виде, напри-мер, перехода поместья и вотчины по женской линии, передачи по боковом

линии ввиду бездетности владельца, вы-морочности владения и отдачи его пред-ставителями другого рода может быть уточнено в последующем при выявлении соответствующих данных в столбцах По-местного приказа.

Данные о переходе вотчин и поме-стий и соотношении двух видов владений в силу своей численности носят скорее иллюстративный характер. Тем не менее, они находятся в соответствии с общим процессом обновления состава служилых землевладельцев Закоторожского стана на рубеже XVII – XVIII вв.

Вернемся к 1710 г.

В ярославской группе из 137 земле-владельцев 34 были вдовы или девки. Эти данные уже заставляют как минимум за-даться вопросом о дальнейшей судьбе вла-дений, отданных в прожиток женщинам. Средний возраст этих женщин составлял 55,75 лет². При этом, если исходить из тео-ретического предположения, что после 50-55 лет вероятность повторно выйти замуж и родить ребенка крайне невелика, то ока-жется, что только 9 женщин были младше 50 лет³. По всей видимости, их владения были отданы им в прожиток, а ранее при-надлежали умершим мужьям. Это озна-чает, что даже после повторного выхода замуж, эти земельные наделы в лучшем случае могли перейти к следующему мужу и далее к их совместным детям. Иными словами, земельная собственность или уходила бы в другой служилый род (в слу-чае повторного выхода замуж), или после смерти собственницы ушла бы в казну.

Из 34 женщин только у 20 были сыно-вья или дети обоих полов. Ещё 8 на момент переписи были бездетными, в 6 случаях 2-е поколение было представлено только де-вушками⁴. В масштабах всех ярославской группы это означало, что владения 14 вдов

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 487об. – 504об.

² Для подсчета привлечены данные о возрасте 32 женщин. У ещё двух указание на возраст отсутствовало, и они в данные расчеты не включались.

³ Их возраст следующий: 30, 30, 33, 35, 40, 43, 48, 45, 45 лет.

⁴ В данном случае в выборку включены все 34 женщины-собственницы земельных наделов.

(10,2% собственников от всей группы № 1) в скором времени должны были приобрести нового землевладельца.

В этих сжатых данных первоисточника выявлены два примера возможного перехода владений после 1710 г. В первом случае у вдовы Авдотьи Ивановой дочери Андреевской жены Андреева сына Демьянова были две дочери девки, а также внук Иван Иванов Демьянов¹. По всей видимости его отец Иван Андреев выбыл в силу неизвестных причин из служилой корпорации уезда, но наличие потомка мужского пола кроме сохранения рода, должно предполагать в будущем сохранение поместья. Во втором случае у вдовы Фекла Григорьевой дочери Андреевской жены Федорова сына Кафтырева из членов семьи указан только зять Никифор Антонов Битюков (19 лет)².

Для выборки землевладельцев-мужчин в ярославской группе характерен средний возраст 48,27 лет при гораздо большем распределении по возрастным когортам. Здесь семейное положение на момент переписи имеет второстепенное значение и будет рассмотрено позже. В рамках развития служилого землевладения первоочередными являются данные о возрасте и потомках мужского пола.

Из 103 землевладельцев-мужчин 33 были старше 60 лет. Из них только у 20 были потомки мужского пола, ещё у 9 среди детей были только девушки, у 2 не было детей вовсе, по 2 помещикам нет данных. Не лишним кажется предположение, что к моменту отставки в отдельных уездных корпорациях имелась часть детей боярских, которые не могли передать службу с поместья по мужской линии. Эти данные не означают, что у них не

было сыновей вовсе. Гибель сына или его переход в другой уезд могли и не найти отражение в рассматриваемом источнике. Но эти данные свидетельствуют в пользу того, что некоторая часть земли уходила из владений отдельно взятого служилого рода или семьи.

Но даже наличие сына ещё не гарантировало сохранение земельного надела. Например, у Семёна Матвеева Батюшкова и его жены Авдотьи Алексеевой жила сноха сыновня Афимья Матвеева и внучка Анна 3 лет. Нет никаких других указаний на сына, что дает основание полагать его выбывание из служилой корпорации³.

В другом случае у Михаила Борисова Тарпанова при отсутствии с женой Матрeной Федоровой совместных детей был пасынок Василий Григорьев Нефедьев⁴.

Более запутанной выглядит ситуация у иноземца Михаила Григорьева Алаева, у которого с женой Каптелиной Федоровой было 3 совместных сына, а кроме того, Михаил Алаев являлся отчимом для 3 пасынков – Ивановых детей Шетнева. Проживала семья в сельце Микулицыно, части которого были разделены между 5 семьями Шетневых⁵. Это случай – хороший пример того, как при помощи брачных связей собственником части фамильного сельца становился человек из другого служилого рода.

Обращение к более младшим возрастным группам детей боярских не улучшает характеристику группы в целом. В группе 50-59 лет из 17 семей дети мужского пола были только в 8 семьях, в трех представлены только девушки, в ещё пяти детей не было вовсе⁶, по одной семье данных о детях не было. В группе 40-49 лет из 23 семей потомки мужского пола были только в 11, в

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 38.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 35.

Выглядит странным отсутствие указания на дочь Феклы и жены Никифора, хотя в остальных случаях наличие дочерей в семьях фиксируется в переписной книге.

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 37об.

⁴ РГДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 27об. – 28.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 572. Л. 21 – 22, 290об. – 291.

⁶ В одном случае бездетность зафиксирована по причине того, что помещик был холостым.

двух семьях только девушки, в 8 не было детей¹, по двум семьям нет данных.

Иными словами, в старшей группе, чей условный репродуктивный период был близок к завершению, только в 19 из 40 семей были наследники мужского пола. Часть служилых землевладельцев и вовсе оставалась холостыми. В целом, ситуация в Закоторожском стане в 1710 г. выглядит даже удручающе – из 137 землевладельцев 34 вдовы или девки, а 73 это люди старшей или пожилой возрастных групп. Лишь 30 детей боярских, владевших землей, находились в возрасте до 40 лет. Обобщенные данные позволяют представить перспективу развития служилого землевладения в Закоторожском стане: считая только вдов и группу детей боярских старше 60 лет, не имевших потомков мужского пола (25 человек), мы обнаружим, что в обозримом будущем ярославская группа землевладельцев обновится на 18,2%. Если отнести сюда детей боярских старших возрастов (40-59 лет) и не имеющих наследников мужского пола, то обновление ярославской группы должно было увеличиться в ближайшие годы после переписи ещё на 15,3%.

В значительной степени такая ситуация обусловлена демографическими данными. Рассмотренные выше результаты могут быть дополнены следующими расчетами. В ярославской группе только 63 землевладельца женаты. Вместе с 32 вдовами² и 12 вдовцами эта цифра достигает 107 человек, т.е. всего 46% землевладельцев состояли и 32,1% находились ранее в браке. Из состоявших в браке на момент переписи в большинстве случаев (44 из 63) муж был старше жены – в среднем на 13,4 лет при min и max значениях 1 год и 35 лет соответственно. В 5 случаях возраст супругов был равен, в ещё 14 жена была старше мужа – в среднем на 4,9 лет при

min и max значениях 1 год и 10 лет соответственно. Эти данные дополняют сведения о 21 помещике, чей статус – холост, а средний возраст подгруппы = 30,85 лет³.

Дополнительно была предпринята попытка выяснить примерный возраст родителей на момент рождения старшего ребенка⁴. Для отцов разница в среднем составила 40,74 лет (n = 57), для матерей разница равна 32,37 года (n = 67).

В целом, количество потомков в ярославской группе невелико – 188 человек на 137 семей (104 сыновей и 84 дочери), т.е. примерно 1,37 потомок на семью. Этот результат может быть объяснен действием двух факторов. С одной стороны, не лишним выглядит предположение, что в источнике попросту не указаны сыновья, выбывшие из служилой корпорации уезда (например, погибшие на войне или ставшие землевладельцами в других уездах) и дочери, выданные замуж к моменту переписи. С другой стороны, реальным фактом выглядит позднее вступление в брак и частые указания на отсутствие детей.

Так или иначе, но демографический фактор делает весьма туманной перспективу стабильного развития служилого землевладения в Закоторожском стане Ярославского уезда после 1710 г.

Заключение (выводы). В период между переписями 1678 и 1710 гг. для состава землевладельцев Закоторожского стана Ярославского уезда характерны два встречных процесса. С одной стороны, число служилых родов и их представителей существенно сокращалось – на 40-50%. С другой стороны, происходило активное пополнение состава служилых землевладельцев – почти 40% служилых фамилий появились между 1678 и 1710 гг. (это 22 % от числа всех помещиков и вотчинников в Закоторожском стане к 1710 г.). При этом не менее 10%

¹ Из них в четырех случаях по причине того, что сын боярский холост.

² Из подгруппы женщин-землевладельцев в данном подсчете исключены две девки.

³ Ещё для девяти детей боярских из ярославской группы таких данных в источнике нет.

⁴ Косвенно эти данные могут свидетельствовать о примерном возрасте вступления в брак.

землевладельцев 1710 г. составляли дворяне и дети боярские, получившие владения между двумя переписями и служившие по Москве или другим городам. Заметим, что процесс убывания численности землевладельцев шел гораздо более быстрыми темпами, чем пополнение.

Эти результаты дополняются данными о нескольких десятках смены поместий и вотчин между 1678 и 1710 гг. Наследование владений по прямой линии от отца к сыну – это менее половины случаев. Значительное число, более 40% составляли переходы поместий к представителям других родов.

Процесс обновления состава служилых землевладельцев в Закоторожском стане должен был продолжиться и после

1710 г. По крайней мере порядка 10,3%¹ помещиков и вотчинников в силу возраста, семейного положения и отсутствия сыновей не имели возможности передать свои владения каким-либо прямым наследникам по мужской линии. Ещё 8,7% владельцев в возрасте 40-59 лет не имели потомков по мужской линии. Отметим, что цифра в 19% от всей выборки Закоторожского стана получена только по данным ярославской группы.

Таким образом, на рубеже XVII – XVIII вв. состав землевладельцев Закоторожского стана Ярославского уезда претерпевал заметные изменения, связанные с убыванием представителей одних родов и появлением представителей новых служилых фамилий.

Таблица 1.

Переход поместных владений в Закоторожском стане Ярославского уезда по данным переписной книги 1710 г.²

№ п/п	Названия населенных пунктов	Владелец 1678 г.	Владелец 1710 г.
1	Сельцо Барышниково, деревни Плотинки, Солонец, Высползово	Хан мурза Каплан Мурзин Шейдяков (отец ³)	Стольник кн. Борис хан Мурзин Шейдяков
2	Села Курбе, Ширено, сельца Нероново, Латычево, деревни Конищево, Капчино, Третьяковская, Липовая, Анисимово	Кн. Иван Каплан Мурзин Шейдяков (отец)	Кн. Федор кн. Иванов Шейдяков
3	Сельца Нероново, Ширено, деревни Киевка, Кипчино, Липовая, Полугодино	Кн. Иван Каплан Мурзин Шейдяков (отец)	Поручик кн. Алексей кн. Иванов Шейдяков
4	Сельцо Нероново, деревни Латычево, Третьяковская, Конищево, Липовка	Владелец не указан. Вероятно кн. Иван Каплан Мурзин Шейдяков (отец?)	Кн. Иван кн. Иванов Шейдяков
5	Сельцо Кичигино, деревня Басовская	Федор и Петр Ивановы дети Манахова (родные братья)	Прапорщик Федор Иванов Манахов
6	Сельцо Кичигино, деревни Басовская, Офремова, Волосниково	Авдотья Матвеевская жена Никифорова, Филипп Мармылев, Артемий Яхонтов	Иван Елизарьев Дерябин
7	Сельцо Костинское	Илья Григорьев Борков (муж и отец)	Вдова Парасковья Якимова дочь Ильинская жена Григорьева сына Боркова, Федор и

¹ Расчет от числа всей группы землевладельцев. В тексте приводилась цифра 18,2%, рассчитанная от числа ярославской группы.

² № п/п 1-12 – ярославская группа, № п/п 13-28 – московская группа, № 29-44 – неопределенная группа.

³ Здесь и далее в таблице указывается родственное отношение землевладельца 1678 г. к землевладельцу 1710 г.

			Константин Ильины дети Боркова
8	Сельцо Дресвянки	Отставной ротмистр рейтарской Прокофий Семенов Суслов	Отставной ротмистр рейтарской Прокофий Семенов Суслов
9	Сельцо Дресвянки	Иван Семенов Суслов	Иван Иванов Насонов
10	Сельцо Меленки, деревня Денино	Афанасий Иванов Тихменев (отец?)	Капитан Василий Афанасьев Тихменев
11	Село Еремеевское	Осип Тарасов Головачев	Девка Татьяна Иванова дочь Погожева
12	Сельцо Симанское	Яким Кузьмин Головачев (отец?)	Алексей Якимов Головачев
13	Села Прохоровское, Щекотово, сельца Горки, Митино, деревни Пономарево, Федино ¹ , Ершово	Федор Петров Борков (отец)	Степенный ключник Никифор Федоров Борков
14	Сельца Кузьмищево, Прохоровское	Федор Петров Борков (отец)	Стольник Андрей Федоров Борков
15	Деревни Забороно, Зманово	Иван Федоров Борков (брат?)	Андрей Федоров Борков
16	Деревня Поповская	Стольник Петр Лукьянов Потулов	Стольник Петр Лукьянов Потулов
17	Деревни Запрудная, Починок Жилнин, Чюрскин, Ефимовская	Стольник кн. Михаил кн. Федоров Шейдяков (отец)	Стольник кн. Лев кн. Михайлов Шейдяков
18	Село Ширено, сельцо Захарино, деревня Матвеевская	Кн. Анастасия кн. Романова дочь Шейдякова	Стольник Сергей Иванов Милославский
19	Село Солонец, деревни Куликово, Вошино	Кн. Елена кн. Романова жена Шейдякова	Стольник кн. Иван кн. Яковлев Шетинин
20	Пол деревни Климовская, деревни Охамово, Офиньева, Нерожино, Внуково	Стольник Иван Андреев Большой Дашков	Стольник Иван Андреев Большой Дашков
21	Сельцо Михалево, деревни Завражье, Парфеново, Марково, Антушино	Яков Захарьев Матюшкин (отец), Тимофей Федоров Сеченый	Михаил Яковлев Матюшкин
22	Деревни Самгино, Новая Парковка, Еремеевская	Осип Тарасов Головачев	Драгун Иван Васильев Полозов
23	Село Бурмасово, пол деревни Антушино	Иван Хрисанфов Волков (отец?)	Драгун Федор Иванов Волков
24	Деревни Лупочево, Ершчево, Зманово	Девка Прасковья Максимова дочь Трегубова	Стольник Алексей Матвеев Домнин
25	Деревни Чебукино, Наготинское, Ершово, Опарино	Отставной Иван Иванов Кайсаров	Отставной Иван Иванов Кайсаров
26	Село Троицкое, деревня Воронино,	Иван Матвеев Мотовилов, Яков Прокофьев Посыщиков	Иван Михайлов Коковцов
27	Деревни Чебукино, Лупачево, Опарино, Прислон	Стольник Петр Савич Мусин-Пушкин	Стольник Петр Савич Мусин-Пушкин
28	Деревни Лупочево, Прислин,	Григорий Иванов Кайсаров	Федор и Василий Алексеевы

¹ Новопоселенная деревня

	Опарино		дети Яновы
29	Деревня Суховерхова	Иван Иванов и Иван Васильев Пановы	Поручик Василий Андреев Борщов
30	Деревня Третьякова	Иван Иванов Шетнев	Вдова кн. Анна Федорова дочь кн. Дмитриевская жена кн. Степанова Вяземского
31	Сельцо Голубцово, деревня Ванюковки	Тарас Григорьев Шетнев (отец)	Андреян и Яким Тарасовы дети Шетнева
32	Полусельцо Панфилово, деревня Кондаково	Василий Елизарьев Бабарыкин	Никита Алексеев Бабарыкин
33	Село Сочилово, деревня Клубуково	Тит Васильев Теряев (дядя)	Иван Петров Теряев
34	Сельцо Шемякино	Данила Кудрявцов (отец)	Михаил Данилов Кудрявцов
35	Деревня Офиньево	Тимофей Семен Булгаков	Вдова Катерина Степанова дочь Венедиктовская жена Яковлева сына Хитрова
36	Сельцо Руденки	Иван Иванов Балакирев	Гость Алексей Остафьев Филатьев
37	Деревня Онаньино	Ермолай Семенов Воронов	Драгун Иван Афанасьев Корзин
38	Сельцо Микулнино	Гаврила Иванов Урпенев (отец)	Драгун Елисей Гаврилов Урпенев
39	Село Бурмосово, деревни Першино, Борисово, Ернеево	Иван Ермолаев Веков (доля в Бурмосово), Иван Ермолаев Веков и Иван Матвеев Мотовилов (остальные)	Девка Матрона Иванова дочь Федорова Замятнина
40	Деревня Ананьино	Иван Иванов Шетнев (отец?)	Григорий Иванов сын Шетнев
41	Деревня Ананьино	Стольник Василий Васильев Панин	Стольник Александр Петров Шетнев
42	Сельцо Симанское, деревня Ананьино	Елизарий Васильев Фрязинов	Девка Анна Андреяновская дочь Якимова сына Головачева

Список литературы

1. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. – 583 с.
2. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М.: Издательство Академии наук СССР, 1947. – 494 с.
3. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в.: опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Москва: типография Г. Лисснера и Д. Совко. 1906. – 602 с.
4. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.) М.: Мысль, 1985. – 278 с.
5. Козляков В.Н. Служилый город Московского государства XVII века. От Смуты до Соборного уложения. Ярославль: издательство ЯГПУ, 2000. – 208 с.
6. Козляков В.Н. Служилые люди России XVI-XVII веков Москва: Квадрига, 2018. – 544 с.
7. Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010. – 594 с.
8. Новосельский А.А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по

десятиям) // Русское государство в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 234-253.

9. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1897. – 408 с.

10. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. – СПб.: Гос. тип., 1898. – 330 с.

11. Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М.: ИРИ РАН, 1996. – 286 с.

NOBLEMEN AND GENTRY OF THE ZAKOTOROZHISKY MUNICIPALITY OF THE YAROSLAVL DISTRICT IN 1678 AND 1710.

The work is devoted to the study of the census book of the Zakotorozhsky municipality of the Yaroslavl district in 1710. The value of the source is represented in a rather rare combination of the following data: 1) the division of serving people based on their place of residence: in the Yaroslavl district or in Moscow and, accordingly, service with the city or according to the Moscow list; 2) the availability of detailed information about their family members, including wives and daughters, for the Yaroslavl group of nobles and children of boyars; 3) the indication of several dozen estates and fiefdoms of their previous owners at the time of the 1678 census. In general, this structure is not typical for census books. In other words, the results of studying the data of 1710 with the use of materials from 1678 make it possible to trace the changes in the genealogical composition of the landowners of the Zakotorozhsky municipality that occurred in the late 1670s – late 1700s. Based on detailed information about gender, age, and marital status, it is possible to characterize the demographic characteristics of the studied group of provincial nobility in the late 17th and early 18th centuries and its likely prospects for change in the 1710s. Finally, information about the past owners of not only entire estates and patrimonies, but also parts and shares of land plots, using the example of several dozen cases, allows us to address the issues of mobilizing possessions, their transitions along various lines within the service family and beyond. Consideration of these plots is also necessary due to the low degree of study of the topic of military land ownership at the turn of the XVII-XVIII centuries.

Keywords: military land ownership, census book, Yaroslavsky district, Zakotorozhsky municipality, nobles, gentry, demography, service with the city, service on the Moscow list

References

1. Veselovskij S.B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev [Studies on the history of the class of landowners who served]. M.: Nauka, 1969. – 583 s.

2. Veselovskij S.B. Feodal'noe zemlevladienie v severo-vostochnoj Rusi [Feudal land ownership in Northeastern Russia]. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1947. – 494 s.

3. Got'e Yu.V. Zamoskovnyj kraj v XVII v.: opyt issledovaniya po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoj Rusi [The Zamoskovskiy Region in the 17th century: the experience of research on the history of the economic life of Moscow Russia]. Moskva: tipografiya G. Lissnera i D. Sovko. 1906. – 602 s.

4. Kobrin V.B. Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoj Rossii (XV-XVI vv.) [Power and property in medieval Russia (XV-XVI centuries)] M.: Mysl', 1985. – 278 s.

5. Kozlyakov V.N. Sluzhilyj gorod Moskovskogo gosudarstva XVII veka. Ot Smuty do Sobornogo ulozheniya [The former city of the Moscow state of the XVII century. From the Troubles to the Cathedral Code]. Yaroslavl': izdatel'stvo YaGPU, 2000. – 208 s.

6. Kozlyakov V.N. Sluzhilye lyudi Rossii XVI-XVII vekov [The military men of Russia of the XVI-XVII centuries]. Moskva: Kvadriga, 2018. – 544 s.

7. Lapteva T. A. Provincial'noe dvoryanstvo Rossii v XVII veke [The provincial nobility of Russia in the 17th century]. M.: Drevlekhranilishche, 2010. – 594 s.

8. Novosel'skij A.A. Raspad zemlevladieniya sluzhilogo «goroda» v XVII v. (po desyatnyam) [The collapse of land ownership of the former "city" in the 17th century (by tens)] // Russkoe gosudarstvo v XVII veke. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – S. 234-253.

9. Rozhdestvenskij S.V. Sluzhiloe zemlevladienie v Moskovskom gosudarstve XVI veka [Service land ownership in the Moscow state of the XVI century]. Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova, 1897. – 408 s.

10. Pavlov-Sil'vanskij N.P. Gosudarevy sluzhilye lyudi: Proiskhozhdenie russkogo dvoryanstva [The Sovereign's servants: The Origin of the Russian Nobility]. – SPb.: Gos. tip., 1898. – 330 s.

11. Shvatchenko O.A. Svetskie feodal'nye votchiny v Rossii vo vtoroj polovine XVII veka [Secular feudal fiefdoms in Russia in the second half of the 17th century]. M.: IRI RAN, 1996. – 286 s.

Об авторе

Горбачевский Евгений Александрович – аспирант Института российской истории РАН, научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Государственного исторического музея, E-mail: gorbacheffskiy@yandex.ru

Gorbachevskiy Eugene Alexander – postgraduate student at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Researcher at the Scientific and Exposition Department of the State Historical Museum, E-mail: gorbacheffskiy@yandex.ru

УДК 94(410.1):323.1"1707"(091)

Горяева М.Н., старший преподаватель, филиал ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ» в г. Смоленске (Россия)

ШОТЛАНДИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ УНИИ 1707 ГОДА

Статья посвящена исследованию роли интеллектуальной истории Шотландии в формировании общей британской идентичности после Унии 1707 года. Уния, объединившая Англию и Шотландию в Королевство Великобритания, стала не только политическим, но и культурным событием, которое потребовало создания новой общей идентичности. В этом процессе ключевую роль сыграли шотландские интеллектуалы, такие как Дэвид Юм, Адам Смит и Фрэнсис Хатчесон, чьи труды в области философии, истории и экономики стали основой для формирования общей системы ценностей. Особое внимание уделяется механизмам распространения идей через интеллектуальные сети (*retia intellectualia*), включая университеты, научные общества и переписку, которые служили ключевыми инструментами в построении новой идентичности и содействии общей культурной и политической реальности, объединяющей различные регионы Британии. Методологическая основа исследования включает историко-генетический метод, сетевой и дискурс-анализ. Результаты показывают, что шотландское Просвещение не только адаптировалось к новым политическим обстоятельствам, но и активно формировало более широкий культурный ландшафт Великобритании. Статья направлена на углубление понимания того, как интеллектуальные процессы влияют на создание национальной идентичности в условиях политических трансформаций.

Ключевые слова: Шотландское Просвещение, Интеллектуальная история, Британская идентичность, Дэвид Юм, Адам Смит, *Retia intellectualia*, Научные общества, Культурная интеграция.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-44-52

Введение. Уния 1707 года, объединившая Англию и Шотландию в Королевство Великобритания, стала не только политическим, но и культурным событием, которое потребовало создания новой общей идентичности. В этом процессе ключевую роль сыграла интеллектуальная история Шотландии, которая, благодаря трудам таких мыслителей, как Дэвид Юм, Адам Смит и Фрэнсис Хатчесон, стала основой для формирования общей британской культуры. Как отмечает Кристофер Уотли, “шотландские интеллектуалы не просто адаптировались к новым условиям, но активно участвовали в создании общей культурной и интеллектуальной основы для новой Британии” [17, с. 45]. В данной статье поставлена цель рассмотреть, как интеллектуальная элита Шотландии в контексте Унии 1707 года способствовала формированию новой идентичности.

Изучение роли шотландских интеллектуалов в формировании британской идентичности после Унии 1707 года важно для понимания того, как культурные и интеллектуальные процессы влияют на создание общей идентичности. Шотландские мыслители своими философскими, историческими и политическими трудами создали основу для общей системы ценностей, которая объединила различные регионы Британии. Их работы в области моральной философии, истории и экономики стали основой для создания общей культурной и интеллектуальной основы, которая позволила Шотландии и Англии не только сосуществовать, но и процветать вместе. Изучение их вклада помогает понять, как интеллектуальные усилия могут способствовать формированию общей идентичности в условиях политических и социальных изменений.

Объект и методы исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XVIII века (Уния 1707 г.) до конца эпохи Просвещения, уделяя особое внимание постунионному развитию Шотландии. «Постунионный период» (англ. post-Union era) в данной статье — это эпоха 1707–1800 гг., когда Шотландия, сохраняя культурную специфику, активно участвовала в создании общебританского политического и интеллектуального пространства. Объект исследования представляет собой сложный процесс генезиса британской политической и культурной идентичности в постунионный период, исследуемый через призму интеллектуальных практик шотландского Просвещения. Объект исследования представляет собой сложный процесс генезиса британской политической и культурной идентичности в постунионный период, исследуемый через призму интеллектуальных практик шотландского Просвещения.

Методологической основой исследования послужили историко-генетический метод, позволяющий проследить эволюцию интеллектуальных идей (например, от Хатчесона к Юму и Смиту) и их влияние на политико-культурные процессы. Для изучения интеллектуальных сетей (университеты, научные общества, переписка) как механизма распространения идей, был использован сетевой анализ. Выявление ключевых нарративов в текстах шотландских мыслителей, конструирующих британскую идентичность позволил получить дискурс-анализ.

Результаты и их обсуждение. Объединение Англии и Шотландии в 1707 году, известное как Акт об Унии, стало результатом сложного переплетения политических, экономических и социальных факторов. Этот процесс, как отмечает Кристофер А. Уотли, был “не столько актом доброй воли, сколько прагматичным решением, вызванным необходимостью” [17, с. 45]. После Славной революции

1688 года и свержения Якова II в Англии, Шотландия оказалась в сложной ситуации. Династический кризис и угроза восстановления католической монархии заставили обе страны искать пути укрепления своей безопасности. Как пишет Дерек Патрик, “Шотландия, будучи независимым королевством, но слабым в военном и экономическом отношении, оказалась перед выбором: либо искать союза с Англией, либо рисковать изоляцией” [9, с. 38]. Экономические трудности Шотландии, особенно после провала Дарьенского проекта (1698–1700) когда Шотландия попыталась создать собственную колонию в Центральной Америке (на территории современной Панамы), стали ключевым фактором, подтолкнувшим её к объединению. Неудачный эксперимент привел не только к катастрофическому истощению государственной казны, но и со всей очевидностью продемонстрировал невозможность для шотландского королевства противостоять английскому доминированию в сфере колониальной экспансии. Англия, в свою очередь, видела в Шотландии потенциального союзника, который мог бы укрепить её позиции в Европе и за её пределами.

Религиозные различия между англиканской церковью в Англии и пресвитерианской Шотландией также сыграли свою роль. Как указывает Ричард Шер, “пресвитерианская церковь в Шотландии видела в Унии гарантию защиты от католической угрозы, исходящей от Франции и якобитов” [14, с. 89]. Однако религиозные трения между двумя странами оставались источником напряжённости.

Переговоры об Унии начались в 1705 году и завершились подписанием Акта об Унии в 1707 году. Этот документ, как пишет Уотли, “был результатом сложных компромиссов, включая финансовые выплаты Шотландии и сохранение её церковной системы” [17, с. 67]. Однако, как отмечает Кэрин Боуи, “многие шотландцы восприняли Унию как

предательство национальных интересов, что привело к длительным спорам о её легитимности” [2, с. 23]. Уния 1707 года привела к созданию Королевства Великобритания, что, по словам Николаса Филипсона, “стало началом новой эры в истории обеих стран, но также и источником длительных споров о национальной идентичности” [10, с. 56]. Шотландские интеллектуалы, такие как Дэвид Юм, Адам Смит, Фрэнсис Хатчесон и др. сыграли ключевую роль в формировании новой британской идентичности, основанной на общих ценностях Просвещения.

Шотландское Просвещение стало золотым веком интеллектуальной истории, когда Шотландия стала одним из ведущих центров мысли и культуры.

Адам Смит (1723 - 1790), один из ключевых представителей шотландского Просвещения, оставил неизгладимый след не только в истории экономической мысли, но и в формировании общей экономической идентичности Британии после Унии 1707 года. Его *tagnum opus*, “Исследование о природе и причинах богатства народов” (1776), стало не просто теоретическим трудом, но и практическим руководством для интеграции экономик Англии и Шотландии, а также для обоснования британской имперской экспансии. Как отмечает Ричард Шер, “Смит предложил не просто экономическую модель, но и философию, которая легла в основу британского имперского проекта” [14, с. 45]. Адам Смит был продуктом шотландского Просвещения — интеллектуального движения, которое стремилось к рациональному осмыслению мира и поиску универсальных принципов, применимых как к Шотландии, так и к Британии в целом. По словам Николаса Филипсона, “шотландские мыслители, включая Смита, видели в Унии 1707 года возможность для Шотландии интегрироваться в более широкий британский контекст, не теряя при этом своей уникальности” [10, с. 78]. Смит, как и его современники, стремился создать

универсальную теорию, которая могла бы быть применима к различным аспектам человеческой жизни, включая экономику, политику и мораль.

В своей работе Смит сформулировал принципы свободного рынка, которые стали основой для формирования общей экономической идентичности Британии. Он утверждал, что “невидимая рука рынка” способна регулировать экономические процессы без вмешательства государства. Как отмечает Дональд Винч, “Смит видел в свободной торговле не только экономический инструмент, но и способ укрепления социальных связей между различными частями Британии” [18, с. 112]. Смит подчеркивал, что разделение труда и специализация являются ключом к экономическому прогрессу. Это положение стало основой для интеграции экономик Англии и Шотландии, где каждая из стран могла специализироваться на определённых отраслях. Также Смит выступал за отмену торговых барьеров между Англией и Шотландией, что способствовало созданию единого экономического пространства. Он считал, что свободная торговля приведёт к увеличению благосостояния обеих стран.

Идеи Смита способствовали формированию общей экономической идентичности Британии, основанной на принципах свободного рынка и взаимовыгодного сотрудничества. Как пишет Кристофер Уотли, “Смит предложил модель, в которой Шотландия и Англия могли бы сотрудничать на равных, что было особенно важно после Унии 1707 года” [17, с. 89]. Смит считал, что экономическая интеграция между Англией и Шотландией приведёт к увеличению благосостояния обеих стран. Это стало важным аргументом в пользу укрепления британской идентичности. Идеи Смита о свободном рынке и разделении труда стали частью общей системы ценностей, которая объединяла различные регионы Британии. Как отмечает П. Дж. Маршалл, “Смит предложил

экономическую модель, которая легла в основу британской колониальной экспансии” [8, с. 67]. Смит критиковал меркантилизм и выступал за свободную торговлю с колониями. Он считал, что это приведёт к увеличению благосостояния как метрополии, так и колоний. Согласно мнению Эммы Ротшильд, ”Смит видел в империи не только источник богатства, но и возможность для распространения цивилизации и прогресса” [12, с. 45].

Но, несмотря на своё влияние, Адам Смит также критиковал некоторые аспекты британской имперской политики. ”Смит выступал против чрезмерного вмешательства государства в экономику колоний и считал, что это может привести к их обнищанию” [1, с. 78]. Например, Смит резко критиковал монополию Ост-Индской компании, считая, что она препятствует свободной торговле и приводит к коррупции. И указывал на то, что колониальная администрация часто действует в интересах узкой группы лиц, а не всего общества.

Таким образом, ”Богатство народов” Адама Смита сыграло ключевую роль в формировании общей экономической идентичности Британии после Унии 1707 года. Его идеи о свободном рынке и разделении труда не только способствовали экономической интеграции Англии и Шотландии, но и оказали значительное влияние на британскую имперскую политику.

Дэвид Юм (1711-1776), ещё один из наиболее влиятельных философов шотландского Просвещения, оставил глубокий след не только в области философии, но и в формировании общей британской культуры. Его работы по истории и морали, такие как ”История Англии” (1754–1762) и ”Трактат о человеческой природе” (1739–1740), стали важным элементом в создании общей культурной идентичности Британии после Унии 1707 года. Как подчёркивает Кристофер Смут, ”Юм стремился создать универсальную систему ценностей, которая могла бы объединить различные регионы Британии на основе

общих моральных и исторических принципов” [15, с. 93]. Шотландские мыслители, включая Юма, видели в Унии 1707 года возможность для Шотландии интегрироваться в более широкий британский контекст, не теряя при этом своей уникальности. Юм, как и его современники, стремился создать универсальную теорию, которая могла бы быть применима к различным аспектам человеческой жизни, включая историю, мораль и политику.

Одним из ключевых вкладов Юма в формирование общей британской культуры стала его ”История Англии”. Этот многотомный труд, охватывающий период от древних времён до современности, был не просто хроникой событий, но и попыткой осмыслить историю как процесс, основанный на универсальных принципах. ”Юм стремился показать, что история — это не просто набор случайных событий, но процесс, который можно понять через призму человеческой природы и морали” [11, с. 112]. Юм считал, что история должна быть основана на рациональном анализе и эмпирических данных. Он отвергал мифологизированные представления о прошлом и стремился к объективности. В своей работе Юм подчёркивал общие черты в истории Англии и Шотландии, что способствовало формированию общей британской идентичности. Юм видел в истории не только источник знаний, но и инструмент для создания общей культурной памяти [17, с. 89].

Идеи Дэвида Юма о истории и морали способствовали формированию общей британской культуры, основанной на общих ценностях и принципах. Философ считал, что история — это не просто набор фактов, но источник общей культурной памяти. Идеи Юма о морали, основанной на симпатии, стали частью общей системы ценностей, которая объединяла различные регионы Британии. Философ предложил модель, в которой моральные принципы могли бы стать основой для создания общего культурного пространства. По

словам Джона Робертсона, “Юм стал не только основателем современной философии, но и идеологом британской культуры” [11, р. 112]. Его работы повлияли на таких мыслителей, как Адам Смит и Джемс Бентам, а также на развитие британской литературы и искусства. Влияние на британскую культуру продолжалось вплоть до XX века, когда его идеи о морали и истории стали основой для создания современной системы ценностей.

Фрэнсис Хатчесон (1694–1746) — шотландский философ эпохи Просвещения, один из основоположников шотландской школы «moral sense». Его интеллектуальные изыскания были сосредоточены в сфере моральной философии и этики, оставившие заметный след в интеллектуальной традиции британского Просвещения. Его ключевые работы — «Исследование происхождения наших идей красоты и добродетели» (1725) [4] и «Эссе о природе и поведении аффектов и страстей, с иллюстрациями морального чувства» (1728) [5] — не только демонстрируют пристальное внимание философа к проблемам нравственности, но и раскрывают его стремление систематизировать понимание человеческой природы через призму морального чувства. В этих трудах Хатчесон развивает идею о врождённой способности человека к моральным суждениям, что ставит его в один ряд с мыслителями, стремившимися обосновать этику не только рациональными доводами, но и через эмоционально-психологический опыт. Подобный синтез рационального и сенситивного начал оказал значительное влияние на последующее развитие шотландской философской школы, а через неё — и на формирование британской интеллектуальной культуры в целом.

Взгляды Ф. Хатченсона повлияли на Дэвида Юма и Адама Смита, которые, в свою очередь, сформировали британскую философскую традицию. Концепция морали, основанной на чувствах, а не только на разуме, стала важной частью британского Просвещения.

Как видим, деятельность интеллектуальной элиты Шотландии, особенно в период Просвещения, стала важным элементом в формировании общей британской идентичности после Унии 1707 года. Однако сам процесс создания этой идентичности был бы невозможен без активного взаимодействия шотландских и английских интеллектуалов, которое происходило через *retia intellectualia*. Эти сети, включавшие университеты, научные общества, переписку и публикации, стали механизмом, через который идеи шотландских мыслителей распространялись и влияли на формирование общей культурной и политической реальности Британии.

Retia intellectualia, сложившиеся после Унии 1707 года, стали важным механизмом для распространения идей и формирования общей британской идентичности. Эти сети объединяли шотландских и английских мыслителей, создавая платформу для обмена знаниями, философскими концепциями и политическими идеями. Они стали инструментом для создания новой культурной и политической реальности [14, с. 78]. После Унии 1707 года университеты Шотландии, особенно Эдинбургский университет и университет Глазго, стали важными центрами интеллектуальной жизни. Эти учреждения не только предоставляли образование, но и служили площадками для обмена идеями между шотландскими и английскими мыслителями.

Эдинбургский университет в XVIII веке стал одним из ведущих интеллектуальных центров Европы. Здесь преподавали такие выдающиеся мыслители, как Дэвид Юм и Адам Фергюсон. Университет привлекал студентов не только из Шотландии, но и из Англии, что способствовало созданию общей интеллектуальной среды. Университет стал местом, где шотландские и английские идеи встречались и взаимодействовали, создавая основу для новой британской идентичности. Помимо традиционного изучения

философии и теологии, в университетских стенах уделялось значительное внимание естественным наукам, медицине и праву. Подобный междисциплинарный подход формировал уникальное интеллектуальное пространство, в котором происходило активное взаимодействие и взаимовлияние различных сфер знания. Эдинбургский университет, сохраняя тесные связи с ведущими английскими академическими центрами – Оксфордом и Кембриджем, – выступал важным звеном в интеллектуальном обмене между Шотландией и Англией. Ярким примером такого взаимодействия служит деятельность Дэвида Юма, чья переписка с английскими мыслителями [16, р. 150–154] и публикация трудов в Лондоне [6, р. 152–160] демонстрируют интеграцию шотландской философии в общебританский культурный контекст.

Университет Глазго, основанный в 1451 году, также играл важную роль в интеллектуальной жизни Шотландии. В XVIII веке он стал центром экономической мысли благодаря деятельности Адама Смита, который преподавал здесь с 1751 по 1764 год. Университет также был центром научных исследований, где развивались идеи в области естественных наук и философии. Научные достижения университета способствовали укреплению его репутации как одного из ведущих интеллектуальных центров Европы [13, с. 113].

Таким образом, университеты Шотландии стали важной платформой для обмена идеями между шотландскими и английскими интеллектуалами и способствовали созданию необходимой интеллектуальной среды. Шотландские университеты привлекали студентов и преподавателей не только из Англии, но и из других стран Европы. Например, в Эдинбургском университете учились студенты из Франции, Германии и Нидерландов. Это способствовало распространению шотландских идей за пределами Британии. Университеты активно публиковали

работы своих преподавателей и организовывали публичные лекции, которые были открыты для широкой аудитории. Это помогало распространению идей среди не только академической, но и более широкой публики. В условиях постунионного развития Шотландии университетские центры – прежде всего Эдинбургский университет и университет Глазго – приобрели особое значение как институты конструирования новой британской идентичности. Этот процесс осуществлялся не только через трансформацию образовательных практик, но и через формирование особых интеллектуальных сетей, ставших важным элементом социокультурного ландшафта шотландского Просвещения. Ярким примером таких сетевых структур стало Select Society, (Избранное общество, 1754), в рамках которого происходила консолидация интеллектуальной элиты [14, с. 48]. Участие в этом дискуссионном клубе таких фигур, как Дэвид Юм и Адам Смит, демонстрирует, как университетские связи трансформировались в более широкие интеллектуальные сети, выходящие за рамки академического сообщества.

Как правило, такие сети выполняли функцию "трансляторов" идей между разными социальными группами, способствовали формированию общего концептуального языка, создавали основу для новой формы британской культурной идентичности, сочетающей шотландские и английские интеллектуальные традиции.

Такой подход позволяет рассматривать университеты не просто как образовательные институты, но как важные узлы в сложной системе интеллектуальных коммуникаций, оказавших значительное влияние на процесс культурной интеграции в постунионный период.

Основанное в Эдинбурге в 1754 году Select Society занимало особое место среди интеллектуальных объединений эпохи Просвещения, выступая важной площадкой для взаимодействия философов,

ученых, литераторов и представителей политико-экономической элиты Шотландии. В рамках общества велись дискуссии по ключевым вопросам философского, научного и политического знания, что способствовало не только развитию критической мысли, но и активной популяризации просветительских идеалов. Как отмечают исследователи, именно Select Society создавало ту уникальную среду, в которой шотландские интеллектуалы получали возможность для продуктивного обмена идеями и формирования общего культурного поля [11, с. 112]. Значение общества не ограничивалось частными собраниями – его идеи находили воплощение в публикациях, университетских курсах и даже политической практике.

Интеллектуальная жизнь Шотландии второй половины XVIII века, однако, не сводилась к деятельности Select Society. Наряду с Королевским обществом Эдинбурга особую роль играло Философское общество (осн. 1737), ставшее важной платформой для обсуждения вопросов на стыке философии и естествознания. В его работе принимали участие ключевые фигуры шотландского Просвещения, включая Адама Фергюсона [3, с. 163].

Параллельно развивалась сеть литературных и дискуссионных клубов, среди которых выделялся эдинбургский Poker Club (осн. 1762), сосредоточившийся на обсуждении актуальных социально-экономических и политических проблем. Примечательно, что шотландские мыслители активно интегрировались и в английские научные сообщества, в частности – в лондонское Королевское общество. Этот двусторонний обмен идеями, как свидетельствуют источники [19, с. 44], способствовал не только распространению шотландских интеллектуальных достижений в Англии, но и формированию единого культурно-философского пространства Британии.

Заключение. Становление национальной идентичности в Шотландии

XVIII века представляло собой сложный многоуровневый процесс, выходящий далеко за рамки сугубо политических трансформаций. Как убедительно демонстрируют исследования последних лет, культурные факторы – литературные произведения, художественные практики и, особенно, исторические нарративы – играли ключевую роль в создании системы коллективных представлений и формировании общей культурной памяти.

Акт об Унии 1707 года, институционально оформивший создание Королевства Великобритании, поставил перед шотландским обществом комплексную задачу выработки новых идентификационных моделей. Этот процесс, как отмечают современные историки [5, с. 78-83], развивался в нескольких взаимосвязанных плоскостях: политико-правовой (институциональная интеграция), социально-экономической (формирование общего рынка), интеллектуально-культурной (создание ценностного консенсуса). Особую роль в этом процессе сыграла когорта шотландских мыслителей эпохи Просвещения. Деятельность Дэвида Юма, Адама Смита, Фрэнсиса Хатчесона и их современников выходила за рамки академических студий. Их философские, исторические и экономические труды, а также участие в интеллектуальных сетях, фактически создавали концептуальную основу для новой системы ценностей, способной объединить различные регионы Британии.

Как отмечает Кристофер Уотли, “шотландские интеллектуалы не просто адаптировались к новым условиям, но активно участвовали в создании новой Британии” [17, с. 89]. Их идеи о морали, истории и экономике стали частью общей системы ценностей, которая объединила различные регионы Британии и способствовала созданию новой культурной и политической реальности.

Список литературы

- 1.Armitage, D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge University Press, 2000.
- 2.Bowie, K. Scottish Public Opinion and the Anglo-Scottish Union, 1699–1707. Boydell Press, 2007.
- 3.Emerson, R.L. The Philosophical Society of Edinburgh, 1737-1747 / R.L. Emerson // The British Journal for the History of Science. - 1979. - Vol. 12, № 2. - P. 154-191.
- 4.Hutcheson F An Inquiry Into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue. T. 1, J. Darby, 1726. 304 p.
- 5.Hutcheson F. A System of Moral Philosophy, 2 vols., London, 1745. 253 p.
- 6.James A. Harris, Hume: An Intellectual Biography (Cambridge: Cambridge University Press, 2015), 152–160.
- 7.MacInnes, A. I. Union and Empire: The Making of the United Kingdom in 1707. Cambridge University Press, 2007.
- 8.Marshall, P. J. The Making and Unmaking of Empires: Britain, India, and America c.1750–1783. Oxford University Press, 2005.
- 9.Patrick, D. J. "The Union of 1707 and Scottish Foreign Policy." The Scottish Historical Review, Vol. 86, No. 1 (2007), pp. 38–54.
- 10.Phillipson, N. Adam Smith: An Enlightened Life. Yale University Press, 2010.
- 11.Robertson, J. The Case for the Enlightenment: Scotland and Naples 1680–1760. Cambridge University Press, 2005.
- 12.Rothschild, E. Economic Sentiments: Adam Smith, Condorcet, and the Enlightenment. Harvard University Press, 2001.
- 13.Ross, I. S. The Life of Adam Smith / I. S. Ross. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — P. 102–118.
- 14.Sher, R. B. The Enlightenment & the Book: Scottish Authors & Their Publishers in Eighteenth-Century Britain, Ireland & America / R. B. Sher. — Chicago : University of Chicago Press, 2006. — P. 45-48.
- 15.Smout T. C. Problems of Nationalist Identity and Improvement in later Eighteenth-Century Scotland // Improvement and Enlightenment / Ed. by T. M. Devine. Edinburgh, 1989.
- 16.The Letters of David Hume, ed. J.Y.T. Greig, vol. 1 (Oxford: Clarendon Press, 1932), Letter 72, pp. 150–154.
- 17.Whatley, C. A. The Scots and the Union. Edinburgh University Press, 2006.
- 18.Winch, D. Riches and Poverty: An Intellectual History of Political Economy in Britain, 1750–1834. Cambridge University Press, 1996.
- 19.Wood, P.B. Science and the Aberdeen Enlightenment / P.B. Wood // The Aberdeen Enlightenment: The Arts Curriculum in the Eighteenth Century / ed. by J.J. Carter, J.H. Pittock. - Aberdeen: Aberdeen University Press, 1987. - P. 39-64.

SCOTLAND AT A TURNING POINT: INTELLECTUAL DISCOURSES AND THE CONSTRUCTION OF POLITICAL IDENTITY IN THE ERA OF THE UNION OF 1707

The article explores the role of Scotland's intellectual history in shaping a common British identity following the Union of 1707. The Union, which united England and Scotland into the Kingdom of Great Britain, was not only a political but also a cultural event that necessitated the creation of a new shared identity. Key figures in this process were Scottish intellectuals such as David Hume, Adam Smith, and Francis Hutcheson, whose works in philosophy, history, and economics laid the foundation for a unified system of values. The article examines how intellectual networks, scientific societies, and universities facilitated the spread of ideas and contributed to the creation of a new cultural and political reality that united the diverse regions of Britain.

Keywords: Union of 1707, Scottish Enlightenment, Intellectual history, British identity, David Hume, Adam Smith, Retia intellectualia, Scientific societies, Cultural integration.

References

- 1.Armitage, D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge University Press, 2000.
- 2.Bowie, K. Scottish Public Opinion and the Anglo-Scottish Union, 1699–1707. Boydell Press, 2007.
- 3.Emerson, R.L. The Philosophical Society of Edinburgh, 1737-1747 / R.L. Emerson // The British Journal for the History of Science. - 1979. - Vol. 12, № 2. - P. 154-191.
- 4.Hutcheson F An Inquiry Into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue. T. 1, J. Darby, 1726. 304 p.
- 5.Hutcheson F. A System of Moral Philosophy, 2 vols., London, 1745. 253 p.
- 6.James A. Harris, Hume: An Intellectual Biography (Cambridge: Cambridge University Press, 2015), 152–160.
- 7.MacInnes, A. I. Union and Empire: The Making of the United Kingdom in 1707. Cambridge University Press, 2007.
- 8.Marshall, P. J. The Making and Unmaking of Empires: Britain, India, and America c.1750–1783. Oxford University Press, 2005.
- 9.Patrick, D. J. "The Union of 1707 and Scottish Foreign Policy." The Scottish Historical Review, Vol. 86, No. 1 (2007), pp. 38–54.
- 10.Phillipson, N. Adam Smith: An Enlightened Life. Yale University Press, 2010.
- 11.Robertson, J. The Case for the Enlightenment: Scotland and Naples 1680–1760. Cambridge University Press, 2005.
- 12.Rothschild, E. Economic Sentiments: Adam Smith, Condorcet, and the Enlightenment. Harvard University Press, 2001.
- 13.Ross, I. S. The Life of Adam Smith / I. S. Ross. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — P. 102–118.
- 14.Sher, R. B. The Enlightenment & the Book: Scottish Authors & Their Publishers in Eighteenth-Century Britain, Ireland & America / R. B. Sher. — Chicago : University of Chicago Press, 2006. — P. 45-48.
- 15.Smout T. C. Problems of Nationalist Identity and Improvement in later Eighteenth-Century Scotland // Improvement and Enlightenment / Ed. by T. M. Devine. Edinburgh, 1989.
- 16.The Letters of David Hume, ed. J.Y.T. Greig, vol. 1 (Oxford: Clarendon Press, 1932), Letter 72, pp. 150–154.
- 17.Whatley, C. A. The Scots and the Union. Edinburgh University Press, 2006.
- 18.Winch, D. Riches and Poverty: An Intellectual History of Political Economy in Britain, 1750–1834. Cambridge University Press, 1996.
- 19.Wood, P.B. Science and the Aberdeen Enlightenment / P.B. Wood // The Aberdeen Enlightenment: The Arts Curriculum in the Eighteenth Century / ed. by J.J. Carter, J.H. Pittock. - Aberdeen: Aberdeen University Press, 1987. - P. 39-64.

Об авторе

Горяева Мария Николаевна – старший преподаватель кафедры гуманитарных наук филиала ФГБОУ ВО “НИУ “МЭИ” в г. Смоленске (Россия), E-mail: goryaeva.marie@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7251-8579>

Goryaeva Maria Nikolaevna – Senior Lecturer at the Department of Humanities, Smolensk Branch of the National Research University "Moscow Power Engineering Institute" (Russia). E-mail: goryaeva.marie@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7251-8579>

Кобец О.В., кандидат исторических наук, доцент, заведующая аспирантурой Смоленского государственного университета спорта (Россия)

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В 1920-Е ГОДЫ¹

После решений X и XII съездов РКП(б) по национальному вопросу белорусизация стала частью политики коренизации не только непосредственно в самой Белоруссии, но и в российских регионах с компактным проживанием белорусского населения. В первую очередь это касалось приграничных Псковской, Смоленской и Брянской губерний. Формат политики белорусизации в регионах РСФСР был более узким в сравнении с национальной республикой, и в основном предполагал введение в школах белорусского языка, перевод отдельных школ, изб-читален и др. учреждений на белорусский язык. Однако на практике реализация и этих установок центральной власти шла трудно и сдерживалась некоторыми как объективными, так и субъективными факторами/обстоятельствами. Во-первых, на Брянщине, как и в других приграничных с Белоруссией регионах, белорусское население проживало не компактными группами, как, например, колонии латышей, а в основном рассредоточивалось по разным деревням, значительно перемешиваясь с русским крестьянством и саморусифицируясь, приписывая себя к великорусскому этносу и определяя для себя родным русский язык. Местные власти хорошо использовали данное обстоятельство, и максимально оттягивали практические действия по белорусизации, которых от них требовали центральные власти. Во-вторых, Брянская губерния в 1920-е годы с полным на то основанием считалась индустриальным регионом, особенно Бежицкий и Клиновский уезды. Потому не удивительно, что брянские власти были гораздо больше сосредоточены на вопросах развития промышленного потенциала, а разного рода аспекты национальной политики оставались в стороне. По этой же причине вопросы национальных школ не являлись приоритетными и для губернского отдела народного образования, тем более в условиях подготовки к введению всеобщего обучения.

Ключевые слова: советская национальная политика, коренизация, белорусизация, российско-белорусское приграничье, Брянская губерния.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-53-63

Введение. Общее направление новой советской национальной политики было выработано и принято X съездом РКП(б) в марте 1921 г. В резолюции съезда партийные организации призывались: «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя

прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения» [11, с. 603-604].

В предшествовавшем прениям и резолюции докладе Сталина решение национального вопроса в советской России

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859>

© Кобец О.В.

© Kobets O.V.

виделось наркомом в уничтожении той хозяйственной, политической, культурной отсталости национальностей, которую они унаследовали от прошлого, «чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [11, с.184].

То есть в докладе Сталина речь шла об «отсталых народах». Но при этом в резолюции съезда перечень невеликороссов, составлявших 65 миллионов человек, т.е. почти половину от 140 миллионного населения страны, начинался с украинцев и белорусов, которые явно не относились к «отсталым нациям». Тем не менее, они попали в список 22 «окраин», которые отстали в своем развитии от центральной России и им требовалось помочь «развить у себя советскую государственность на родном языке» [11, с. 212].

XII съезд РКП(б) (март 1923 г.) поставил уже более «узкие» задачи в национальном вопросе, особенно выделив необходимость борьбы с великодержавным шовинизмом посредством политики коренизации с тем, чтобы «... органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; ... были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства ...» [11, с. 696].

На съезде после прекращения прений дополнительно работала даже отдельная секция. Но при этом нигде, ни разу, никто не употребил слово Белоруссия при обсуждении национального вопроса. Не «попала» Белоруссия, как в свое время на десятом съезде, и в перечень «отсталых народов» в части культурного развития, хотя более развитой Украине избежать этого не удалось: «В этих условиях разговоры о преимуществах русской культуры

и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурой более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются ни чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности», зафиксировал съезд партии [11, с. 693-694]. В выступлении Н.И. Бухарина Украина стала первым из названных им примеров регионов с высокой остротой национального вопроса из-за петлюровщины в правобережной части республики [11, с. 611]. В Белоруссии такого рода проявлений национализма не было.

Со времени съезда коренизация в регионах страны стала реализовываться в русле специфических национальных направлений: белорусизации, украинизации, татаризации, узбекизации, якутизации и т. д. При этом приграничным российским регионам, в первую очередь западного (белорусского) и юго-западного (украинского) направлений, предписывалось также максимально активно включиться в процессы коренизации в районах компактного проживания национальных меньшинств.

Очевидно, что последнее обстоятельство диктовалось в первую очередь внешнеполитическим фактором – надо было показать мировому сообществу максимальную поддержку советской властью национальных меньшинств в противовес политики колонизации в перешедших Польше по Рижскому мирному договору западных белорусских и украинских землях.

Однако в реальной жизни все оказалось гораздо сложнее, нежели в призывах делегатов и в постановлениях партийных форумов и государственных органов власти: белорусизация в российских регионах, даже в сравнении с украинизацией, шла трудно, а на начальном этапе нередко и тормозилась. И связано это было с несколькими как объективными, так и субъективными факторами/обстоятельствами.

Объект и методы исследования. Объектом настоящего исследования

является новая национальная политика советской власти, основные направления которой были определены решениями X и XII съездов РКП (б) и получили общее название — «коренизация». Непосредственно предметом исследования стала практика белорусизации в приграничных российских регионах на примере Брянской губернии, существенно отличавшейся по промышленному потенциалу от Смоленской и Псковской губерний. Основное внимание уделено выявлению причин имевших место трудностей в проведении белорусизации, сдерживающих этот процесс в 1920-е годы субъективных и объективных факторов.

Исследование подготовлено на основе документов брянских архивов — Государственного архива Брянской области (ГАБО) и Центра документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО), впервые вводимых в научный оборот, а также публикаций в официальном печатном органе местной власти — газете «Брянский рабочий». Для достижения поставленной цели использовались такие специальные исторические методы, как описательный, историко-системный, историко-типологический, сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты и их обсуждение. Начнем с национальных особенностей белорусов, о которых еще в середине XIX века писал возглавлявший смоленский отряд по обследованию крестьянских хозяйств губернии Я.А. Соловьев в работе «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии» [12]. Сравнивая великорусского крестьянина и белоруса, автор дает такое описание: «Обозревая ту и другую часть Смоленской губернии, с первого взгляда представляются резкие различия в характере народонаселения: в жилищах, домашней утвари, пище, одежде; одним словом, во всем, что касается народного характера, домашнего быта и хозяйства крестьянина. В восточной части губернии видная удаль русского

крестьянина, подчас соединенная с буйным разгулом жизни. Видна сметливость, которой так прославился русский человек. Во всем заметна деятельность, заботливость об участии своего семейства, изворотливость при отыскании средств к жизни. Все это исчезает в западной части губернии, населенной белорусскими крестьянами, с народным типом апатическим и вялым, с пренебрежением к удобствам жизни, с недостатком сметливости, наконец, с терпением и некоторого рода добродушием не по сознанию, а по лени. Этим самым, между прочим, объясняется, почему на больших дорогах в белорусских уездах лишь изредка попадаются деревни. Белорусский крестьянин прячется в поселках, между тем, как великорусский любит строиться на больших дорогах, где он, при своей деятельности и сметливости, нередко зарабатывает себе лишнюю копейку» [12, с. 100].

Из данного пространного абзаца для нас интересен тезис о поселении белорусов вдали от дорог, поскольку именно по этой причине местные власти в 1920-е годы будут долго, а иногда и безуспешно, пытаться ответить на вопрос: а сколько реально в том или ином уезде проживает белорусов.

Здесь можно было бы сразу возразить, мол, имелись переписи населения 1897, 1920 и 1926 годов, где представлена достаточно полная картина национального состава не только уездов, но и волостей. Однако на местах особого доверия к официальной статистике не было. И это касалось только вопроса о численности белорусского населения в российских регионах. Все было понятно с евреями, поляками, немцами, латышами, эстонцами, и даже с украинцами. Количество же белорусов будет оставаться до конца не разрешенной проблемой на протяжении всех 1920-х годов, и даже перейдет таковой в начало 1930-х годов.

На первое место здесь выдвинется вопрос о языке. Местное великорусское

население, а вместе с ним и региональные власти, будут воспринимать белорусский язык лишь как своеобразный говор русского языка. А из этого следовало, что поскольку самостоятельного/отдельного белорусского языка нет, то нет и белорусского вопроса, то есть, нет никаких оснований занимать белорусизацией: создавать отдельные белорусские школы, избы-читальни, красные уголки, детские сады, национальные сельсоветы, переводить делопроизводство местных органов власти на несуществующий белорусский язык и т.д. Другими словами, у волостных и уездных руководителей российских приграничных регионов (Псковская, Смоленская и Брянская губернии) имелся и применялся один и тот же аргумент: у нас белорусов нет.

И, если исходить из основного требования к белорусизации в российских регионах – осуществлять эту политику только в местах «компактного проживания» национальных меньшинств, то тезис об отсутствии белорусов был достаточно обоснованным: плотных, компактных мест проживания белорусского населения в трех указанных российских губерниях было совсем незначительное количество. Белорусское население в основном сосредоточивалось по разным деревням, значительно перемешиваясь с русским крестьянством.

Местные власти хорошо использовали данное обстоятельство и максимально оттягивали практические действия по белорусизации, которых от них требовали центральные власти.

Уже в сентябре 1921 г. утвержденное секретарем ЦК РКП(б) В.М. Молотовым положение о подотделах нацменьшинств и нацсекциях агитпропотделов партийных комитетов предписывало ведение на родном языке агитации и пропаганды среди рабочих и крестьян национальных меньшинств, находящихся «вне своей автономной области или республики, или вовсе не имеющего такового в пределах

РСФСР» [17, л. 44].

Однако на местах это не рассматривалось как имеющее отношение к украинцам, а тем более к белорусам.

Так Брянский губком РКП (б) даже в 1924 г. в своем отчете о работе среди нацменьшинств называет конкретные цифры только трех национальностей из общего числа 5 тысяч: 1600 латышей, 1 тыс. эстонцев и 600 немцев. Оставшиеся две тысячи попадали в категорию «разных» без какой-либо детализации [13, л. 25]. А в отчете агитпропа Брянского губкома в 1925 г. прямо говорится, что «раньше работа велась только между латышами и эстонцами, ныне начата среди евреев и немцев. Среди других нац. меньшинств работа вестись в этом году не предполагается» [13, л. 118].

О белоруссах речи в это время нет вообще. При этом примечательно и общее далеко не положительное отношение к национальным меньшинствам: «Обследованием установлено, – читаем в отчете, – что среди нацменов никакой работы ни кто не ведет, и низовые совработники, и даже партработники настроены враждебно к нацменам по следующим мотивам: ... к евреям относятся враждебно, принимая вообще евреев за спекулянтско-торгашеский элемент, ... на колонистов (эстонцев, латышей и немцев) смотрят как на представителей кулачества» [13, л. 210-211].

Отмечается общая уже указанная нами ранее трудность работы с нацменьшинствами: «... население разбросано в виде отдельных хуторов и мелких поселений, поэтому нет возможности иметь работников на местах, а для передвижников требуются большие средства» [14, л. 98]. Здесь, в первую очередь, имелись в виду колонии латышей, эстонцев и немцев, стремившихся жить уединенно и относительно компактно. Но данное замечание вполне приемлемо и для белорусского населения, хотя оно в середине 1920-х годов все еще не выделяется, как и украинское, из состава великорусского этноса.

Белорусская тема, вместе с украинской, всплывает в работе Брянского губкома ВКП (б) только весной 1926 г., когда на заседании секретариата губкома прозвучали несколько странные заявления ответственных за наработку партийных функционеров. Называется общая цифра национального населения в губернии – 26 200 человек. Затем следует утверждение, что «работа ведется среди 17 000 национального населения». И далее прямое признание: «Среди Белорусского и Украинского населения работы не ведется» [14, л. 124]. В ответе же на вопрос о национальном составе нацменьшинств докладчик Я. Штауэр приводит такие цифры: «11 000 евреев, 1 ½ тысячи латышей, 600 эстонцев, 600 немцев, 2.000 поляков и др.» [14, л. 124]. И никого не смущает, что в сумме не только не получается 17 тысяч, но и полностью «выпадают» из поля зрения около 9 тысяч белорусов и украинцев, в отношении которых просто фиксируется, что работа с ними не ведется вообще. То есть, они уже зачислены в категорию нацменьшинств, но это все еще не означало необходимости работы с ними. Никаких объяснений такому положению дел не давалось.

Впервые конкретные цифры белорусов и украинцев называются в объемном 8-страничном годовом отчете заведующего подотделом нацменработы Брянского губкома партии А. Цельмса о работе среди национальных меньшинств за период с 1 января 1926 по 1 января 1927 г. При этом в списке нацменьшинств они стоят первыми: украинцев – 5000 человек, белорусов – 3 600 [15, л. 82]. Получается, что белорусы и украинцы как бы «появились» в Брянской губернии только после и в результате присоединения к ней в декабре 1926 г. трех уездов бывшей Гомельской губернии (Стародубского, Новозыбковского, Клинцовского). Согласно отчету, компактно проживали в губернии латыши, эстонцы, немцы и евреи. В части других следовало утверждение:

«Белорусы, украинцы и литовцы частью ассимилировались, частью разбросаны среди основной массы населения и среди них особой работы не ведется» [15, л. 83].

В январе 1928 г. на совещании по работе среди нацменьшинств в Брянской губернии в докладе уполномоченного по данной работе говорилось, что «систематическая работа по обслуживанию нацменьшинств в Брянской губернии «началась только с 1927 года, т.е. с момента присоединения трех уездов бывшей Гомельской губернии. До этого работа носила «более или менее случайный характер» [4, л. 17]. «Слабым местом» в наработке признавалось «полное отсутствие работы среди украинцев и белорусов» [4, л. 17], количество которых резко выросло: цифра украинского населения составляла 132 тысячи человек, а белорусского – превысила 21 тысячу человек [4, л. 17].

«Отсутствие работы среди украинцев и белорусов» называлось основным недостатком в нацменработе и в январе 1928 г. на заседании президиума Брянского губисполкома при рассмотрении вопроса «О результатах обследования состояния нацменработы в губернии» [7, л. 51]. И уже предлагалось Клинцовскому уездному исполкому «в виде опыта» выделить один белорусский сельсовет и ввести в нем родной язык [7, л. 51]. При этом местные власти, особенно уездного уровня, в свои постановления, в целом звучавшие позитивно в адрес белорусизации, всегда, говоря и о необходимости перевода школ на родной язык, и об обязательности развертывания национальной сети культурно-просветительных учреждений, подстраховывались расплывчатым во временном плане словом – «постепенно» [7, л. 51].

Весной того же 1928 г. даже Брянский губком ВКП (б) признавался, что при имевшихся «некоторых достижениях» в нацменработе в целом, никак не получалось «приспособить наш

партийный аппарат к работе среди таких нацменьшинств, как украинцев и белорусов» [16, л. 257].

Показательным для понимания отношения местных властей к вопросам белорусизации является реакция брянского губернского руководства на предписания Президиума ВЦИК РСФСР от 26 марта 1928 г., принятые по результатам рассмотрения вопроса по докладу Брянского губисполкома «О состоянии нацменработы в Брянской губернии» [4, л. 16, 16 об.].

Резолюция Президиума ВЦИК вначале констатировала «некоторое оживление» работы по обслуживанию «части нацменьшинств» в губернии. Но к этой части относились лишь евреи, латыши и эсты. Само же «оживление» выражалось в «усилении руководства нацменработой по кооперированию нацменьшинств...; землеустройстве трудящихся евреев; ... росте и укреплении сети культурно-просветительных учреждений» [4, л. 16].

На этом фоне неким диссонансом звучит жесткое по своей форме замечание Президиума ВЦИК о том, что «до сих пор не поставлена работа по обслуживанию украинского и белорусского населения губернии, составляющего в совокупности 150 000 человек, т.е. 7,5% всего населения губернии» [4, л. 16].

В такой ситуации верховной российской властью Брянскому губисполкому предписывалось: «В местностях, где количественно преобладает украинское и белорусское население, организовать нацсельсоветы и нацволисполкомы и постепенно перевести делопроизводство всех соответствующих учреждений сельского и волостного значения на украинский и белорусский язык» [4, л. 16].

Пункт 4 постановления относился к работе со всеми нацменьшинствами губернии. Он гласил: «... в местностях, где количественно преобладают нацменьшинства или где имеются весьма значительные группы нацменьшинств, в дальнейшей работе по линии народного

образования иметь в виду необходимость перевода школ нацмен первой ступени на родной язык, а по линии суда – организацию судебных камер на языках нацмен» [4, л. 16].

Исполнение данного требования центральных властей Брянским губернским отделом народного образования было, по меньшей мере, своеобразным. Было решено вначале обследовать два присоединенных недавно от Гомельской губернии уезда – Клинцовский и Стародубский. Специальной экспедиции предписывалось изучить разговорный язык, быт, обычаи, обряды, жилища и даже способы передвижения и обработки земли. Зачем такая объемная работа? По мнению губоно, только «таким комплексом всех перечисленных признаков возможно установить несомненную принадлежность изучаемой народности к той или иной национальной группе» [4, л. 14]. То есть вначале следовало понять сколько и где есть белорусов.

Далее пояснялось предварительное толкование сути проблемы. Географические условия Брянской губернии, находящейся на стыке трех национальных групп: великороссов, белорусов и украинцев «заставляют особенно вдумчиво отнестись к разрешению этого важного и актуального вопроса. На границах нашей губернии возможно наблюдать явления, которые в этнографии именуются «переплетами», т.е. такие явления, когда две национальных группы от близкого взаимного соприкосновения утрачивают часть своих особенностей и воспринимают другую часть от соседей. В таких случаях группы эти, составленные из разных элементов, могут предоставлять из себя нечто единое, т.е. не великороссов и не украинцев, или не великороссов и не белорусов, а слияние этих национальностей, т.е. «переплет» [4, л. 14].

С одной стороны, брянские власти вроде бы и не саботировали требования ВЦИК о необходимости перевода школ на

родной язык – они работали над вопросом; с другой же, губисполком напрямую увязывал возможное рассмотрение вопроса «о целесообразности перевода школ национальных меньшинств на родной язык» с результатами детального обследования уездов со стороны губернского отдела народного образования.

При этом Стародубский уездный отдел народного образования сразу сообщал в Брянский губоно, что еще при обследовании уезда в составе Гомельской губернии в 1924-1925 учебном году «оснований для перевода части школ на украинский язык найдено не было». А «с трудом переведенные на белорусский язык» после соответствующей агитации среди населения четыре школы вновь «перешли на русский язык» после упразднения в штате уОНО белорусского инспектора [4, л. 10 об.].

Правда, уже в августе 1928 г. губоно доводил до сведения президиума Брянского губисполкома, что в Стародубском уезде 9 школ переводились на украинский язык, а в Клиновском уезде (Гордеевская волость) – 2 школы на белорусский язык. В этих же уездах вводились должности нацинспекторов: в Стародубе – украинец, в Клиновцах – белорус [4, л. 21].

Для Брянского губернского отдела народного образования вопросы национальных школ были, конечно, не приоритетными. На первом месте в части школьного строительства стояли промышленные центры губернии. И, не удивительно, что в отчете губоно в Наркомпрос о состоянии дел в рабочем Бежицком уезде Брянской губернии по итогам 1927 г. дается впечатляющий перечень металлообрабатывающих предприятий с указанием численности рабочих: парово-вагоно-строительный завод «Профинтерн» – 14 тыс. рабочих, Людиновский – 4,5 тыс. рабочих, Песоченский чугунолитейный – 1300 человек, Урицкий – 1500, Сукремльский – 1000, Любоховский – 300 человек, всего – 22/ 23 тысячи рабочих. К этому перечню следовало добавить и другие

производства уезда: Песоченская фаянсовая фабрика, Дятьковская хрустальная, Бытошевская, Ивотская, Чернятинская стекольные фабрики и цементный завод. Все это было сосредоточено только в Бежицком уезде [3, л. 110].

В этом районе обучалось почти 10 тысяч детей металлистов: около 6 тысяч в школах первой ступени и 4 тысячи – повышенного типа [3, л. 110 об.]. Именно сюда требовались вложения по линии губоно в первую очередь, а не на белорусизацию или украинизацию. В построенную в Бежице школу 7-летку сразу было набрано 18 групп учащихся. Новая 7-летка была открыта в Урицком поселке. В Песоченском поселке 7-летка расширялась под 9-летку. Новые школы – одна первой ступени, вторая 9-летка начали строиться в Людиново. При этом все школы первой ступени работали в две смены [3, л. 111-112]. Очевидно, что вопросы индустриального Бежицкого уезда для губернских властей были в неоспоримом приоритете.

К тому же индустриальный потенциал Брянской губернии значительно возрос и благодаря трем новым уездам, где основными группами рабочих были текстильщики, химики и кожевенники [2]. Город Клиновцы, например, по промышленному потенциалу был даже больше губернского Гомеля. В Клиновском текстильтресте особенно развито было суконное производство. На Стодольской фабрике им. Ленина работало 1544 человека; на Глуховской – 900 человек, на Троицкой – почти 300 человек. Кроме суконного производства в составе Клиновского треста имелись Зубовская пенькошпагатная фабрика им. Троцкого – 1253 рабочих, чугуно-литейный завод им. Калинина – 60 человек. В 30 верстах от Клиновцов на реке Ипуть находилась Суражская бумажная фабрика «Пролетарий» – 530 рабочих, выпускавшая древесную массу, бумагу, картон. В уезде также было развито производство пеньки, швейная промышленность,

производство металлических изделий, типографское дело, добыча торфа, кожевенная промышленность [2]. В Новозыбковском уезде – основным было спичечное производство: фабрика «Волна революции» – 1836 рабочих, «Революционный путь» в Злынке – 370 человек. В уезде была хорошо развита обработка пеньки [2]. Только в Стародубском уезде не было крупного производства.

Не удивительно, что брянские власти были гораздо больше сосредоточены на вопросах развития промышленного потенциала, а разного рода аспекты национальной политики оставались далеко в стороне. Косвенно это подтверждает и доклад «Основные достижения в хозяйственном и культурном строительстве Брянской губернии к десятилетию Октябрьской революции» председателя исполкома И.Д. Дичева на юбилейном пленуме Брянского губисполкома 28 октября 1927 г. Докладчик с нескрываемой гордостью говорил, что Брянская губерния в полной мере может называться «губернией промышленной, т.е. губернией, где промышленность имеет значительный удельный вес» [1]. И приводил цифры: по общей стоимости продукции промышленности занимала в 1926-27 г. 43%, при этом стоимость продукции средств производства составляла 63%, а средств потребления – 37%. Количество рабочих в цензовой промышленности составляло почти 50 тысяч человек [1].

И здесь задачи промышленного развития и нацстроительства как бы пересекались. На уровне губисполкома не однажды ставилась задача, как в феврале 1928 г.: «продолжать вовлекать нацменьшинства в промышленность в качестве рабочих», а также в техникумы и школы фабрично-заводского ученичества «особенно в части тяжелой промышленности и транспорта» [7, л. 4].

Еще в 1926 г. Брянского губисполком утвердил план введения всеобщего обучения в губернии. На тот момент вся сеть

школ первой ступени в сельской местности охватывала только 50% детей школьного возраста. На 1927/28 учебный год планировалось достичь 85% охвата детей школой [8, л. 36]. Разработчики Плана исходили из того, что необходимо было исполнять директивные указания о введении в 1933/34 гг. всеобщего обязательного начального обучения, а с 1927/28 учебного года – общедоступности обучения. Первая позиция означала создание такой сети начальных школ, которая бы охватывала все 100% детей школьного возраста (8-11 лет). Вторая означала формирование сети школ с охватом 85% детей школьного возраста. Нагрузка для учителей к этому времени должна была стать не более 40 учеников на учителя [5, л. 1]. Для реализации этих планов требовалось построить в первые пять лет плана 426 новых школ, расширить 301 и капитально отремонтировать 217 школ. И это задачи только по начальной школе! [5, л. 8]. А еще требовалось предусмотреть в бюджетах отделов народного образования расходы на оказание помощи обувью, одеждой и горячими завтраками детей беднейшего населения в количестве 25% от всего числа учащихся и обеспечение всех учащихся учебниками и канцелярскими принадлежностями [6, л. 20].

В такой ситуации местным властям приходилось выбирать, что важнее. И очевидно, что вопросы национального строительства не попадали в разряд первостепенных.

В августе 1929 г. состоялось первое областное партийное совещание только что созданной Западной области по работе среди национальных меньшинств. Цифра последних была значительной – около 400 тысяч человек. Но при этом население нацменьшинств области, вобравшей в себя всю Смоленскую и Брянскую губернии, часть Калужской и Псковской губерний, характеризовалось как «распыленное» [18, л. 16]. Такая оценка имела непосредственное отношение и к белорусам. В значительной степени именно по причине своей

«распыленности» 78 тысяч белорусов не имели ни одного своего сельского совета, у 136 тысяч украинцев было два национальных сельсовета, а всего в Западной области их насчитывалось 26 (латышские, эстонские, еврейские...) [18, л. 13].

Более организованными в этом вопросе были брянские латыши. Например, Балтийский сельсовет в Жуковском районе Брянского округа делопроизводство на национальный язык не переводил, но вся культпросветработа проводилась здесь через национальную школу и национальную избу-читальню на родном языке. Проживало на территории сельсовета 458 человек [7, л. 43]. У белорусского же населения потребности в создании своих национальных сельских советов не было, их в полной мере устраивали «русские» сельсоветы, представлявшие одинаково интересы всех национальностей на своей территории.

При пассивном и безразличном отношении к задачам белорусизации самого белорусского населения губернии ожидать каких-либо значимых результатов в этой работе не приходилось. Потому и в начале 1929 г. в отчете «О состоянии нацмен работы в Клинцовском уезде» признавалось «полное отсутствие в части обслуживания белорусов и украинцев». При этом серьезное оценочное замечание, что это создавало «искривления в нацменполитике» [9, л. 1 об.] никак не означало каких-либо, а тем более существенных подвижек в этом вопросе в дальнейшем.

Заключение. Белорусизация в российско-белорусском приграничье (Псковская, Смоленская, Брянская губернии), инициированная Москвой, и находившаяся под ее пристальным вниманием, в первую очередь в лице Совета национальных меньшинств Наркомпроса и Президиума ВЦИК РСФСР, продвигалась на местах трудно. Региональные власти не саботировали этот процесс: вопросы национальной политики не обходились вниманием, но в первой половине 1920-х

годов обсуждались в основном проблемы еврейского населения, латышей, эстонцев, поляков, немцев. Белорусская, а параллельной с ней и украинская тематика встанут в повестку дня только в самой середине десятилетия, когда в результате упразднения Витебской губернии в состав Псковщины перейдут Невельский, Себежский и Велижский уезды, в состав Брянской – три уезда от бывшей Гомельской губернии – Клинцовский, Новозыбковский и Стародубский, Смоленская губерния передаст Белоруссии Мстиславльский и Горецкий уезды.

В итоге общее число белорусского населения в приграничных российских регионах, конечно, возрастет. И это даст весомое основание центральным органам требовать от местных властей усиления работы с белорусским национальным меньшинством. Однако само по себе увеличение числа белорусов не означало компактности их проживания, на что как раз и нацеливали регионы центральные власти. В основном белорусское население было рассредоточено по множеству деревень и вполне комфортно сосуществовало вперемежку с русским крестьянством. При этом с конца XIX века шел интенсивный процесс саморусификации белорусов в российских регионах: проводившиеся переписи населения позволяли им или записывать себя в русский этнос, или выбирать своим родным языком русский, или и то и другое вместе. Такие обстоятельства давали основания региональным властям утверждать – «У нас белорусов нет» и не спешить с реализацией задач по белорусизации.

Особенностью Брянской губернии в дополнение к этому был ее высокий, в сравнении с двумя другими губерниями, индустриальный потенциал, что служило хорошим «зонтиком» от постоянных установок Москвы на проведение как коренизации в целом, так и украинизации и белорусизации в частности. Здесь хорошо срабатывал аргумент приоритетности

работы с нацменьшинствами в промышленных центрах губернии, вовлечения их в производство и в учебные заведения технического профиля. В целом же белорусизация в Брянской губернии в 1920-е годы будет идти медленно и во многом

формально, а в самом начале 1930-х годов приоритетность ее вновь отодвинется такими гораздо более важными задачами, как борьба с кулачеством, коллективизация, антицерковная кампания, и, конечно, необходимостью введения всеобщего

Список литературы

1. Брянский рабочий, 1927, 30 октября.
2. Брянский рабочий, 1927, 4 января.
3. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 84. Оп. 1. Д. 542.
4. ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1).
5. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1362.
6. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1708.
7. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1922.
8. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 875.
9. ГАБО. Ф. Р-1013. Оп. 1. Д. 868.
10. Двенадцатый съезд РКП /б/. 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет Москва, Издательство политической литературы, 1968. 921 с.
11. Десятый съезд РКП/б/. Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы. 1963 г. 937 с.
12. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. б. Смолен. отряда уравнивания гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: изданием Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с. (Цит. по изданию: Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. Смоленск: Универсум, 2011. 503 с.).
13. ЦДНИБО (Центр документации новейшей истории Брянской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1203.
14. ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1390.
15. ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1597.
16. ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1646.
17. ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198.
18. ЦДНИБО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134.

PECULIARITIES OF NATIONAL POLICY IN THE RUSSIAN BORDER REGIONS IN THE 1920S

After the decisions of the 10th and 12th Congresses of the RCP (b) on the national question, Belorussianization became part of the indigenization policy not only in Belarus itself, but also in Russian regions with a compact Belarusian population. First of all, this concerned the border Pskov, Smolensk and Bryansk provinces. The format of the Belorussianization policy in the regions of the RSFSR was narrower in comparison with the national republic, and mainly involved the introduction of the Belarusian language in schools, the transfer of individual schools, reading huts and other institutions to the Belarusian language. However, in practice, the implementation of these directives of the central government was difficult and was constrained by some objective and subjective factors/circumstances. Firstly, in Bryansk region, as in other regions bordering Belarus, the Belarusian population did not live in compact groups, such as, for example, Latvian colonies, but was mainly dispersed among different villages, significantly mixing with the Russian peasantry and self-Russifying, ascribing themselves to the Great Russian ethnos and defining Russian as their native language. Local authorities made good use of this circumstance and delayed as much as possible the practical actions on Belorussianization that the central government demanded of them. Secondly, in the 1920s, Bryansk province was rightfully considered an industrial region, especially the Bezhitsky and Klintsovsky districts. It is therefore not surprising

that the Bryansk authorities were much more focused on the issues of developing industrial potential, and various aspects of national policy were left aside. For the same reason, issues of national schools were not a priority for the provincial department of public education, especially in the context of preparations for the introduction of universal education.

Keywords: Soviet national policy, indigenization, Belorusization, Russian-Belarusian borderland, Bryansk province.

References

1. Bryanskij rabochij (1927) [Bryansk worker]. 30 oktyabrya.
2. Bryanskij rabochij (1927) [Bryansk worker]. 4 yanvarya.
3. GABO (Gosudarstvennyj arkhiv Bryanskoj oblasti) [State Archive of the Bryansk Region]. F. 84. Op. 1. D. 542.
4. GABO [GABO]. F. 84. Op. 1. D. 1126 (ch.1).
5. GABO [GABO]. F. 85. Op. 1. D. 1362.
6. GABO [GABO]. F. 85. Op. 1. D. 1708.
7. GABO [GABO]. F. 85. Op. 1. D. 1922.
8. GABO [GABO]. F. 85. Op. 1. D. 875.
9. GABO [GABO]. F. R-1013. Op. 1. D. 868.
10. Dvenadcatyj s"ezd RKP /b/ 17-25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskij otchet (1968) [Twelfth Congress of the RCP (b). April 17-25, 1923. Verbatim report]. Moskva, Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 921s.
11. Desyatyj s"ezd RKP/b/. Mart 1921 goda. Stenograficheskij otchet (1963) [Tenth Congress of the RCP/b/. March 1921. Verbatim report]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 937 s.
12. Sel'skokhozyajstvennaya statistika Smolenskoj gubernii (1855) / sost. Yakovom Solov'evym, nach. b. Smolen. otryada uravneniya gos. krest'yan v denezh. sborakh, na osnovanii svedenij, sobr. ehtim otryado [Agricultural statistics of Smolensk province]. M.: izhdiveniem Uchen. kom. M-va gos. imushchestv, 486 s. (Cit. po izdaniyu: Sel'skokhozyajstvennaya statistika Smolenskoj gubernii. Smolensk: Universum, 2011. 503 s.).
13. CDNIBO (Centr dokumentacii novejshej istorii Bryanskoj oblasti) [Center for Documentation of Contemporary History of the Bryansk Region]. F. 1. Op. 1. D. 1203.
14. CDNIBO [CDNIBO]. F. 1. Op. 1. D. 1390.
15. CDNIBO [CDNIBO]. F. 1. Op. 1. D. 1597.
16. CDNIBO [CDNIBO]. F. 1. Op. 1. D. 1646.
17. CDNIBO [CDNIBO]. F. 1. Op. 1. D. 198.
18. CDNIBO [CDNIBO]. F. 12. Op. 1. D. 134.

Об авторе

Кобец Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая аспирантурой Смоленского государственного университета спорта (Россия). E-mail: cobets.olga@yandex.ru

Kobets Olga Viktorovna – PhD in History, Associate Professor, Head of Postgraduate Studies at Smolensk State University of Sports (Russia). E-mail: cobets.olga@yandex.ru

УДК 930.1

Ковеля В.В., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВОПРОС ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНЕГО КИЕВА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ АКАДЕМИКА П.П. ТОЛОЧКО¹

Статья посвящена одной из тем в многогранном и обширном научном наследии академика П.П. Толочко – хронологии города Киева в самый ранний период его существования, которому ученый посветил несколько десятков книг и статей, издававшихся на протяжении последних шестидесяти лет. Личность историка, бывшего долгое время признанным лидером украинской археологической науки и значимость темы, захватывавшей умы многих поколений историков, начиная с Нестора, определили потребность рассмотреть ее более полно в рамках отдельного исследования. В работе не ставится задачей охватить абсолютно все публикации автора по этой теме, внимание будет сосредоточено лишь на его наиболее значимых монографиях, анализ которых позволит проследить эволюция взглядов ученого на протяжении всего научного творчества: от самых первых работ по исторической топографии древнего Киева до обобщающих трудов, изданных в последние годы жизни. Концептуальные выводы историка представлены в контексте идей его коллег-современников, выявлено их взаимовлияние, а также те положения, которые породили острые споры и дискуссии как в советский, так и украинский период работы ученого.

Ключевые слова: историография, П.П. Толочко, Б.А. Рыбаков, Киев, Старокиевская гора, легенда о Кие.
DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-64-76

Введение. 28 апреля 2024 г. ушел из жизни один из ведущих украинских историков-медиевистов, археолог, признанный специалист в вопросах средневековой урбанистики, человек с активной гражданской позицией, действительный член Национальной академии наук Украины, с 2011 г. иностранный член Российской академии наук Петр Петрович Толочко. Научное наследие историка огромно: многие аспекты жизни восточнославянских племенных союзов и древнерусского государства стали предметами его изучения, немалое количество археологических раскопок древних поселений на территории современной Украины было проведено под его непосредственным руководством, сотни статей и монографий были подготовлены ученым по результатам проведенных исследований. Тема древнерусского города стала одной из ключевых в творчестве П.П. Толочко, и рамках нее особое внимание он уделял ставшему для него родным Киеву[7]. С

этим городом оказалась тесно переплетена большая часть жизни уроженца села Пристромы Киевской области: сначала учеба на историко-философском факультете в Киевском университете, несколько десятилетий работы в Институте археологии АН УССР (впоследствии НАН Украины), директором которого он являлся с 1987 г. по 2016 г., активная гражданско-политическая деятельность в постсоветский период в составе различных политических партий и блоков, и, наконец, последние дни жизни ученого также прошли в уже родном для него Киеве. Неудивительно, что имея столь прочную связь с городом, П.П. Толочко сделал его одним из главных объектов научного интереса, исследовал разные стороны древней истории киевского поселения, в том числе и время его зарождения, чему и будет посвящена эта статья.

Объекты и методы исследования. Объектом изучения в рамках статьи является научное наследие академика П.П.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Российского научного фонда №23-28-00281 «Украинская историография средневековой Руси в конце XX - начале XXI в.: концепции, истоки, тенденции».

© Ковеля В.В.

© Kovelya V.V.

Толочко, а именно тема хронологии города Киева в самый ранний период его существования. Для выявления концептуальных взглядов ученого по указанной проблематике анализу подвергнуто содержание наиболее значимых монографических работ ученого, что дает возможность проследить эволюция его научной концепции на протяжении всего научного творчества, а также сопоставить его идеи с выводами других историков, обращавшихся к той же тематике.

Результаты и их обсуждение. Первые публикации, связанные с Киевом, появились у П.П. Толочко в середине 1960-х годов, когда творческий путь ученого только начинался¹. Историческая топография древнего Киева станет темой диссертационного исследования молодого историка, которое было успешно защищено и опубликовано в 1970 г.[15] В том же году на русском языке вышла в свет небольшая научно-популярная книга «Древний Киев», в которой автор среди прочего задался вопросами времени и обстоятельств возникновения города[16].

Проблема датировки начального периода существования Киева неоднократно возникал в российской, советской и украинской историографиях. При этом нередко этот вопрос имел под собой серьезную политическую подоплеку, которая неизменно довлела над учеными-историками, побуждая их учитывать этот немаловажный фактор при выстраивании научных теорий. Особенно остро дискуссия развивалась в середине-третьей четверти XX в., когда на волне борьбы с норманизмом, в которую были вовлечены все крупнейшие советские историки, стало принципиально доказать, что Киев изначально был славянским поселением и возник задолго до появления здесь

летописных варягов Аскольда и Дира. Так признанный лидер советской исторической науки академик Б.Д. Греков уже допускал возможность существования Киева до IX в. [3, с.443-444]. Подобного же вывода придерживался академик М.Н. Тихомиров, который определил появление городских (т.е. торгово-ремесленных) черт у киевского поселения IX в.[14, с. 45]. И, наконец, еще один из наиболее авторитетных и влиятельных представителей советской исторической науки, директор Института археологии АН СССР, академик Б.А. Рыбаков, опираясь преимущественно на отрывочные и противоречивые свидетельства письменных источников, заявил, что Киеву не менее полторы тысячи лет. Историк, в отличие от большинства предшественников, признал достоверным летописный рассказ Нестора о Кие, Щеке и Хориве и датировал его VI в., в этом же периоде, как он полагал, и следует искать начало древнего Киева, а, возможно, и ранее[9, с. 35-36]. Годом позже он выдвинет повторит эту мысль несколько иначе: «Поселение на месте Киева существовало уже в первые века н.э., но тогда культурный центр Среднего Приднепровья находился южнее, ближе к Роси и Тясмину. В VI в. на первое место в результате совокупности исторических условий закономерно выдвинулся Киев» [10, с. 11-12].

Таким образом, молодой ученый П.П. Толочко в самом начале творческого пути взялся за тему, где многие концептуальные положения уже были определены и требовали от автора их принятия. В этой связи не удивительно, что в первом монографическом труде по истории древнего Киева автор согласился с мнением Б.А. Рыбакова, но все же несколько сдвинул вверх датировку периода деятельности

¹ См.: Толочко П.П. Копирів кінець древнього Києва// Український історичний журнал. – 1963. - №5; Толочко П.П. До топографії древнього Києва // Археологія. – 1965. – Т. 18; Толочко П.П. Нові розкопки в Києві // Український історичний журнал. – 1965. - №9; Толочко П.П. Топографія скарбів монетних гривень у Києва// Археологія. – 1966. – Т. 20; Толочко П.П. Стародавній Київ. – Киев, 1966; Політичне становище Києва в період феодальної роздробленості// Український історичний журнал. – 1966. - №10 и др.

летописного князя Кия к рубежу VI-VII вв., уточняя, что «именно в это время восточные славяне выступают союзниками Византии в борьбе с аварами, и, естественно, славянский князь Кий мог быть принят византийским императором» [16, с. 4]. Также П.П. Толочко обратил внимание на обилие римских монет, кладов и иных предметов II-V вв. на территории разных районов Киева и даже увидел в этом свидетельства тому, что «ранние славянские поселения вели бойкую торговлю с далеким римским миром», но о существовании города пока речь не идет [16, с. 9]. Автор утверждал, что начало городу положили поселения второй половины I тысячелетия н.э., размещавшиеся преимущественно на горах Старокиевской и Киселевке, Детинке и Подоле, но опять нет четкого временного определения, когда и при каких обстоятельствах происходил этот процесс [16, с. 9]. Неслучайно, еще во «вступлении» к книге он писал, что время возникновения Киева «теряется в глубине веков» [16, с. 3]. В то же время историк признает факт существования «городка Кия», хотя не определяет его городом «в нашем понимании этого слова», признавая в нем лишь «сооружение замка или крепости». В доказательство этих выводов приводится случайная находка древнего засыпанного рва, обнаруженного в 1909-1910 гг. архитектором Д. Милеевым во время исследования остатков Десятинной церкви и исследованного археологом М.К. Каргером. В качестве весомого доказательства называется «керамика VII-VIII ст., жилища тех времен» [16, с. 10-11]. Любопытно, что сам М.К. Каргер не конкретизировал время создания рва, а определил лишь время его засыпки – конец X в., связав этот процесс с постройкой Десятинной церкви, а найденную во рву лепную керамику полагал верным отнести к «VIII-IX вв., а иногда и к более раннему периоду» [5, с. 103]. Также М.К. Каргер привел данные о раскопанной им полуземлянке, отнесенную

им «к числу жилищ древнего поселения, существовавшего на Андреевской горе в VIII – X вв.». [5, с. 105]. Более того, ученый, признавая, что в легенде о трех братьях сохранились отголоски реальных событий, пришел к следующему выводу: «установлено существование на территории Киева нескольких (не менее трех) самостоятельных поселений VIII-X вв., лишь в конце X в. объединившихся в один город» [5, с. 62]. Таким образом, хронологические рамки и общие выводы двух историков не совпали в полной мере, на страницах труда более молодого автора ощущается явное стремление удревить имеющиеся доказательства, а вмести с ними и историю города, что отражается и в итоговом выводе: «В IX ст. Киев уже являлся международным торговым центром» [16, с. 12].

Описывая город IX-X вв., П.П. Толочко представлял Киев как развитый городской центр значительных размеров: «Археологические материалы IX-X ст. свидетельствуют о том, что в это время уже были заселены не только центральные районы Киева – Старокиевская гора, Киселевка, Подол, но и более отдаленные – Щекавица, Кудрявица, Лысая гора и некоторые другие». Более того, автор утверждал, что уже «к концу X ст. Киев становится одним из самых богатых городов Европы», а «в первой половине XI ст. Киев – растущий торгово-ремесленный, административный и культурный центр Руси» [16, с. 13-14, 16-18]. Такие выводы, выглядят в изрядной степени преувеличенными, и в дальнейшем ученый от них отказался. В более поздней книге о древнерусском феодальном городе он признал, что «при строгом следовании торгово-промышленной модели города результат поиска и для этого столетия (X в. – прим. В.К.) окажется отрицательным. Даже Киев не подойдет под такое определение. Попытки поиска городов бюргерского типа заведомо обречены на неудачу. Таких на Руси в IX-XIII вв. вообще не

существовало» [20, с. 39].

Через шесть лет книга П.П. Толочко была переиздана, к этому времени из-под пера историка вышел ряд новых публикаций, посвященных раскопкам древнего Киева, поэтому неудивительно, что во втором издании заметно выросло число страниц, расширялась фактологическая составляющая текста, были скорректированы отдельные спорные суждения (например, Киев из «самых богатых городов Европы» превратился «в крупнейший и богатейший город Древней Руси»). В новой книге на фоне продолжавшейся борьбы с норманизмом в отечественной исторической науке П.П. Толочко уделил особое внимание этнической принадлежности летописного основателя города Кия, тем самым констатировал «славянское происхождение Киева, к основанию которого не имеют отношения ни сарматы, ни готы, ни гунны, ни норманны» [17, с. 12]. Ученый вслед за Б.А. Рыбаковым признал княжеский титул Кия, соглашаясь с аргументацией Нестора, и время деятельности летописного князя определил, как и предшественник, первой половиной VI в. В то же время он предложил собственную датировку возведения древнейших укреплений на Старокиевской горе – не по лепной керамике, которая позволила отнести обнаруженный ров максимум к VII-VIII вв., а по датировке «ведущего инвентаря, т.е. фибул, браслетов, монет, которые укладываются в рамки VI-VII вв.» [17, с. 15]. Подкрепляя эти в некоторой степени умозрительные выводы, ученый сослался на «исследования последних лет» (авторы их не указаны, за исключением В.К. Гончарова, обнаружившим древнюю глинобитную печь в одном из раскопов), согласно которым на Старокиевской горе выявили «не просто отдельные материалы VI-VII вв., но целые комплексы: жилища с печами, хозяйственные сооружения, ямы», а также керамических древностей, «нижний хронологический рубеж которых уходит в

конец V в.» [17, с. 15]. Все это вместе, по мнению П.П. Толочко, стало подтверждением «реальности летописного рассказа о сооружении киевского городища Кием» и показало, что «наиболее вероятной датой этого события может быть VI в.» [17, с. 16]. Таким образом, в новом издании своей монографии историк значительно конкретнее сформулировал прежние взгляды о ранней истории Киева, в большей степени примилив их с концептуальными идеями Б.А. Рыбакова, расширил доказательную базу.

В то же время П.П. Толочко подверг решительной критике идеи тех, кто пытался доказать непрерывную двухтысячелетнюю историю города – В.П. Петрова и И.М. Самойловского, а также ряда других историков, стремившихся удревить историю Киева на более солидный срок. Ученый усомнился в правомерности вывода начала Киева от поселений зарубинецкой и черняховской культур, объясняя это тем, что «нет никаких оснований утверждать, что, во-первых, эти поселения существовали непрерывно, вплоть до времен Киевской Руси (а только при таком условии тезис о зарубинецких корнях Киева имел бы смысл), а во-вторых, что они отражают тот уровень социально-экономического развития славянских племен, при котором зарождались города» [17, с. 17]. В этой части выводы авторы выглядят убедительными и обоснованными. Не менее любопытно и то, что, признав возникновение Киева на рубеже V-VI вв., П.П. Толочко обозначил и те вопросы, которые продолжали волновать исследователя: «С какого времени начинать историю города, если на территории, которую он занимает, люди жили с глубокой древности? Какие ранние поселения считать догородскими, какие протогородскими, а какие собственно городом? Что такое город – торгово-ремесленное поселение, административно-политический и культурный центр или же укрепленный замок?.. А если на первых порах он

обладает лишь какой-нибудь одной функцией, имеем ли мы право причислить его к категории городских поселений?» [17, с. 19]. Подобные размышления автора показывают все же высокую степень ответственности, которую он, вероятно, ощущал определяя начало отсчета истории одного из важнейших городских центров Древнерусского государства. Предвидя возможные критические замечания, историк признал, что изначальный Киев «не соответствует известному определению города как социально-экономической категории, поскольку в Киеве VI-VII вв. не обнаружены следы ремесленной и очень слабы следы торговой деятельности», однако и считать его обычным сельским поселением, зная, что в нем «проживали князья или вожди с воинами-дружиниками, вряд ли возможно» [17, с. 20].

В этой же книге П.П. Толочко определил местом изначального поселения на территории будущего Киева не Старокиевскую, а Замковую гору, но укрепления «града Кия» оказались возведены именно на первой горе. Также историк локализовал предполагаемые поселения Щека и Хорива на горе Щекавице и Лысой горой. Признав «град Кия» политико-административным центром, историк полагал, что ему были присущи и серьезные религиозные функции, что подтверждается фундаментом древнего «языческого храма», обнаруженного на территории предполагаемого городища. Отметим ученый и факторы, определившие зарождение поселения именно в этом месте: благоприятные микрогеографические условия киевской территории, положение на этнографическом порубежье и расположение почти посередине важнейшего днепровского пути. Вместе с тем были

скорректированы представления П.П. Толочко о Подоле, хронология которого удревнилась после раскопок 1971 г., охватив период с конца IX в., а также стали очевидны торгово-ремесленные черты этой части города уже в указанный период [17, с. 41-46]. Таким образом, новое издание труда ученого качественно отличалось от предшествующего, но не отменяло прежние ключевых выводов автора.

Вышедшая книга не ознаменовала завершение разработки темы древнего Киева в творчестве П.П. Толочко, ежегодно им создавались новые и новые статьи, отражавшие активные археологические исследования города¹. Накопление обширнейшего материала по древней истории города на фоне многочисленных торжеств по случаям празднования юбилейных дат многими древними городами Советского Союза подтолкнуло политическое руководство Украинской ССР к принятию решения определить 1500-летие Киева на 1982 г. Событие неизбежно ознаменовало выход новых научно-популярных книг и статей, доказывавших обоснованность официально утвержденной хронологической вехи. Главной фигурой, выражавшей мнение советской археологической науки, по-прежнему, оставался Б.А. Рыбаков, который дополнил ранее высказанные соображения вновь открывшимися археологическими данными, многие из которых уже были опубликованы П.П. Толочко. В частности, ученый, как и его украинский коллега, указал «многочисленные» находки римских и византийских монет, а также кладов на месте древнего Киева и прилегавшей к нему округи [12, с. 95-98]. Предположил он и неизбежность наличия на территории древнерусского города Киева каких-

¹ См.: Толочко П.П. Першопочатки Києва // Наука і культура. Україна. – Київ, 1977; Толочко П.П. Нове у вивченні Києва // Археологія. – 1978. – Вип. 26; Толочко П.П. Из работ Киевской экспедиции // Археологические открытия 1977 г. – М., 1978; Толочко П.П. Язичницьке капище в «городі» Володимира // Археологія Києва. – Київ, 1979 / Співавт.: Я.С. Боровський; Толочко П.П. Стародавній Київ // Київ. – Київ, 1979; Толочко П.П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII-XIII вв. – Киев, 1980; Толочко П.П. Массовая городская застройка древнего Киева X-XIII вв. // Тез. докл. сов. делегации на IV Междунар. конгр. славянской археологии. София, 1980 г. – М., 1980 и др.

либо более древних укрепленных, считая факт их существования «очевидным», т.к. «крепость близ устья Десны на днепровских высотах была исторически необходима» [12, с. 97, 99]. Б.А. Рыбаков попытался локализовать изначальное поселение Кия на местности и, проанализировав скудные летописные строки, пришел к выводу, как и П.П. Толочко ранее, что находилось оно на Замковой горе. Автор даже подкрепил свой вывод цитатой из работы П.П. Толочко, в которой последний острожно писал: «Как показывают материалы, местом древнейшего поселения была Замковая гора... Не исключено, что именно она являлась тем древнейшим городским ядром-плацдармом, из которого произошло заселения окружающих возвышенностей» [17, с. 21]. И все же Б.А. Рыбаков не уверен, что рассматриваемое поселение было укрепленным, в отличие от возникшего позднее на Андреевской горе «града» Кия, который и стал той крепостью, с которой начался древний Киев. В этом вопросе выводы двух ученых схожи, с той лишь разницей, что Б.А. Рыбаков полагал, что первое укрепленное поселение возникло на Андреевской горе, а П.П. Толочко указывал в качестве места его локализации – Старокиевскую гору. Вероятно, противоречия здесь нет, если допустить топографическую неточность автора, т.к. в другой, более ранней, статье Б.А. Рыбаков оговорил, что «Андреевская» и «Старокиевская» являлись названиями одной горы [11], в то время как для ученого-киевлянина эти топонимы не равнозначны.

В тот же год П.П. Толочко готовит статью о Киеве для коллективного труда об истории украинских городов и сел. В ней он повторил ключевые выводы, представленные в книге 1976 г., уточнив лишь уровень развития Киева как города в марксистском его понимании: «Будучи важным административно-политическим центром Полянского союза племен, Киев в конце V-VII вв. находился на “племенном” этапе

развития», т.е. являлся предгородским образованием, именуемым «градом» [18, с. 17]. Более подробно авторское видение ранней истории города оказалась представлено в переизданной в следующем году книге «Древний Киев» [19]. Новое издание более чем на сто страниц превосходило предшествующее (335 вместо 207 страниц), а с учетом увеличения формата книги и плотности шрифта приращение содержательного материала выглядит еще более заметным. Впрочем, ключевые выводы историка о раннем Киеве вновь не изменились, при том, что он более полно дал не только отечественную, но и зарубежную историографию вопроса, подробнее рассмотрел и дополнил источниковую базу, особой темой выделил развитие древнего Киева как административно-политического центра полян. Таким образом происходило укрепление и насыщение фактами той теоретической конструкции, которую ученый выдвинул ранее. В очень сжатом виде эти же выводы были представлены и в обобщающей монографии ученого о древнерусском феодальном городе [20, с. 20-21]. Таким образом, к концу 1980-х годов у историка сложилась цельная картина раннего периода существования киевского поселения, которая разделялась и одобрялась ведущими представителями советской исторической науки.

Ситуация изменилась после распада Советского Союза и появления нового государства Украина. Снятие идеологических ограничений, с одной стороны, способствовало идейному раскрепощению ученых, часть из которых попыталась переосмыслить наследие советской науки, с другой стороны, возможность высказывать личные суждения на широкую аудиторию получили те, кто профессиональными историками не являлись, но под влиянием различных личных убеждений и конъюнктурных выгод вновь обратились к вопросу хронологии древнего Киева. Также стали доступны труды иностранных ученых, некоторые из которых

являлись бывшими эмигрантами. Их работы создавались и публиковались еще в советский период, но не были доступны широкому кругу отечественных читателей. Среди последних стоит выделить переведенную с английского на русский язык в 1997 г. книгу Н. Голба и О. Прицака «Хазарско-еврейские документы X века» (1982 г.), в которой авторы заявили иную датировку времени образования Киева. В первой части книги, принадлежавшей Н. Голбу, автор, сославшись на «Еврейскую энциклопедию» 1904 г. и труд Г. Вернадского «Древняя Русь» (1943 г.), заявил, что «в соответствии с широко распространенным взглядом, Киев был основан хазарами в VIII в.» [2, с. 36]. Второй автор, так же без какой-либо серьезной аргументации, лишь сославшись на статью В. Петрова «Про першепочатки Києва» [8], определил, что «Киев, расположенный на Днепре, был основан как город (вернее, как предполагали, серия городков) не ранее первой половины IX в.», а изначально он был «хазарским гарнизонным городом» [2, с. 66]. Отказал в полутортысячелетней истории Киеву и один из сторонников концепции «Русского каганата» К. Цукерман, полагавший на основании «масштабных археологических раскопок, в течение нескольких лет проводившихся в Киеве» (без уточнения когда, кем и с какими результатами), что «город берет начало в конце IX в., а к середине X в. он превращается в важный городской центр» [24]. Подобная датировка и определение начала киевского поселения при почти полном отсутствии аргументации не могли не породить новых споров в науке. Ряд украинских археологов поставили под сомнение прежнюю датировку киевской истории, отстаиваемую П.П. Толочко и предложили собственный взгляд на проблему. Одним из тех, кто смог выдвинуть наиболее аргументированную теорию развития Киева во второй половине I тыс. н.э. был молодой археолог А.В. Комар.

Ученый усомнился в определении «града» на Старокиевской горе городским поселением, отмечая, что оно «хотя и находится в “городищенских” топографических условиях, пока не демонстрирует черт, выделяющих его из среды обычных земледельческих поселков: здесь не обнаружены ни ремесленные, ни “дружинные” комплексы, а, следовательно, в силу подсечного характера земледелия поселение ожидал в скором времени перенос на другое место» [6, с. 120]. Тем самым автор поставил вопрос о преемственности поселения VI в. и города IX-X вв., отметив, что «все материалы конца VII – нач. VIII вв. найдены вне древнейшего городища», при этом не отрицая, что «какая-то активность на Старокиевской горе и в районе Щекавицы несомненна, но следы поселений этого времени пока, к сожалению, не обнаружены» [6, с. 120]. Автор ставит под сомнение и ряд других раннее принятых доказательств, основанных на датировке предметов из древнего рва близ стены Десятинной церкви, считая, что если городище в период VII-VIII вв. там существовало, то «могло быть только скромным городищем-убежищем» [6, 127]. Итоговый вывод автора таков: «Аргументов в пользу ранней даты сооружения укреплений древнейшего городища в нашем распоряжении пока нет – и возведение, и ремонт укреплений, скорее всего, укладывается в рамки вполне материального волынцевского слоя городища сер. VIII – нач. IX вв.» [6, с. 127]. Далее автор предположил, что во второй половине IX в. древнее городище не являлось жилой территорией, а стало сакральным местом, где расположилось «капище» Перуна, традиционно отделяемое символическим или реальным рвом. В конечном итоге хронология Киева, как представляется А.В. Комару, имела следующий «сценарий»: «Возникновение поселения VI-VII вв. на Старокиевской горе связано с населением пражской культуры... Затем последовал перерыв до конца VII – нач.

VIII вв... Затем в середине-второй половине VIII в. здесь появляются памятники волынцевской культуры... с волынцевским населением связано сооружение или, как минимум, обновление городища на Старокиевской горе, которое гибнет в первой трети IX в. в результате штурма [русами – прим. В.К.]. Во второй пол. IX в. на Замковой горе, Детинке и Кудрявце возникают поселения культуры Луки-Райковецкой, которые в X в. эволюционируют в древнерусские... С конца IX в. начинает формироваться и древнерусский курганный могильник на Старокиевской горе. В центре древнейшего городища возводится требище Перуну» [6, с. 134-135]. Таким образом, ученый оспаривает непрерывность развития Киевского поселения на протяжении полутора тысячелетнего периода. В то же время он соглашается, что возникновение топонима «Киев» действительно связано именно с пражским поселением VI в. на Старокиевской горе» [6, с. 136].

Появление альтернативных версий хронологии и развития древнего Киева отразилось и в учебной литературе для высших учебных заведений, издававшихся на рубеже тысячелетий. В одном из них, опубликованном на русском языке в Харькове, читаем: «В течение нескольких столетий Киев не являлся городом, археологи не обнаруживают здесь культурных слоев VII-VIII веков, но такова была история всех европейских городских центров: к примеру, Париж возник как городское поселение в 582 году, а до этого здешние жители 3500 лет пахали землю; Лондону две тысячи лет, но его культурные слои не толще 10,3 метра. В Украине же подобием городских поселений в VII-VIII веках были, по-видимому, Пастырское городище на реке Тясмин, Добринское на Буковине, Зимно на Волыни, Хотимля на реке Припяти, Каневское городище у Днепра» [13, с. 30]. Автор явно лавирует между старой и новой трактовками в определение ранней истории Киева,

отказывая поселению в изначально городском статусе, он пытается показать без четкой локализации на местности, что в иных формах поселение могло существовать. Об этом же свидетельствует неопределенное отношение автора учебника к летописной легенде: «Неясно, соответствует ли истине сюжет об основании Киева неким Кием, его братьями Щеком и Хоривом, сестрой Лыбидь в VI веке» [13, с. 30-31]. В другом учебном пособии, изданном уже на украинском языке в Киеве, находим верность прежней концепции ранней истории города: «Виникнення Києва губиться в глибокій давнині і оповите легендами. Археологічні пам'ятки доводять, що слов'янські племена були тут давніми мешканцями і їхні поселення можна вважати зародком міста. Поступово вони злилися в одне і започаткували місто». «У літописах наводиться легенда про трьох братів – Кия, Хорива, Щека та їхню сестру Либідь, які заснували місто і назвали його на честь старшого брата Києвом... Розквіт Києва простежується вченими з кінця V ст... Місто стало політичним, релігійним і культурним центром князівства» [1, с. 25]. Таким образом, в украинской исторической науке наметился явный раскол, споры о возникновении Киева продолжились.

П.П. Толочко не мог не участвовать в развернувшейся дискуссии, и на страницах того же издания, что и ранее А.В. Комар, разместил статью «Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная» [21]. Позже статья без изменений была включена в книгу «Ранняя Русь: история и археология», в составе которой ее и рассмотрим. Историк вновь обратился к летописному рассказу об основании Киева и дал ему следующую оценку: «Конечно, он фольклорный. И нет ему документального подтверждения. И тем не менее относиться к нему только как к мифу, что особенно характерно для современных исторических исследований, совершенно некорректно» [22, с. 10].

П.П. Толочко заметно более осторожен в выводах, уже не опирается на рассуждения Б.А. Рыбакова об исторической правдивости летописного рассказа, но в то же время не отвергает постулируемое ранее. Не отказался ученый и от утверждения, что «градок» Кия существовал уже в V-VIII вв., полагая, что это нашло подтверждение в ходе археологических раскопок на Старокиевской горе. Признавая правомочность споров о времени существования Кия (автор допускал возможность, что он жил в VI, а не в V вв., а значит и 1500-летие Киева следовало бы отмечать на сто лет позднее), П.П. Толочко повторил вывод, что был он человеком княжеского звания [22, с. 24-25].

Оставаясь верным раннее заявленным выводам, П.П. Толочко в новой книге решительно выступил с критикой теории Н. Голба и О. Прицака, особенно в вопросе предлагаемой ими хронологии. Историк отмечал, что выводы указанных авторов лишены серьезной доказательной базы, а попытка их опереться на содержания так называемого «Киевского еврейского письма», подлинность которого у П.П. Толочко вызывала сомнения, противоречит основам источниковедческого анализа, т.к. из указанного документа предлагаемая датировка не следует [22, с. 27-28]. Показал несостоятельность предлагаемой теории, ученый опирался на обширный археологический материал, который полностью подтверждает славянско-русские черты древнего Киева, исключая его хазарско-еврейское происхождение. В ходе разбора ошибочности хазарской теории, П.П. Толочко повторил прежний взгляд на историю древнего города: «Конечно, никакой центральноазиатской модели в Киеве не было. Он возникал и развивался как типичный славянский центр – сперва административно-политический, а затем торгово-ремесленный» [22, с. 35]. Подверглась критике и датировка К. Цукермана, которого ученый обвинил в вольной интерпретации археологических

материалов [22, с. 39-40].

Не оставил П.П. Толочко без ответа и выводы А.В. Комара, определив «его наблюдения о перерывах в заселенности древнейшего киевского ядра», как находящиеся «за пределами научного знания». Ученый заявлял, что «их совершенно нечем доказать», а дальше пояснял, что «активная жизнедеятельность в древнерусское и последующее время практически уничтожила древнейшие культурные слои», «утверждения названного автора, что сооруженные или обновленные в волинцевское время укрепления на Старокиевской горе “гибнут в первой трети IX в. в результате штурма”, и вовсе невозможно комментировать из-за очевидной надуманности. Ни в письменных, ни в археологических материалах они не находят подтверждения» [22, с. 167]. П.П. Толочко убежден, что если исходить из наличествующих археологических артефактов, то «придется признать непрерывность развития жизни на Замковой и Старокиевской горах от VI-VII вв. до летописного Киева», «новый этап исследований не привнес качественно иных источников», позволивших бы пересмотреть раннюю хронологию Киева [22, с. 167]. Поставил он под сомнение и идею о функционировании на месте древнего городища обособленного от основного поселения языческого капища, отметив, что «даже если бы на его территории не было обнаружены реальные следы заселенности в VI-VIII вв, в пользу этого свидетельствовали бы остатки мощных укреплений, совершенно немыслимые и ненужные, если бы на всем двухгектарном плато Старокиевской горы функционировал только один языческий храм» [22, с. 168]. Не менее критично отнесся П.П. Толочко к попыткам новейших исследований пересмотреть историческую топографию древнего Киева, признав их необоснованными, неубедительными и часто надуманными: «Они скорее затуманили ее своими разноречивыми предположениями, не

основывающимися на археологических и письменных источниках» [22, с. 200].

Основные выводы о ранней истории Киева, П.П. Толочко повторил с незначительными уточнениями и дополнениями спустя десять лет в одном из своих последних научных трудов. В нем автор расширил научную полемику с современными исследователями, включив в список оппонентов и представителей российской науки. В частности, историк оспаривал вывод В.Я. Петрухина, утверждавшего, что сюжет об основании города тремя братьями заимствован летописцем из Библии. Опровергая заявленное предположение, украинский историк указал на серьезные несовпадения двух указанных текстов. Не осталась вне поля зрения исследователя «История Украины» И.Н. Данилевского [4], в которой, по мнению П.П. Толочко, автор заявил, что «все летописные свидетельства до времен Ярослава Мудрого являются легендами и преданиями», т.е. среди прочего и летописный рассказ об основании Киева, с чем украинский ученый не согласился [23, с. 193]. И хотя далее он признал, что проводя параллели между летописными текстами и иными сочинениями более раннего времени, И.Н. Данилевский «не везде настаивает на том, что использование летописцами иностранных литературных образов при описании событий русской истории ставит под сомнение их реальность», но «весь пафос его изложения говорит именно об этом» [23, с. 194]. Такой подход был неприемлем для П.П. Толочко, поэтому он напомнил о том, что несмотря на фольклорный характер рассказа о Кие и его братьях, некорректно «относиться к нему только как к мифу», после чего вновь изложил ранее уже представленные рассуждения о наличии основания для доверия летописцу [23, с. 195].

Заключение. На протяжении почти шести десятков лет, которые П.П. Толочко посвятил изучению древнего Киева как по письменным, так и по археологическим

свидетельствам, его принципиальные выводы о времени и обстоятельствах возникновения древнего города не изменились. Из одной научной работы ученого в другую неизменно переходили его представления о возникновении древнейшего киевского поселения на Замковой и Старокиевской горах в VI в. (в ранних работах эта нижняя хронологическая грань смещалась до рубежа V-VI вв.), о признании Кия реально существовавшим полянским князем, ставшим основателем древнего укрепленного поселения, о непрерывности развития этого городища вплоть до приобретения им собственно городских черт с полным набором административно-политического, экономического, культурного функционала, который складывается преимущественно к IX-X вв. Исчезновение советской и появление украинской исторических наук не изменило научную концепцию историка, он не только не стал подвергать ревизионизму собственные ранние выводы, но и активно вступал в полемику как с украинскими, так и зарубежными исследователями, предлагавшими иные точки зрения на историю древнего города. Автор, хотя порой и излишне эмоционально, но в целом аргументировано, подвергал сомнениям возникавшие альтернативные теории, неоднократно призывал молодых коллег к более глубокой работе с источниками, порицал излишнюю склонность к выстраиванию необоснованных гипотез и выдвигению в качестве таковых откровенных фантазий, опиравшихся не столько на источниковую доказательную базу, сколько на личные желания того или иного автора. И несмотря на то, что в современной и украинской, и российской исторических науках есть серьезные вопросы к концепции развития древнего Киева, предложенной П.П. Толочко, отвергнуть ее полностью не удастся, а значит она действительно стала историографическим фактом, заслуживающим внимания.

Список литературы

1. Білоцерківський В.Я. Історія України: Навчальний посібник. Київ: Центр учбової літератури, 2007. 536 с.
2. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Москва-Иерусалим: Гешарим, 1997. 239 с.
3. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 568 с.
4. Данилевский И.Н., Таирова-Яковлева Т.Г., Шубин А.В., Мироненко В.И. История Украины. СПб.: Алетейя, 2015. 290 с.
5. Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1958. 579 с.
6. Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. 2005. Т. IV. С. 115-137.
7. П.П. Толочко – дослідник старожитностей Русі-України // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник) / Під ред. О.П. Моця. Київ, 1998. С. 5-8.
8. Петров В. Про першепочатки Києва // Український історичний журнал. 1962. №4. С. 14-21.
9. Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Издательство академии наук СССР, 1963. 361 с.
10. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. 240 с.
11. Рыбаков Б.А. Город Кия // Вопросы истории. 1980. №5. С. 31-47.
12. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
13. Семененко В.И. Радченко Л.А. История Украины с древнейших времен до наших дней. Изд. 3-е. Харьков: Торсинг, 2002. 480с.
14. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1956. 478 с.
15. Толочко П.П. Історична топографія стародавнього Києва. Київ, 1970. 291 с.
16. Толочко П.П. Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1970. 81с.
17. Толочко П.П. Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1976. 206 с.
18. Толочко П.П. Киев//История городов и сел Украинской ССР/ Под. ред. П.Т. Тронько. Киев, 1982. С. 11-39.
19. Толочко П.П. Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1983. 327 с.
20. Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев: Наукова думка, 1989. 254 с.
21. Толочко П.П. Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная *Ruthenica*. 2009. Т. VIII. С. 151-183.
22. Толочко П.П. Ранняя Русь: история и археология. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2013. 209 с.
23. Толочко П.П. Откуда пошла Русская земля. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. 272 с.
24. Цукерман К. Два етапа формування древнерусского государства // Археологія. – 2003. - №1. [Електронний ресурс] // URL: https://web.archive.org/web/20220330031433mp_/http://iananu.kiev.ua/archaeology/2003-1/zukerman.htm#_ftn1 (дата обращения: 9.11.2024).

THE QUESTION OF THE CHRONOLOGY OF ANCIENT KYIV IN SCIENTIFIC HERITAGE ACADEMICIAN P.P. TOLOCHKO

The article is devoted to one of the topics in the multifaceted and extensive scientific heritage of academician P.P. Tolochko - the chronology of the city of Kyiv in the earliest period of its existence, to which the scientist has highlighted several dozen books and articles published over the past sixty years. The personality of the historian,

who has long been recognized as the leader of Ukrainian archaeological science and the significance of the topic that captured the minds of many generations of historians, starting with Nestor, determined the need to consider it more fully within the framework of a separate study. The work does not set the task of covering absolutely all the author's publications on this topic, attention will be focused only on his most significant monographs, the analysis of which will allow us to trace the evolution of the scientist's views throughout the entire scientific work: from the very first works on the historical topography of ancient Kyiv to generalizing works published in the last years of life. The historian's conceptual conclusions were considered in the context of the ideas of his fellow contemporaries, their mutual influence was revealed, as well as those provisions that gave rise to sharp disputes and discussions both in the Soviet and Ukrainian periods of the scientist's work.

Keywords: historiography, P.P. Tolochko, B.A. Rybakov, Kyiv, Starokievskaya Gora, the legend of Kie

References

1. Bilocerktivs`kij V.Ya.(2007) Istoriya Ukraïni: Navchal`nij posibnik. [History of Ukraine: Textbook]. Kiïv: Centr uchbovoi literaturi, 536 s.
2. Golb N., Priczak O. (1997) Xazarsko-evrejskie dokumenty` X veka. [Khazar-Jewish documents of the 10th century]. Moskva-Ierusalim: Gesharim. 239 s.
3. Grekov B.D. (1953) Kievskaya Rus`. [Kievan Rus]. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo politicheskoy literatury`. 568 s.
4. Danilevskij I.N., Tairova-Yakovleva T.G., Shubin A.V., Mironenko V.I. (2015) Istoriya Ukrainy`. [History of Ukraine]. SPb.: Aletejya. 290 s.
5. Karger M.K. (1958) Drevnij Kiev. [Ancient Kyiv]. T. 1. M.-L.: Izdatel`stvo akademii nauk SSSR. 579 s.
6. Komar A.V. (2005) K diskussii o proisxozhdenii i rannix fazax istorii Kieva [To the discussion about the origin and early phases of the history of Kyiv]. // Ruthenisa. T. IV. S. 115-137.
7. P.P. Tolochko – doslidnik starozhitnostej Rusi-Ukraïni [P.P. Tolochko - researcher of the antiquities of Rus-Ukraine] // Istoriya Rusi-Ukraïni (istoriko-arxeologichnij zbirnik) [History of Rus-Ukraine (historical and archaeological collection)]/ Pid red. O.P. Moczya (1998). Kiïv. S. 5-8.
8. Petrov V. (1962) Pro pershepochatki Kieva [On the Firsts of Kyiv] // Ukraïns`kij istorichnij zhurnal. №4. S. 14-21.
9. Ry`bakov B.A. (1963) Drevnyaya Rus`. Skazaniya. By`liny`. Letopisi. [Ancient Russia. Legends. Epics. Annals]. M.: Izdatel`stvo akademii nauk SSSR. 361 s.
10. Ry`bakov B.A. (1964) Pervy`e veka russkoj istorii. [The first centuries of Russian history]. M.: Nauka. 240 s.
11. Ry`bakov B.A. (1980) Gorod Kiya [City of Kiya] // Voprosy` istorii. №5. S. 31-47.
12. Ry`bakov B.A. (1982) Kievskaya Rus` i russkie knyazhestva. XII-XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities. XII-XIII centuries]. M.: Nauka. 590 s.
13. Semenenko V.I. Radchenko L.A. (2002) Istoriya Ukrainy` s drevnejshix vremen do nashix dnei. [History of Ukraine from ancient times to the present day]. Izd. 3-e. Xar`kov: Torsing. 480s.
14. Tixomirov M.N. (1956) Drevnerusskie goroda. [Old Russian cities]. M.: Gospolitizdat. 478 s.
15. Tolochko P.P. (1970) Istorichna topografiya starodavn`ogo Kieva. [Historical topography of ancient Kyiv]. Kiïv. 291 s.
16. Tolochko P.P. (1970) Drevnij Kiev. [Ancient Kyiv]. Kiev: Naukova dumka. 81s.
17. Tolochko P.P. (1976) Drevnij Kiev. [Ancient Kyiv]. Kiev: Naukova dumka. 206 s.
18. Tolochko P.P. (1982) Kiev [Kyiv]. //Istoriya gorodov i sel Ukrainskoj SSR [History of cities and villages of the Ukrainian SSR] / Pod. red. P.T. Tron`ko. Kiev. S. 11-39.
19. Tolochko P.P. (1983) Drevnij Kiev. [Ancient Kyiv]. Kiev: Naukova dumka. 327 s.

20. Tolochko P.P. (1989) *Drevnerusskij feodal'nyj gorod*. [Old Russian feudal city]. Kiev: Naukova dumka. 254 s.
21. Tolochko P.P. (2009) *Istoricheskaya topografiya rannego Kieva: real'naya i vy'my'shlennaya* [Historical topography of early Kyiv: real and fictional] // *Ruthenica*. T. VIII. S. 151-183.
22. Tolochko P.P. (2013) *Rannaya Rus': istoriya i arxeologiya*. [Early Russia: history and archeology]. SPb.: Russko-Baltiyskij informacionnyj centr «BLICz». 209 s.
23. Tolochko P.P. (2023) *Otkuda poshla Russkaya zemlya*. [Where did the Russian land come from]. M.: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenicyna, 272 s.
24. Czukerman K. (2003) *Dva etapa formirovaniya drevnerusskogo gosudarstva* [Two stages of the formation of the Old Russian state] // *Arxeologiya*. №1. // URL: https://web.archive.org/web/20220330031433mp_/http://iananu.kiev.ua/archaeology/2003-1/zukerman.htm#_ftn1 (accessed: 9.11.2024).

Об авторе

Ковеля Валерий Валерьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: kovelya@yandex.ru

Kovelya Valery Valerievich – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: kovelya@yandex.ru

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН, Москва (Россия)

ШУМЯЩИЕ ПОДВЕСКИ БАЛТОВ, САРМАТ И ГЕРМАНЦЕВ

Проведённый в представленной статье обзор шумящих подвесок в восточной части нашего континента, позволяет сделать следующие выводы: 1. Основное количество шумящих подвесок, изготовлявшихся из бронзовых пластин, приходится на финно-угорские племена эпохи раннего средневековья. Сходные по виду шумящие подвески из Мазурского Поозерья попали к носителям традиций мазурской культурной группы, скорее всего, из финно-угорского племенного ареала. Подковообразные литые шумящие поясные подвески попали на Мазуры из ареала германских племён. 2. Кольчатые подвески, соединённые между собой в составе погребений и кладов носителей культуры западнобалтских курганов эпохи поздней бронзы и раннего железного века, именуются «шумящими» условно. Такие конструкции из колец создавались, возможно, для их компактного размещения в могильных ямах и в составе кладов. 3. Возможно, спиральное кольцо из погр. До-147 также соединено с фибулой для компактности. Ранние случаи совмещения кольцевидных украшений с лучковыми и прочими фибулами в сарматском Крыму, имели, скорее всего, сугубо декоративный характер. 4. Шумящие кольцевидные подвески в Скандинавии эпохи викингов имеют несомненно культовое значение, связанное с шаманскими ритуалами культа Одина. находка бича с такой подвеской на могильнике K1. Каур (Самбия) явно связана со скандинавским культурно-этническим импульсом.

Ключевые слова: Крым, Скандинавия, юго-восточная Балтия, украшения.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-77-82

В восточноевропейской археологии существует традиционное мнение о том, что шумящие подвески, имевшие, возможно, культовый характер, использовались преимущественно финно-угорскими племенами эпохи раннего средневековья. Например, для женского убора ранне-средневековой мери характерны трёхспиральные шумящие подвески с ушком, восходящие к позднедьяковской традиции [1, с. 78]. В женских украшениях финно-угров встречались также пластинчатые подвески трапециевидной формы и в виде утиных лапок. Археологи именуют эти подвески «шумящими» из-за того, что при движении их хозяйки подвески, сделанные, как правило, из бронзы, издают тихий звон, соприкасаясь друг с другом.

Подвески различных форм, в том числе – трапециевидных, изготавливавшиеся из бронзовых пластин, известны в археологическом материале VII в. н.э. могильников западной части Мазурского Поозерья. По несколько таких подвесок представлены в основном в ожерельях,

реже – в виде подвесок к поясу или же к фибулам. Некоторые типы подвесок известны у западных балтов различных племён вплоть до XII в. [3, с. 169].

Если относительно раннесредневековых мазурских подвесок можно подозревать их германское (поясные подковообразные подвески) и финно-угорское (трапециевидные и прочие подвески) происхождение, то подвески в виде множественных колец (часто - с несомкнутыми концами) явно автохтонные. Самые ранние из них датируются на Самбии и в её округе эпохой поздней бронзы (рис. 1,1). Кольцевидные подвески этого времени таковыми поименованы формально, так как, встреченные в погребениях и, реже, в кладах, они скреплены лишь между собой и не присоединены к деталям женского убора (рис. 2,г). В эпоху Великого переселения народов на Самбии известна фибула из могильника Dollkeim/Коврово (погр. До-147), на дужку которой повешен бронзовый спиральный перстень (рис. 3,1). Таким же образом перстни,

серьги, детские (?) браслеты (в одном случае – даже гривна) и височные кольца (?) крепились к иглам (**рис. 4**) в сарматских погребениях предгорного Крыма с сер. I в. н.э. по вторую пол III в. н.э. [2, с. 305, 306]. Таким образом находка на могильнике Dollkeim/Коврово является более поздней относительно сарматского обычая снабжения деталей фибул кольчатыми украшениями. Довольно спорная возможность появления такого сарматского обычая в Балтии (как и сам смысл привешивания колец к фибулам в составе погребального инвентаря) требует дальнейшего изучения.

Если западнобалтские кольца крепились друг к другу, скорее всего, для компактного их размещения в погребениях и в составе кладов (**рис. 5, 1-3**), то скандинавские кольцевидные подвески с полным правом можно назвать шумящими (**рис. 5, 4,5**). В частности, такие подвески на «погремушках» и на кнутовищах имели, скорее всего, культовое назначение и применялись при обрядах жертвоприношений крупного рогатого скота [5, с. 126, 127].

Проведённый в данной статье краткий обзор шумящих подвесок в древностях восточной части нашего континента, позволяет сделать следующие выводы:

1. Основное количество шумящих подвесок, изготовлявшихся из бронзовых пластин, приходится на финно-угорские племена эпохи раннего средневековья. Сходные по виду шумящие подвески из Мазурского Поозерья попали к носителям традиций мазурской культурной группы,

скорее всего, из финно-угорского племенного ареала. Контакты этих народов на пороге средневековья читаются на археологическом материале [6, с. 112]. Традиция поясных подвесок попала на Мазуры из ареала германских племён.

2. Кольчатые подвески, соединённые между собой в количестве нескольких экземпляров в составе погребений и кладов носителей культуры западнобалтских курганов эпохи поздней бронзы и раннего железного века, именуются «шумящими» условно. Такие конструкции из колец создавались, возможно, для их компактного размещения в могильных ямах и в составе кладов.

3. Возможно, спиральное кольцо из погр. До-147 также соединено с фибулой для компактности. Ранние случаи совмещения кольцевидных украшений с лучковыми и прочими фибулами в сарматском Крыму, имели декоративный характер. Обращает на себя внимание использование и балтами, и сарматами исключительно кольцевидных предметов для создания из них разнообразных конструкций. Этот феномен может иметь и утилитарное значение, и обладать неким культовым смыслом.

4. Шумящие кольцевидные подвески в Скандинавии эпохи викингов имеют несомненно культовое значение, связанное с шаманскими ритуалами культа Одина. Находка бича с такой подвеской на могильнике K1. Каур (Самбия) связана со скандинавским культурно-этническим импульсом [5, с. 125].

Список литературы

- 1 Голубева Л.А.. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР, М.: «Наука», 1987 - С. 67-81.
2. Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. Фибулы в костюме населения сарматского времени предгорного Крыма и Альфельда // Друзей медлительный уход... Памяти Олега Шарова, Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2022 - С. 295-321.
3. Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V - начала VIII вв. /по материалам раскопок 1878-1938 гг./ // Barbaricum-1989. Warszawa: Institut archeologii Uniwersitetu Warszawskiego, 1989 - С. 148-273.
4. Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г., Минск: Институт

истории НАН Беларуси, 2004 - 135 С.

5. Кулаков В.И. Железное кнутовище из могильника Kleine Kaup и роль статусных бичей в восточноевропейских древностях X-XI вв. // *Archaeologia Lituanica*. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, t. 13. 2012 - С. 117-127.

6. Кулаков В.И. Восточный путь западных балтов эпохи Меровингов // В.И. Кулаков, А.П. Гаврилов, А.С. Семенов. *Предыстория Руси V-X век*. СПб.: Алетейя, 2024 - С. 108-114.

7. Петерсен Я. *Норвежские мечи эпохи викингов*, СПб: Альфарет, 2005 - 331 С.

8. Gaerte W. *Urgeschichte Ostpreussen*, Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929 - 406 S.

9. Okulicz J. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e.*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum, 1973 - 588 S.

Подписи к рисункам к статье В.И. Кулакова «Шумящие подвески балтов, сармат и германцев»:

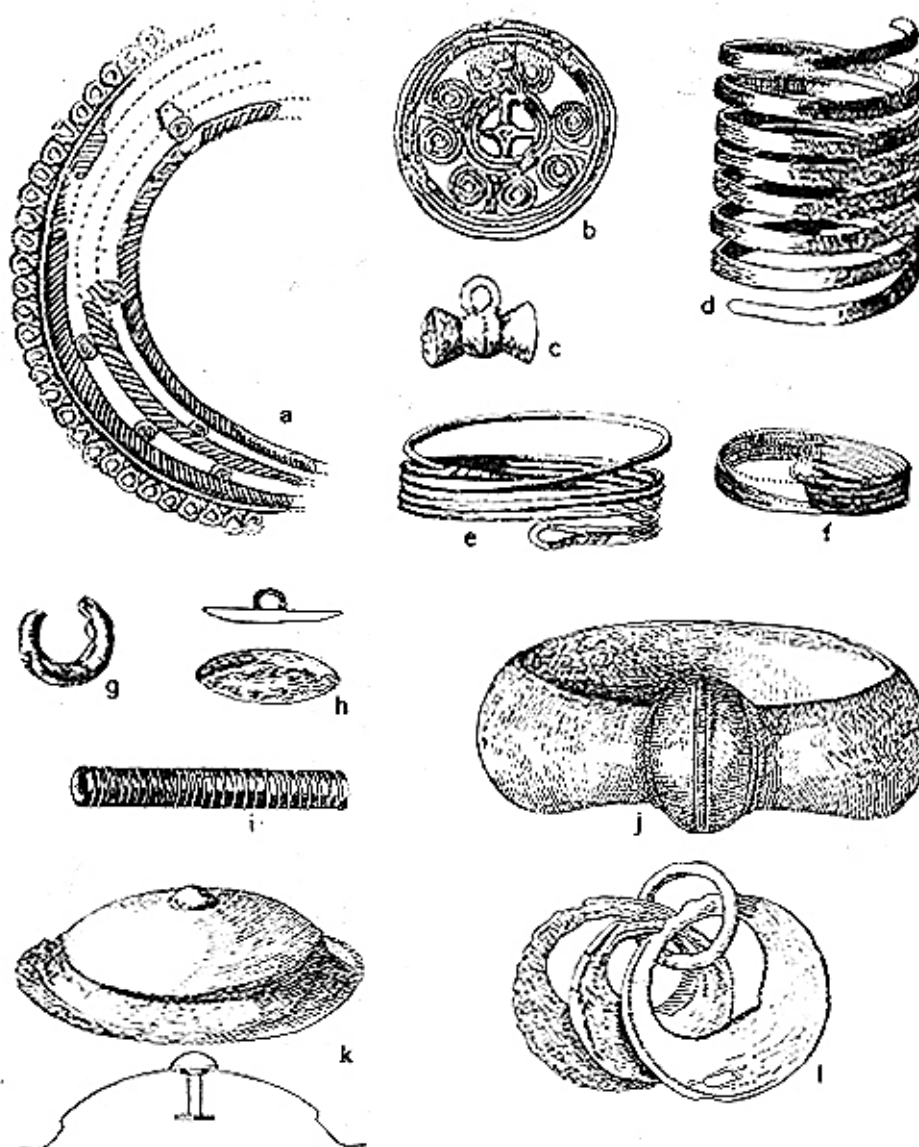

Рис. 1. Инвентарь клада в Kl.Drebnau/Зелёный Гай (Зеленоградский р-н), V этап эпохи бронзы [9, рис. 79].

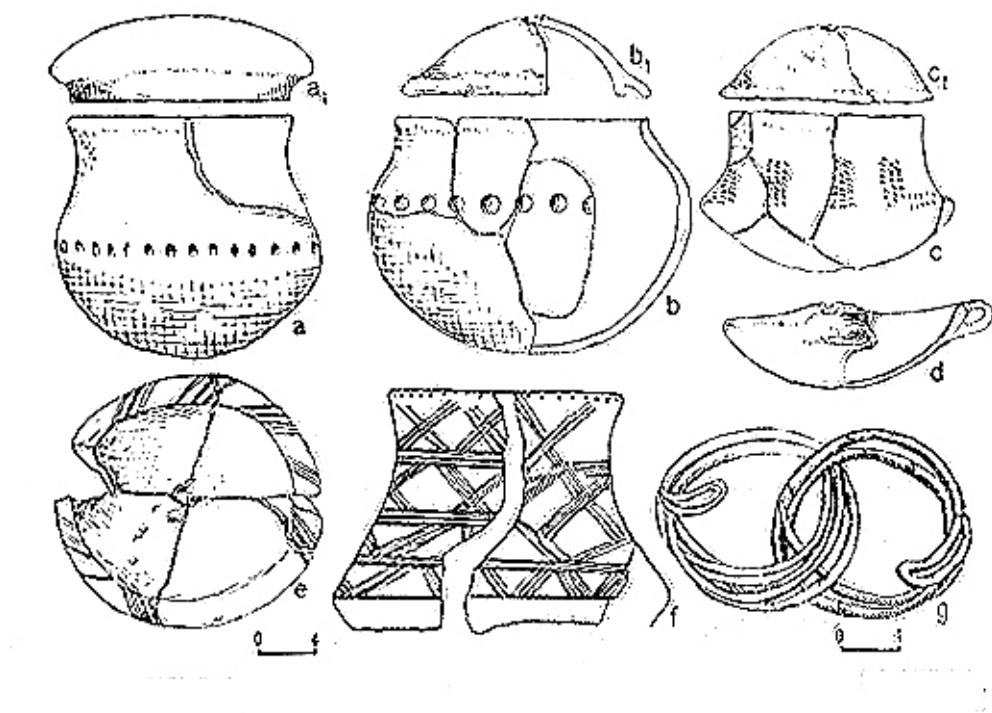

Рис. 2. Инвентарь кург. VI могильника Łączyno Stare, woj. mazowieckie Polski [9, рис. 120].

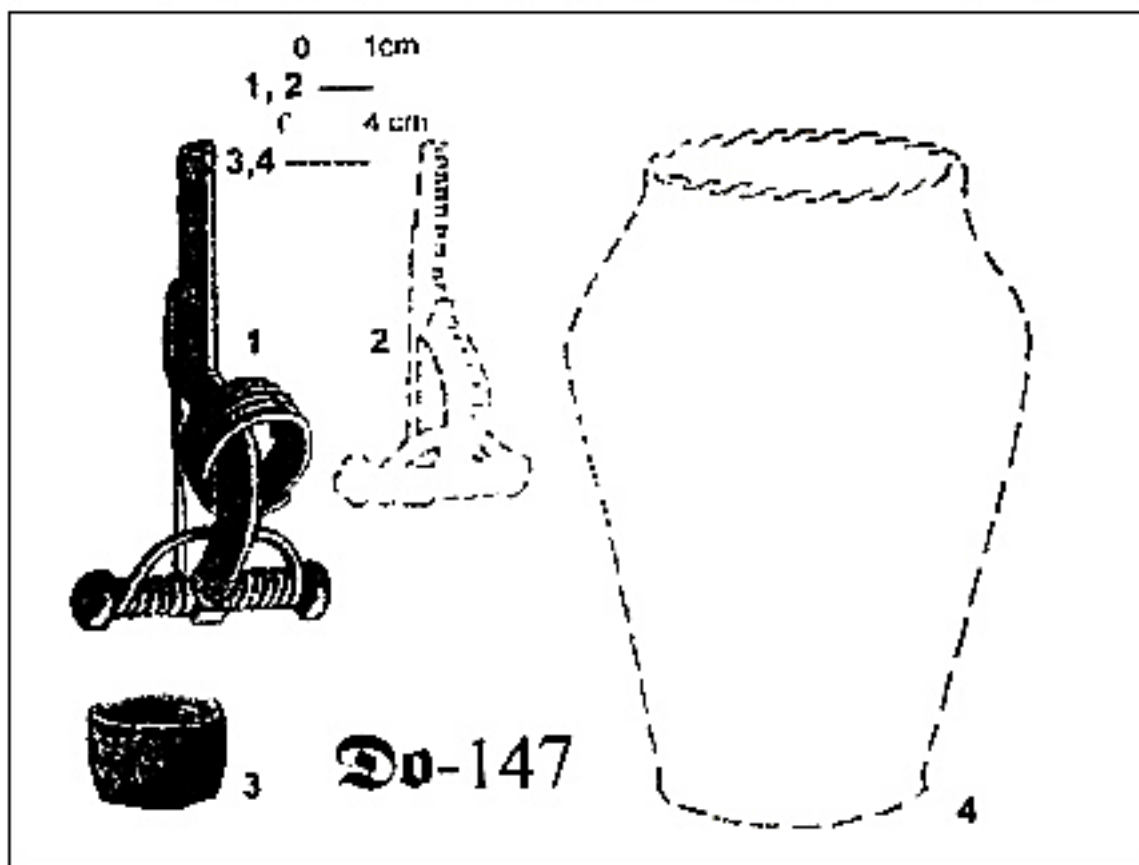

Рис. 3. Инвентарь погр. Do-147 грунтового могильника Dollkeim/Коврово (Зеленоградский р-н) [4, рис. 56].

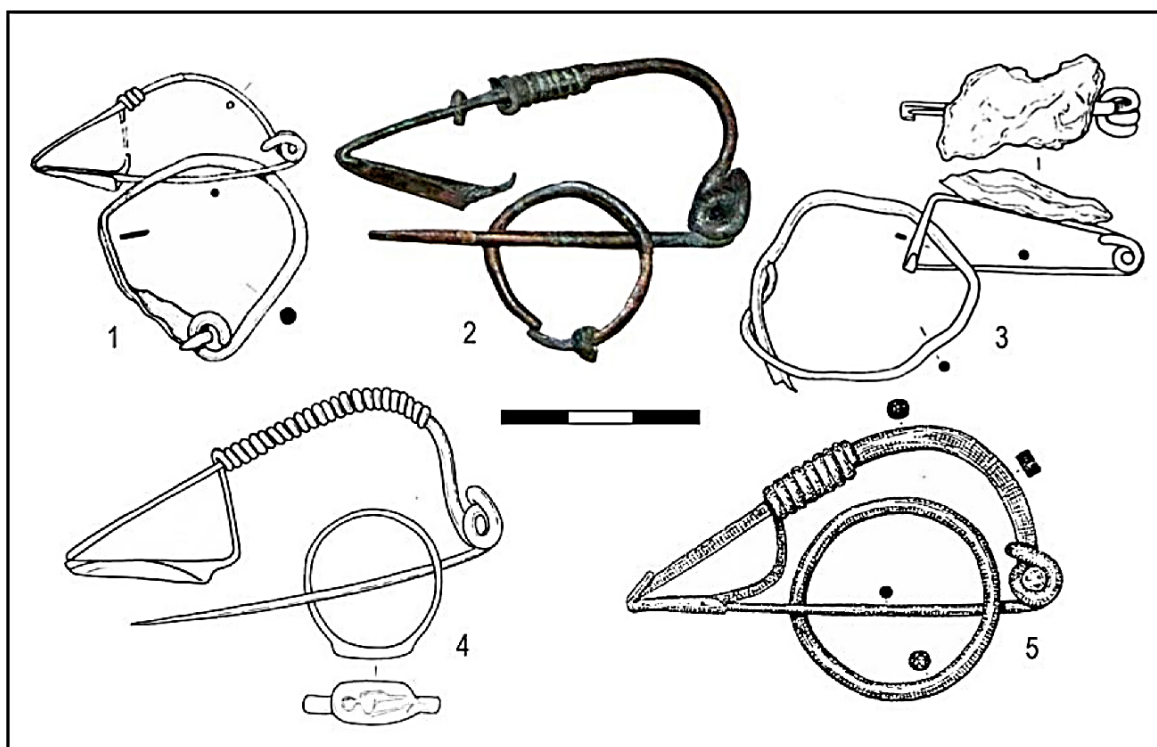

Рис. 4. Фибулы с надетыми на их иглы кольцами из Крыма: 1-4 – могильник Нейзац (1 – погр. 90, 2 – погр. 87, 3 – погр. 92, 4 – погр. 170), 5 – погр. 24 могильника Дружное [2, рис. 5].

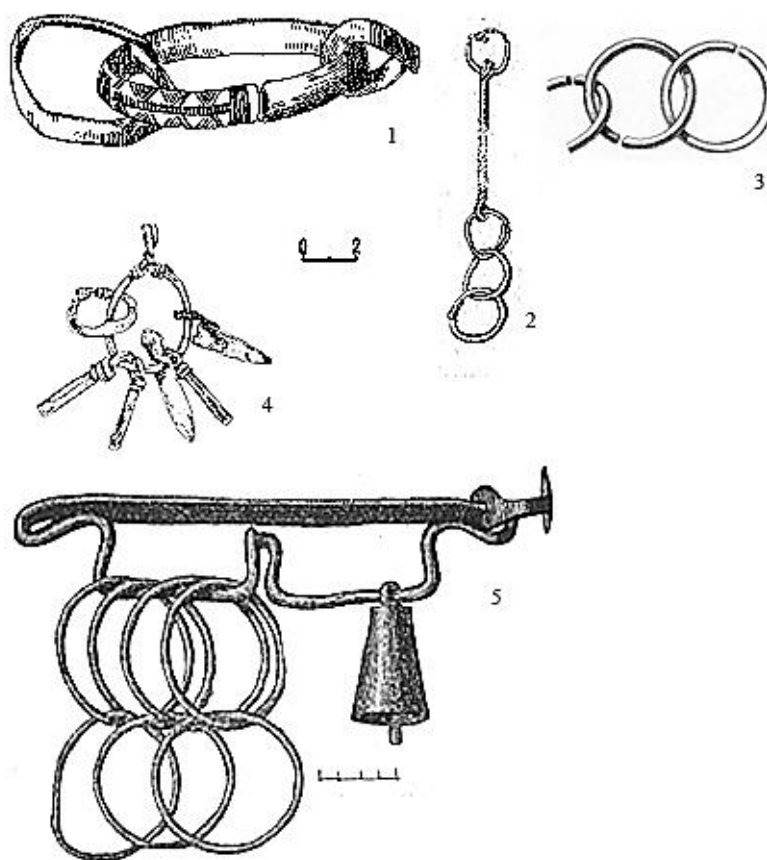

Рис. 5. Шумящие кольца-подвески балтов и скандинавов: 1 – Plössen/Pleśno, woj. mazursko-warمیńskie Polski, 2 – Łazne, mazursko-warمیńskie Polski, 3 – из клада в Bertenstein/Bartoszyce, woj. mazursko-warمیńskie Polski, 4 – Sverige, 5 – Rattle, Telemark, Sverige (1 - 9, рис. 116; 2 - 8, рис. 162; 3 - 8, Abb. 71,f ; 4 - 7, с. 47; 5 - 7, рис. 49).

NOISY PENDANTS OF THE BALTS, SARMATIANS, AND GERMANS

The review of noisy pendants in the eastern part of our continent conducted in the presented article allows us to draw the following conclusions: 1. The majority of noisy pendants made of bronze plates belong to the Finno-Ugric tribes of the early Middle Ages. Similar in appearance noisy pendants from the Masurian Lake District came to the bearers of the traditions of the Masurian cultural group, most likely from the Finno-Ugric tribal area. Horseshoe-shaped cast noisy belt pendants came to Masuria from the area of the Germanic tribes. 2. Ringed pendants, connected to each other as part of burials and hoards of the bearers of the West Baltic kurgans culture of the Late Bronze Age and Early Iron Age, are called "noisy" conditionally. Such ring structures were created, possibly, for their compact placement in burial pits and as part of hoards. 3. Possibly, the spiral ring from burial Do-147 is also connected to the fibula for compactness. Early cases of combining ring-shaped jewelry with bow-shaped and other fibulae in Sarmatian Crimea were most likely purely decorative. 4. Noisy ring-shaped pendants in Scandinavia of the Viking Age undoubtedly have a cult significance associated with the shamanic rituals of the cult of Odin. The discovery of a whip with such a pendant at the Kl. Kaup burial ground (Sambia) is clearly associated with the Scandinavian cultural and ethnic impulse.

Keywords: Crimea, Scandinavia, southeastern Baltic, jewelry.

References

- 1 Golubeva L.A. Merya // Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages. Archaeology of the USSR, Moscow: "Science", 1987 - PP. 67-81.
2. Ishtvanovich E., Kulchar V., Stoyanova A.A. Fibulae in the costume of the population of the Sarmatian period of the foothills of Crimea and Alföld // The slow departure of friends ... In memory of Oleg Sharov, Chisinau: Higher Anthropological School, 2022 - PP. 295-321.
3. Kulakov V.I. Burial grounds of the western part of the Masurian Lakeland of the end of the 5th - beginning of the 8th centuries / based on excavations in 1878-1938 // Barbaricum-1989. Warsaw: Institut archeologii Uniwersitetu Warszawskiego, 1989 - PP. 148-273.
4. Kulakov V. I. Dollkeim-Kovrovo. Researches of 1879, Minsk: Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 2004 - 135 P.
5. Kulakov V. I. Iron whip handle from the Kleine Kaup burial ground and the role of status whips in Eastern European antiquities of the 10th-11th centuries // Archaeologia Lituanica. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, vol. 13. 2012 - PP. 117-127.
6. Kulakov V. I. Eastern route of the western Balts of the Merovingian era // V. I. Kulakov, A. P. Gavrilov, A. S. Semenov. Prehistory of Rus' V-X centuries. SPb.: Aletya, 2024 - PP. 108-114.
7. Petersen J. Norwegian swords of the Viking era, SPb: Alpharet, 2005 - 331 p.
8. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussen, Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929 - 406 P.
9. Okulicz J. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do 7 w. n. e., Wrocław-Warsaw-Kraków-Gdańsk: Ossolineum, 1973 - 588 P.

Список сокращений

М. – Москва

НАН Беларуси – Национальная академия наук Беларуси

СПб – Санкт-Петербург

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Россия). E-mail: drkulakov@mail.ru

Kulakov Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: drkulakov@mail.ru

Мнухин А.В., преподаватель, политехнический институт ДГТУ, г. Таганрог (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИССИОНЕРСКИХ ОБЩЕСТВ НА ОСТРОВАХ ФИДЖИ В ПРЕДКОЛОНИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1835-1874 ГГ.)

Острова Фиджи стали в числе первых территорий в островной части Тихого океана, которые были колонизированы Великобританией в конце XIX века. Работа по колонизации островов включала и христианизацию коренного населения, которое практиковало каннибализм и препятствовало активной экономической деятельности предпринимателей из европейских стран и Америки. В работе рассмотрена история появления различных христианских миссий и расширение их деятельности на архипелаге. В ходе работы над статьей были использованы такие исторические источники, как рапорты капитанов и консулов, дневники миссионеров, материалы дебатов в парламенте Великобритании, международные договоры. В статье анализируются методы работы, которые использовали миссионеры для организации успешной работы миссии. В частности, рассматривается тактика миссионеров по христианизации вождей местных племен, способствовавшая распространению и укреплению христианской веры на островах. Уделено внимание вмешательству миссионеров во внутрисполитические процессы на островах Фиджи. В работе уделено внимание вопросам аккультурации коренного населения посредством привития фиджийским христианам европейских норм поведения и быта. Приводятся примеры превышения полномочий миссионеров. Актуальность работы обусловлена ростом интереса к истории стран третьего мира и становлению их культуры. Основным результатом исследования являются выводы о роли миссионеров в христианизации и европеизации коренного населения Фиджи, а также последующей аннексии островов Великобританией.

Ключевые слова: Фиджи; Великобритания; вожди; колониализм; миссионеры; христианство; католическая миссия; протестантская миссия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-83-95

Введение. Одним из наиболее эффективных примеров деятельности миссионерских обществ в Тихом океане является христианизация архипелага Фиджи в XIX веке. В данной работе рассматриваются различные аспекты деятельности религиозных миссий на архипелаге Фиджи с 1835 по 1874 год, в преддверии колонизации островов Великобританией. На Фиджи в первой половине XIX в. обосновались миссии протестантской (Уэслианское методистское миссионерское общество) и католической церкви (Общество Марии). Между ними шла непрерывная конкуренция за паству.

Целью данного исследования является анализ деятельности католической и протестантской миссий, как фактора активного влияния на общественное и культурное развитие островов Фиджи.

Использование в исследовании

различных источников и литературы позволило сравнить деятельность католической и протестантской миссий и выявить причины эффективности деятельности последней. Несомненно, что исследование деятельности миссионеров на островах с различных позиций позволяют представить более полную картину происшедших событий и является на сегодняшний день актуальным в силу неубывающей активности миссионерских обществ в различных сферах общественной жизни в республике Фиджи и в наше время.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является деятельность миссионеров, которая послужила рычагом активизации колониальной экспансии на Фиджи.

В работе использованы: проблемно-хронологический метод, позволивший выявить причины конфликтов между

местным населением и католической миссией, а также раскрыть причины активного распространения методистской церкви на Фиджи, сравнительно-исторический метод, использованный при исследовании действий католических и уэслианских представителей миссий на островах в целях распространения веры и подготовки почвы к колонизации островов Великобританией.

Результаты и их обсуждение. Лондонское миссионерское общество (LMS) отправляло свои миссии в район Тихого океана на протяжении четверти века до прибытия уэслианских миссионеров на острова Фиджи. Первые миссии LMS в Тихий океан были направлены на Таити, Тонгу и Маркизские острова в конце XVIII века. В 1830 г. между Уэслианским методистским миссионерским обществом (WMMS), созданным в Великобритании в 1818 году и LMS было заключено, так называемое, «соглашение о вежливости», согласно которому Тонга и Фиджи перешли в зону ответственности уэслианской миссии, а Самоа - к LMS. К этому времени оба миссионерских общества уже активно действовали на островах Тонга.

К началу XIX века на островах Фиджи существовали родоплеменные общины. Острова были разделены между множеством враждующих племён. Томас Уильямс, один из первых миссионеров на Фиджи, сравнил [19, 246] систему управления в начале 1800-х годов в Буа, на острове Вануа-Леву с той, что была в древней Британии, сообщая, что она состояла из нескольких небольших племён, каждое из которых признавало отдельного лидера. Отсутствие письменности и существование множества различных диалектов значительно затрудняли коммуникацию между жителями разных островов.

Социальная и политическая организация фиджийцев была типичной для Полинезии. Она представляла из себя иерархическую структуру, во главе которой находилась небольшая группа верховных

вождей и жрецов, управляющих основной массой населения [15,13-61]. В рамках этой политической и социальной организации существовала богатая культура, включающая в себя сложную систему религиозных верований [19,17]. В частности, активно практиковались многобрачие и ритуальный каннибализм. Именно эти условия делали острова крайне сложными для основания христианской миссии.

Первые контакты жителей островов Фиджи с европейцами состоялись с экипажами торговых и китобойных судов, исследовательскими экспедициями, а также с потерпевшими кораблекрушения и беглыми каторжниками. Ни одна из этих социальных групп не оказала сколько-нибудь значительного влияния на образ жизни фиджийцев до прибытия миссионеров. Первые представления о христианстве фиджийцы получили от тонганцев, ещё задолго до появления миссионеров на архипелаге Фиджи [3,4].

Уэслианские миссионеры, действовавшие на Фиджи с 12 октября 1835 года на постоянной основе, принадлежали методистскому миссионерскому обществу (WMMS), руководство которым осуществлялось вначале из Лондона. Однако, с 1855 года общество управлялось уже из Нового Южного Уэльса в Австралии. Первыми европейскими миссионерами, прибывшими в 1835 году на Фиджи на остров Лакеба, были протестанты Уильям Кросс и Дэвид Каргилл из уэслианского миссионерского общества. Перед этим они провели несколько лет на Тонга, проповедуя и подготавливая почву для дальнейшей деятельности на Фиджи. Остров Лакеба на начало XIX века был перевалочным пунктом при путешествии из Тонга на Фиджи. Половину населения острова составляли тонганцы, и в течении ряда лет остров был в руках тонганского принца Маафу. Таким образом, первыми христианами из числа коренных жителей на Фиджи стали проживавшие там

тонганцы, за которыми последовали и фиджийцы. Этому способствовало культурное сходство между жителями восточных островов Фиджи и уже принявшими христианство тонганцами.

Одним из первых приоритетов уэслианских миссионеров на Фиджи был перевод Священного Писания на местный язык. После различных попыток перевода писания на ряд местных диалектов, миссионеры остановились на диалекте Бау. Выбор был сделан из-за политического превосходства вождей Бау (Таноа и его сына Серу Какобау). Дж. Хант выполнил перевод Нового Завета с греческого на бауанский. Перевод Нового Завета был опубликован на Виве в 1847 году. Работа заняла несколько лет, причем, Хант отвечал за все книги, за исключением Евангелия от Иоанна.

Несмотря на финансовую поддержку из Лондона, ввиду удалённости островов, миссионеры во многом должны были полагаться на собственные средства для эффективной работы миссии. В 1839 году уэслианское методистское общество приобрело в Австралии корабль "Тритон", для связи между различными станциями на Фиджи и с внешним миром. [7, 103-117]. Помимо него миссия располагала еще и судном под названием «Дафф». Для обеспечения миссии денежными средствами, миссионеры занимались производством кокосового масла и транспортировали его в Австралию с целью продажи. Данная коммерческая деятельность противоречила изначальной идее миссии, однако, была обусловлена практическими соображениями [21, 312]. В 1858 году, в целях расширения миссии и снабжения удаленных приходов, был построен корабль «Джон и Мэри».

В 1844 году на Фиджи прибыли католические священники из Общества Марии (Society of Mary (Marists)) - святые отцы Жан-Батист Брере и Жозеф-Франсуа Рулло. Избрав в начале для своей базы остров Лакебу, они вскоре изменили свое

мнение и перебрались на Тавеуни. Этот остров был намного больше, что позволило католической и уэслианской миссиям находиться на значительном расстоянии друг от друга. В течение следующих одиннадцати лет, помимо физических лишений, им пришлось пережить "издевательства и преследования" со стороны местных жителей [6, 20-22]. Их положение было настолько тяжелым, что они были вынуждены принимать пищу и медицинскую помощь от уэслианских миссионеров. По словам миссионера Р. Лита, епископ П. Батайон (епископ Центральной Океании) совершил ошибку, оставив своих священников в такой нищете: «Фиджиец ненавидит бедность, а благотворительность здесь так же холодна, как и в цивилизованных странах» [21, 165].

Следует отметить, что протестанты были готовы к появлению католиков задолго до их прибытия на острова. Они настраивали коренное население против контактов с католиками, призывая их не принимать миссионеров на своих землях, не оказывать им помощи, даже на бытовом уровне. [6, 14]

Тем не менее, «вторжение» католиков на Фиджи было относительно спокойным процессом, лишенным эксцессов, которые имели место на Гавайях и Таити. Основное объяснение этого различия заключалось тем, что в 1844 году уэслианские миссионеры не имели эффективного влияния ни на одного вождя, а паства была немногочисленна.

Для усиления уэслианской миссии в декабре 1838г прибыли еще несколько миссионеров по указанию из Лондона: Дж. Хант, Дж. Калверт и Т. Джаггар. До конца 1839 года уэслианцы основали четыре важные станции. Две из них (Вива и Мбау) были расположены в середине архипелага, на самом большом острове Вити Леву. Третья станция (Сомосомо) лежала далеко на северо-востоке, по соседству с другим обширным островом Вануа Леву. Четвертая станция в Лакебе, связывала

фиджийскую миссию с тонганской.

В течение первых десяти лет, руководство уэслианской миссии на Фиджи осуществлялось Дж. Калвертом. Из указанных выше четырех миссионерских центров, Вива в течение нескольких лет был наиболее важным опорным пунктом. Вождь Намосималуа, стоявший во главе других вождей в регионе, принял христианство в 1839 г, а его племянник (вождь Варани) - в 1845 г. Обращение этих вождей в христианскую веру произошло несмотря на угрозы со стороны других вождей района Мбау. Христианизация местного населения на Овалау в первые годы шла медленными темпами ввиду того, что английские и американские поселенцы, продававшие алкоголь и огнестрельное оружие местному населению, являлись помехой для практик миссионеров. [9,422].

После своего назначения в Вива в 1842 году Джон Хант осознал важность общины Левука. Он объединил местную английскую общину и способствовал бракосочетанию нескольких белых мужчин с коренными фиджийками. Несколько их сыновей он взял под свою опеку в Вива, предвидя, что англо-фиджийское потомство станет великой опорой для дальнейшего дела миссии.

Д. Уотерхаус - генеральный суперинтендант миссий Южных морей, посетил Реву с инспекцией в июне 1841 года, вскоре после отъезда Каргилла. Он был вполне удовлетворен ходом поездки и состоянием миссионерского учреждения. К его удивлению, коренные жители построили деревянный мост через реку Рева длиной 147 футов с тринадцатью пролетами, который соединил христианское поселение с городом и королевской резиденцией, что являлось залогом дружеских отношений между миссионерами и коренным населением [9,402].

Несомненно, что одной из причин, по которой работа миссионеров была столь успешной и влиятельной, было то, что они не пытались радикально изменить

ценности и большинство фиджийских обычаев или выступить против них. Так, в церковный сервис вошли части национальных традиций, как игра на лали (фиджийский народный ударный инструмент) и распитие кавы (местный напиток).

Изучив фиджийские песнопения, сохранившиеся на протяжении многих лет, А. Типпетт [20,4] отмечал, что принятие христианства не только не разрушило музыкальную культуру фиджийцев, но сохранило ее путем принятия соответствующих реформ. Использование музыкального искусства в обрядовых богослужениях уэслианцев способствовало привлечению внимания местного населения к новой религии. Местные жители обладали хорошим слухом, а также имели интересную самобытную музыкальную культуру, частью которой являлось хорошее пение [16, 89-11]. Гимны Чарльза Уэсли теперь стали важным элементом, объединяющим англоговорящих поселенцев и жителей Фиджи [20, p.353].

Культурное влияние миссионеров на фиджийский образ жизни несомненно было намного сильнее. Согласно Калверту [4,14], фиджийцы восхищались «домашним комфортом», созданным миссионерами. Они также отмечали регулярность, с которой ели миссионеры, то, как они обращались с детьми и своими жёнами. Принятие религии коренным населением было только началом, так как за этим следовала первичная европеизация новообращенных, обоснованное желанием жить также, как и миссионеры. Как христианам, фиджийцам нужно было соблюдать новые обычаи в поведении, еде, одежде. Одежда в европейском стиле, которую стали носить новообращенные фиджийцы, настолько тесно ассоциировалась с новой верой, что язычники стали требовать от новообращенных возврата к старым обычаям, призывая их «раздеться или умереть» [19;176,350].

Уэслианские миссионеры в своих проповедях [3,75] затрагивали вопросы

пожертвований. В результате, после того как вожди обратились в христианство, подношения, ранее сделанные старым богам, были принесены церкви, тем самым все еще сохраняя обычай этой страны.

На примере жизни Дж. Ханта на Фиджи можно судить о подходе многих миссионеров к задачам миссии. Преподобный Джон Хант жил в тесном контакте с простыми людьми, пытался понять их образ мыслей [18,105]. Миссионер сочинял стихи, как на фиджийском, так и на английском языках и декламировал их фиджийцам [5,386]. За годы своей работы в миссии Сомосомо на Фиджи, начиная с июля 1839 года, Хант посетил бурекалу (фиджийский храм), с целью более детального изучения фиджийской религии [11,107]. Далее Гарретт говорит о том, что Ханту не только удалось поприсутствовать на священной церемонии фиджийцев, но и занять почётное место рядом с верховным жрецом и вождем [11,107]. Хант изучал культуру и религию коренных жителей Фиджи, но никогда не отрекался от своей христианской веры.

В середине 1844 г на острова прибыл британский протестантский миссионер и лингвист Д. Хэйзлвуд. Именно ему впервые удалось создать грамматику и словарь фиджийского языка [12]. Эта работа над грамматикой занимала большую часть времени миссионера на станции в Сомосомо. Работа над книгой послужила хорошим подспорьем для более тесных контактов между коренным населением и уэслианцами.

Малочисленная католическая миссия неожиданно получила поддержку со стороны американского консула Уильямса, которому было выгодно очернить в прессе своего противника Какобау и поддерживавших его уэслианцев. Он даже пытался пригласить на Фиджи американских миссионеров. В 1848, году на Фиджи насчитывалось около сотни последователей братьев-маристов. После того, как вождь (туи) Наяу в 1849 году был

окрещен в протестантскую веру, католическая миссия на Лакебе была свернута. В 1855 году она была перенесена в Левуку. Позднее, в 1863 году, Жан-Батист Брере занял должность апостольского префекта на Фиджи.

Каннибализм, на большей части островов, за исключением восточных районов, граничащих с Тонга, являлся главной проблемой не только распространения новой веры, но и выживания поселенцев и миссионеров на островах. В первые три десятилетия существования миссий на островах христианские общины подвергались страшным испытаниям со стороны местного населения. В октябре 1839 года уэслианский миссионер Т. Джаггар записал в своем дневнике, что один из учителей миссии в Рева описал его ситуацию как «хождение в пасти акул». Историк Э. Торнли [21,157], который приводит этот комментарий, добавляет, что подобное замечание можно применить к большинству районов, где уэслианские миссионеры обосновали свои миссии с 1839 по 1842 год.

Белым проповедникам пришлось столкнуться со многими странными обычаями местного населения. Практикой, вызывавшей наибольшее отвращение у белых миссионеров, был каннибализм. Типпет, ссылаясь на печальную статистику [20, 33], отмечает, что целые деревни подвергались варварским нападениям с последующими каннибальскими практиками в отношении мужчин. Женщины и дети угонялись в рабство. Торнли упоминает [21,22] вмешательство Т. Уильямса в дело Буа, когда в 1840-х годах пятерых женщин собирались задушить, чтобы они «сопровождали» своего умершего мужа в загробный мир. После шести часов переговоров миссионер смог спасти двоих женщин, задоблив вождя Буа подарками, по фиджийскому обычаю. В другом случае, женщина-христианка была убита ради пира, но её тело было спасено миссионером Джаггаром для

последующего погребения по христианскому обычаю.

Практика принесения человеческих жертв при спуске на воду новых каноэ также была отменена в Сомосомо благодаря вмешательству миссионеров. Протесты миссионеров приводили язычников в ярость, и местный вождь Килакила угрожал им расправой. Вероятно, только страх перед британскими военными кораблями и их пушками служил спасением для миссий.

В результате междоусобных войн язычники часто подвергали гонению обращённых в христианство коренных жителей. Так в 1846 г христиане в Реве были убиты и съедены во время разрушения поселения. Официально каннибализм был прекращен после убийства и съедения миссионера Т. Бейкера в 1867 г, но не афишированные факты людоедства продолжали умножать печальную статистику еще на протяжении чуть ли не полувека [16, 89-111].

Коренных жителей интересовала не только земная жизнь миссионеров, но и почести, с которыми их провожали в загробный мир, о котором красноречиво проповедовали священники. Так, кончина Ханта запомнилась тем, что вожди Варани и Какобау посетили похороны миссионера [9, 430].

Миссионеры стремились распространить свое влияние на крупные острова в центре архипелага (острова Вити-Леву и Вануа-Леву), но не забывали и об окраинах. До конца 1839 года на остров Оно, куда впервые приплыл Белинсгаузен во время экспедиции 1819-1821гг, были направлены еще три учителя, двое из которых были тонганцами, третий - фиджиец из Лакебы. В 1842 г. остров Оно полностью стал христианским островом. Уолтер Лоури, новый генеральный суперинтендант, посетив это место в 1847 году, сравнивал его с «маленькой жемужиной». Служителями церкви из этого центра проповедовалось Евангелие на близлежащие острова.

Слухи о дружелюбном поведении

белых людей «племени лоту» («христианского племени») и о выгодах, которые они получали от своего проживания распространялись довольно быстро. Многие вожди завидовали правителю Лакебы. Такой неподдельный интерес к миссионерам и их деятельности сопутствовал расширению ареала деятельности миссионеров и на других островах в центре архипелага. Послания приходили, в частности, от могущественных вождей на Мбау и Сомосомо, обещавших дружбу и убежище миссионерам, которые поселятся в любой из этих населенных пунктов.

Миссионер Р. Лит основал в Лакебе учебное заведение для подготовки священников из числа местных жителей. До сих пор каждый миссионер проводил такую подготовку по личной инициативе для молодых людей на своей собственной станции. Теперь в Лакебу съезжались будущие служители церкви из разных уголков округа [9, 421]. В 1852 году для этого заведения были наняты обученные английскому языку школьный учитель и хозяйка.

К 1855 году трения между католическими и протестантскими миссиями достигли предела терпимости. Уэслианские миссионеры стали открыто дестабилизировать отношения между миссиями и настраивать коренных жителей против католиков, обвиняя последних (в частности, в священника Матье из Левуки) в противоправных действиях, которые те не совершали [6, 30-38].

В конце концов противоречия на некоторое время были устранены с приходом в 1855 г. военных кораблей: «Джон Адамс» (США) под командованием капитана Э. Бутвелла, и «Геральд» (Великобритания) под командованием Г. Денхема. Демонстрация флагов крупных европейских держав послужила сдерживающим фактором межнациональных и межконфессиональных споров на островах, хотя бы на некоторое время.

Донесений католических миссионеров и капитанов кораблей об обстановке

на островах были очевидно тщательно изучены в Париже. Следствием этого стало подписание мирного договора, заключенном между Какобау и капитаном Ле Брисом, подписавшим договор от имени императора Наполеона III. В частности, в статьях 2 и 3 документа указывалось, что:

«...католическая религия объявляется свободной на всех островах, подчиненных королю Бау. Те, кто исповедует эту религию, будут пользоваться всеми привилегиями, предоставляемыми протестантам... Коренные жители островов, подчиненных королю Бау, могут свободно исповедовать католическую религию и проводить свои религиозные обряды без каких-либо препятствий» [13].

После подписания договора число преград со стороны вождей и уэслианских миссионеров в адрес католической миссии значительно уменьшилось. Как следствие, 1858 г в католическую веру было обращено еще 847 человек в основном с Овалау, Ревы, Солеву и Ясавы [6,76-77].

Следует отметить, что до 1860 -х годов, католические миссии фактически не имели большого влияния на коренных жителей, но они использовали любую возможность для того, чтобы закрепиться на островах. Часто, после того как уэслианцы покидали какую-либо деревню, на их место приходили миссионеры-католики. Однако, местное население не приветствовало появление католиков. В конце 1860-х годов католики стали избегать районов очевидного влияния уэслианцев, предпочитая закрепиться в поселениях, жители которых, либо враждовали с вождями Бау, либо возмущались растущим влиянием Тонга на Фиджи.

К тому времени у католических миссий также появилось первое судно, что способствовало активизации деятельности католиков на островах. Уже к концу 1863 года в католическую веру на Фиджи были обращены 13 900 человек. Из них: на Бау и Верата приняли католическую

веру 1000 человек, в Рева - около 1000 человек, на Какаудроу - 5000 человек, Макуата – 3000, Солеву – 600, Кадаву – 2000, Овалау и другие – 1300 [6,113]. Однако следует помнить, что отчеты миссий довольно часто содержали неточные данные по числу вновь обращенных в христианство с целью демонстрации деятельности миссионеров в более выгодном свете и привлечения средств на дальнейшее содержание миссии.

Тем не менее, в начале 1870-х годов финансирование католической миссии было прекращено по причине франко-прусской войны. Миссия продолжила свою работу, однако её деятельность была не столь успешной как ранее. Из-за нехватки средств братья-маристы уже не могли в полной мере платить учителям, возводить школы и церкви [10,188]. Согласно сообщению журналиста Бриттона, в 1870 г. на Фиджи насчитывалось 10 католических священнослужителей и имелись приходы в Левуке (остров Овалау), в Рева (остров Вити Леву), Вайрики (на Тавеуни), и Солеву (остров Вануа Леву) [2].

Взгляды на то, как эффективно руководить миссией не всегда совпадали среди уэслианских миссионеров на Фиджи. Ф. Лэнгхэм, ставший фактическим председателем миссионерской общины в 1869 году был в конфликте с Д. Уотерхаусом. Последний выступал за то, чтобы и фиджийцы и тонганцы были представлены на одном уровне с европейскими миссионерами в управлении миссии на Фиджи. Конфликт завершился со смертью Уотерхауса, и миссионеры европейского происхождения продолжили занимать доминирующие роли в миссии.

Согласно отчёту уэслианского методистского миссионерского общества от 1867 года, представленному в британском парламенте лордом Бейлем Кокреном [8], на островах Фиджи было построено 481 часовня, открыты 1215 общеобразовательных школ (под эгидой миссии) и 750 воскресных школ. На островах постоянно

находились 12 миссионеров, в подчинении которых находились 38 миссионеров ассистентов (из местного населения), 591 катехизатор, 474 местных священника.

В рапорте командора Гуденафа и мистера Лэйарда правительству Великобритании [14], основанном на данных миссионерского общества указан верхний предел численности коренного населения на островах к 1874 году, который составлял 140 500 человек, из которых христианство приняли около 120 000 человек. Из них постоянными прихожанами уэслианской церкви являлись 113 000 фиджийцев.

Миссионеры с первых дней пребывания на островах старались быть в курсе всех событий. Они постоянно поддерживали контакты с европейцами и выступали в качестве переводчиков на при контактах фиджийцев с европейцами, являлись официальными свидетелями при подписании официальных документов. В частности, они присутствовали при переговорах между американскими офицерами и фиджийскими вождями во время американской исследовательской экспедиции 1838-1842 [24, 155].

В 1858 году, от имени вождя Какобау британскому правительству было отправлено первое письменное предложение о цессии островов, инициированное консулом Великобритании В. Т. Притчардом. Примечательно то, что при подписании документа официальными свидетелями, также поставившими подписи, были два служителя уэслианской церкви: Джон С. Фордхэм и Джон Бинни.

Д. Уотерхаус, прослуживший на Фиджи с перерывами около 18 лет, сопровождал полковника У. Дж. Смайта, посланного правительством Великобритании для изучения потенциальной возможности цессии островов. Во время поездки полковника по островам миссионер оказывал на него всяческое давление, выступая против уступки островов Великобритании [1]. В итоге, Смайт стал на сторону миссионеров в вопросе цессии островов и отразил

именно эту точку зрения в своем рапорте правительству Великобритании, подобрав соответствующие доводы [22, 235].

Уэслианские миссионеры сопровождали вождей во время военных походов, выступая в качестве советников вождей. Однако, некоторые миссионеры чрезмерно увлеклись местной политикой, вплоть до того, что взяли в руки оружие и участвовали в военных действиях, как это было в Буа [21, 40-41].

Одной из важнейших задач, как для протестантских, так и для католических миссионеров являлось обращение фиджийских вождей в христианство. Т. Уильямс отмечал, что вожди уважали силу новой религии, поскольку видели ее влияние на простых фиджийцев. Однако, они опасались, что принятие лоту ослабит их власть [21, 246].

Вождь Какобау не только терпимо относился к уэслианским миссионерам, но и ценил их. В частности, миссионера Дж. Ханта он искренне почитал (навещал его во время болезни и пришел на его похороны). Миссионера Дж. Калверта на некоторое время Какобау назначил своим личным переводчиком и консультантом. Главный вождь признавал силу христианства, а также соглашался с тем, что оно должно восторжествовать на Фиджи. Он обсуждал религию с миссионерами, при этом подвергая критике фиджийскую систему верований [9, 445-446].

Привлекательность христианских идей была не единственным фактором, заставившим Какобау измениться. Ближе к концу апреля 1854 года, когда Какобау находился под давлением со стороны США по поводу возврата долгов. Король Тонга- Георг Тупоу I убеждал его принять лоту, как единственное средство своего спасения. При этом, он предоставил письмо, которое покойный консул Соединенных Штатов на Фиджи опубликовал в сиднейской газете, осуждая Какобау и заявляя о том, что остров Мбау должен быть стерт с лица земли как гнездо

пиратов и каннибалов [9,457-458]. Таким образом, была задета честь вождя. Через несколько дней после получения депеши из Тонга, Какобау объявил о своем решении присоединиться к лоту и был окрещен 11 января 1858 года.

Обращение Какобау в христианство стало поворотным моментом в истории Фиджи. Однако, оно не привело к автоматическому обращению в христианство других вождей. На самом деле, это заставило многих, особенно его врагов, возненавидеть христианство, указывая что: «это была религия Какобау» [23, 190].

Миссионеры стремились извлечь любую пользу для укрепления своих миссий. Многие из них активно вмешивались в государственные дела, предлагая услуги переводчиков и посредников. К примеру, Дж. Калверт, выполняя обязанности переводчика на встрече капитана Денхэма с вождем Какобау, намеренно исказил смысл содержания переговоров о возможной цессии острова Овалау, которая якобы должна быть принята капитаном британского корабля. В результате выяснилось, что из-за неправильного перевода часть территории Фиджи уже в 1855 году могла оказаться под аннексией Великобритании [6, 64].

Некоторым миссионерам была не чужда предпринимательская деятельность на благо миссии и в своих собственных интересах. Так миссионер-Уильям Мур в 1858 году помогал предпринимателям Мельбурна планировать развитие Полинезийской компании на Фиджи, с целью получения от вождя Какобау крупных земельных владений в обмен на выплату его долга США, а также размещения акций Полинезийской компании на фондовом рынке [21, 372]. Как известно, в результате было выявлено много финансовых махинаций в сделках компании с земельными участками, о чем Дж. Тарстон, исполняющий обязанности британского консула, проинформировал Губернатора Южного Уэльса в

соответствующем письме, которое по распоряжению губернатора было опубликовано в австралийской прессе [17,138].

С 1871 года миссионеру Ф.Лэнгхэму удалось заручиться доверием короля Какобау, став при нём советником. Именно он предоставлял сведения для прибывшей из Лондона комиссии Лэйарда и Гуденафа и активно поддерживал аннексию островов Великобританией. В последующие 20 лет он продолжил оказывать серьёзное влияние на внутреннюю политику Фиджи уже при колониальной администрации. Губернатор А. Гордон называл его «кардиналом». В частности, современники отмечали его обширные связи и влияние на фиджийских вождей.

В целом, в 70-е годы наблюдалось ослабление влияния миссионеров на политические решения, так как к власти пришли торговцы и крупные землевладельцы европейского происхождения, которые организовали свое правительство под фактически фиктивным правлением короля Какобау [2,71].

Когда 10 октября 1874 года Фиджи были переданы Великобритании и был подписан акт уступки островов, миссионеры не выступили против имперской экспансии. Отчеты миссионеров о состоянии дел в политической и экономической сфере на островах Фиджи, отсылаемые в Лондон, были настолько важны и ценны, что они были приняты к рассмотрению на высоком уровне в Лондоне и Вашингтоне, о чем свидетельствует отчет командора Гуденафа парламенту Британии, так же предложенный для рассмотрения президенту США [14].

Не случайно на слушаниях дела о цессии островов Великобритании 4 августа 1874 года, член парламента Бэйль Кокрен отметил, что «Ничто из того, что уэслианцы сделали в этой стране (Великобритании) за прошедшее столетие, не смогло превзойти замечательные результаты их усилий на Фиджи.... Учитывая характер населения, опасности и тяжбы

службы, результат достигнутый за 33 года работы нельзя не считать крайне успешным и удивительным» [8].

Несомненно, что и католическая, и в еще большей степени уэслианская миссия предприняли значительные усилия по предотвращению каннибализма. Однако, следует заметить, что при этом происходило активное навязывание европейского образа жизни, искоренение этнической культуры и религии.

Заключение. Колониальная экспансия европейских держав в регионе Тихого океана в XIX веке была бы невозможна без активизации деятельности миссионерских обществ различных конфессий. Следует отметить, что в некоторых случаях миссионеры активно вмешивались в местную политику, выступая посредниками и переводчиками между торговцами, моряками, европейскими поселенцами и местными правителями.

Таким образом, они служили проводниками между метрополией, в лице Великобритании, и фиджийскими вождями, а в дальнейшем и правительством королевства Фиджи. Их деятельность способствовала назначению на конкретные правительственные должности лиц, лояльных церкви и белым поселенцам, а

также консулам США и Великобритании; продвижению определенных постановлений, предоставлению должностным лицам необходимых сведений.

Приход миссионеров уэслианской церкви на Фиджи был поддержан тонганцами и их правителем. Можно сказать, что миссионерские движения Тонга и Фиджи были, с одной точки зрения, продолжением европейского движения в Тихоокеанском регионе и, как таковые, действовали на одних и тех же теологических основаниях.

Католическая миссия была немногочисленна и не была поддержана тонганцами. Нападки и гонения на католиков были, как со стороны тонганского населения на востоке Фиджи, так и со стороны многих вождей в центре архипелага. Поддержка военных кораблей и заключение мирного договора с Францией способствовали прекращению преследования католиков.

При христианизации островов происходило активное проникновение религии во многие сферы жизни местного населения. Миссионеры проповедовали не только свою веру, но и европейскую культуру и ценности, активно подготавливая почву для последующей аннексии новых земель колониальными державами.

Список литературы

1. «Australian Dictionary of Biography, Volume 6:1851-1890: R-Z, 1976, Melburn University Publishing, -463p.- ISBN 13 9780522841084
2. Britton H. Fiji in 1870, The Letters of " The Argus " Special Correspondent, Melbourne: Samuel Mullen 55, Collins street East, 1870, -87p.
3. Calvert J. Fiji and Fijians. Mission history/ J. Calvert. - Suva, Fiji: Fiji Museum, 1985- vol.2- 435p.- ASIN: B000J5REXW
4. Calvert J. From dark to dawn in Fiji/ edited by R. Vernon, Fleming H Revel- Wentworth Press, 2019- 162p.- ISBN-13: 978-1010272304
5. Clutterbuck R. A holiness movement, shaped by mission: encountering God in Oceania//Holiness/The Journal of Wesley House Cambridge, Vol. 2 ,2016, Issue 3 (Holiness & Contemporary Culture): pp. 379–391, ISSN 2058-5969
[Electronic resource]. — Access mode: <https://www.wesley.cam.ac.uk/wp-content/uploads/2014/09/07-clutterbuck.pdf> (accessed 5.11.2024)
6. Deniau A. The Catholic Church in Fiji 1844 to 1886. Edited by Fr. J. Crispin Suva: Bluebird Printery Ltd, 2013.- 202p- ISBN 978-982-98089-1-2
7. Ernst M. Winds of Change: Rapidly Growing Religious Groups in the Pacific Islands

- /M. Ernst//Pacific Conference of Churches-- Suva Fiji, 1994-357p.- ISBN 9822000677
- 8.Fiji Island-Annexation, UK Parliament, Hansard, vol.221: debated Tuesday 4 August 1874, [Electronic resource]. — Access code: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1874-08-04/debates/3eedcd51-838d-449d-b219-38318c2df729/FijiIslands%E2%80%9494Annexation> (accessed 5.11.2024)
9. Findlay G.G. The history of the Wesleyan Methodist Missionary Society/G.G. Findlay- Nobel Press, 2010,648p.- ISBN 9781176701601
10. Forbes L. Two years in Fiji. London: Longmans, Green, and Co, 1875, -376p- urn: oclc: record:1158073010
11. Garrett J. To live among the stars: Christian Origins in Oceania/J. Garrett. Geneva: World Council of Churches; Suva, Fiji: Institute of Pacific Studies, University of the South Pacific. 1982- 412 p.- ISBN 9782825406922
- 12.Hazlewood D. A Fijian and English and an English and Fijian dictionary,1872, London, S. Low, Marston and company, -281p- urn: oclc: record:1045376840
13. Recueil des traités de la France: 1856-1859. Tome septième 1856-1859 De S. Ex. M. Droyun De Lhuys – ministre des affaires etrangeres. Par M. De Clerco –ministre de Plemipotentaire. Paris, Amyot, Editeur des archives diploma [Электронный ресурс]-URL: <https://www.amazon.com/Recueil-Auspices-Ministre-Affaires-%C3%89trang%C3%A8res/dp/1275687261> (дата обращения:12.06.2023)
14. Report of Commodore Goodenough and Mr. Layard on the offer of the cession of the Fiji Islands to the British Crown// Papers relating to the Foreign relations of the United States transmitted to Congress, with the annual message of the President, December 7,1874, №308(Inclosure 1 in No. 590), [Electronic resource]. -Access code: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1874/d310>(accessed 5.11. 2024)
15. Rove J.S. A missionary among cannibals or the life of J. Hunt/J.S. Rove, India Delhi: Gyan Books Pvt. Ltd., 2016.-286p.-ISBN 13 9789357348201
- 16.Ryle J. Burying the Past—Healing the Land: Ritualising Reconciliation in Fiji/J. Ryle // Archives de Sciences Sociales des religions- 2012- vol.157-issue 1- Pp.89-111, DOI:10.4000/assr.23638
- 17.Scarr D. I, the very bayonet, Canberra ANU Press, 1973, -410p-ISBN 07081 0704 4
- 18.*The Journal of Thomas Williams, Missionary in Fiji, 1840-1853*/G.C. Henderson// The Geographical Journal-1933- vol. 81-, issue 4-368p- DOI:10.2307/1785455
19. Tippet A.R. People movements in southern Polynesia: studies in the dynamics of church-planting and growth in Tahiti, New Zealand, Tonga, and Samoa/ A.R. Tippet. - Chicago: Moody Press. 1971- 288p.- urn: oclc: record:1245627696
20. Tippet A. R. The Integrating Gospel and the Christian: Fiji (1835-1867)/ A.R. Tippet. - USA: William Carey Publishing, 2015.-298p.-ISBN-13: 978-0878084807
- 21.*Thornley A, Vulaono T. Exodus of the I Taukei: The Wesleyan Church in Fiji, 1848-74* /A. Thornley, T. Vulaono/ *University of the South Pacific, Institute of Pacific Studies, 2002.- 579p.*-ISBN 9820203406, 9789820203402
22. Ward J. British policy in the South Pacific, 1786-1893: a study in British policy towards the South Pacific islands prior to the establishments of governments by the great powers/ J. Ward. - Sydney: Australasian Publishing Co, 1948.-388p.- urn:oclc: record:1148008468
23. Waterhouse King and People of Fiji, University of Hawai‘i Press,1997.-326p- ISBN 0824819209
24. Wilkes C. Narrative of the United States Exploring Expedition, during the years 1838-1842, 1849, vol.3-538 p., DOI 10.14288/1.0368729

THE ACTIVITIES OF MISSIONARY SOCIETIES IN THE FIJI ISLANDS DURING THE PRE-COLONIZATION PERIOD (1835-1874)

The Fiji Islands were among the first territories in the Pacific Ocean to be colonized by Great Britain in the late 19th century. The effort of colonizing the islands included the christianization of the indigenous population, which practiced cannibalism and hindered the active economic activity of entrepreneurs from European countries and America. The paper examines the history of the emergence of various Christian missions and the expansion of their activities in the archipelago. In the process of writing these article, historical sources such as reports from captains and consuls, diaries of missionaries, materials from debates in the British Parliament, and international treaties were used. The article analyzes the methods that the missionaries used to organize the work of the missions. In particular, the article examines the tactics of missionaries to christianize the leaders of local tribes, which contributed to the spread and strengthening of the Christian faith on the islands. Attention is paid to the interference of missionaries in the internal political processes on the Fiji Islands. The work focuses on the issues of acculturation of the indigenous population through the inculcation of Fijian Christians with European norms of behavior and way of life. Examples of abuse of missionaries' powers are given. The relevance of the work is due to the growing interest in the history of the Third World countries and the formation of their culture. The main result of the study is the conclusions about the role of missionaries in the Christianization and Europeanization of the indigenous population of Fiji, as well as the subsequent annexation of the islands by Great Britain.

Keywords: Fiji; Great Britain; chiefs; colonialism; missionaries; Christianity; catholic mission; protestant mission

References

1. «Australian Dictionary of Biography, Volume 6:1851-1890: R-Z, 1976, Melburn University Publishing, -463p.- ISBN 13 9780522841084
2. Britton H. Fiji in 1870, The Letters of " The Argus " Special Correspondent, Melbourne: Samuel Mullen 55, Collins street East, 1870, -87p.
3. Calvert J. Fiji and Fijians. Mission history/ J. Calvert. - Suva, Fiji: Fiji Museum, 1985- vol.2- 435p.- ASIN: B000J5REXW
4. Calvert J. From dark to dawn in Fiji/ edited by R. Vernon, Fleming H Revel- Wentworth Press, 2019- 162p.- ISBN-13: 978-1010272304
5. Clutterbuck R. A holiness movement, shaped by mission: encountering God in Oceania//Holiness/The Journal of Wesley House Cambridge, Vol. 2 ,2016, Issue 3 (Holiness & Contemporary Culture): pp. 379–391, ISSN 2058-5969
[Electronic resource]. — Access mode: <https://www.wesley.cam.ac.uk/wp-content/uploads/2014/09/07-clutterbuck.pdf> (accessed 5.11.2024)
6. Deniau A. The Catholic Church in Fiji 1844 to 1886. Edited by Fr. J. Crispin Suva: Bluebird Printery Ltd, 2013.- 202p- ISBN 978-982-98089-1-2
7. Ernst M. Winds of Change: Rapidly Growing Religious Groups in the Pacific Islands /M. Ernst//Pacific Conference of Churches-- Suva Fiji, 1994-357p.- ISBN 9822000677
8. Fiji Island-Annexation, UK Parliament, Hansard, vol.221: debated Tuesday 4 August 1874, [Electronic resource]. — Access code: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1874-08-04/debates/3eedcd51-838d-449d-b219-38318c2df729/FijiIslands%E2%80%94Annexation> (accessed 5.11.2024)
9. Findlay G.G. The history of the Wesleyan Methodist Missionary Society/G.G. Findlay- Nobel Press, 2010,648p.- ISBN 9781176701601
10. Forbes L. Two years in Fiji. London: Longmans, Green, and Co, 1875, -376p- urn: oclc: record:1158073010
11. Garrett J. To live among the stars: Christian Origins in Oceania/J. Garrett. Geneva: World Council of Churches; Suva, Fiji: Institute of Pacific Studies, University of the South Pacific. 1982- 412 p.- ISBN 9782825406922
12. Hazlewood D. A Fijian and English and an English and Fijian dictionary, 1872, London, S. Low, Marston and company, -281p- urn: oclc: record:1045376840

13. Recueil des traités de la France: 1856-1859. Tome septième 1856-1859 De S. Ex. M. Droyun De Lhuys – ministre des affaires etrangeres. Par M. De Clerco –ministre de Plemipotentaire. Paris, Amyot, Editeur des archives diploma [Электронный ресурс]-URL: <https://www.amazon.com/Recueil-Auspices-Ministre-Affaires-%C3%89trang%C3%A8res/dp/1275687261> (дата обращения:12.06.2023)
14. Report of Commondore Goodenough and Mr. Layard on the offer of the cession of the Fiji Islands to the British Crown// Papers relating to the Foreign relations of the United States transmitted to Congress, with the annual message of the President, December 7,1874, №308(Inclosure 1 in No. 590), [Electronic resource]. -Access code: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1874/d310>(accessed 5.11. 2024)
15. Rove J.S. A missionary among cannibals or the life of J. Hunt/J.S. Rove, India Delhi: Gyan Books Pvt. Ltd., 2016.-286p.-ISBN 13 9789357348201
- 16.Ryle J. Burying the Past—Healing the Land: Ritualising Reconciliation in Fiji/J. Ryle // Archives de Sciences Sociales des religions- 2012- vol.157-issue 1- Pp.89-111, DOI:10.4000/assr.23638
- 17.Scarr D. I, the very bayonet, Canberra ANU Press, 1973, -410p-ISBN 07081 0704 4
- 18.*The Journal of Thomas Williams, Missionary in Fiji, 1840-1853*/G.C. Henderson// The Geographical Journal-1933- vol. 81-, issue 4-368p- DOI:10.2307/1785455
19. Tippet A.R. People movements in southern Polynesia: studies in the dynamics of church-planting and growth in Tahiti, New Zealand, Tonga, and Samoa/ A.R. Tippet. - Chicago: Moody Press. 1971- 288p.- urn: oclc: record:1245627696
20. Tippet A. R. The Integrating Gospel and the Christian: Fiji (1835-1867)/ A.R. Tippet. - USA: William Carey Publishing, 2015.-298p.-ISBN-13: 978-0878084807
- 21.*Thornley A, Vulaono T. Exodus of the I Taukei: The Wesleyan Church in Fiji, 1848-74* /A. Thornley, T. Vulaono/ *University of the South Pacific, Institute of Pacific Studies, 2002.- 579p.*-ISBN 9820203406, 9789820203402
22. Ward J. British policy in the South Pacific, 1786-1893: a study in British policy towards the South Pacific islands prior to the establishments of governments by the great powers/ J. Ward. - Sydney: Australasian Publishing Co, 1948.-388p.- urn:oclc: record:1148008468
23. Waterhouse King and People of Fiji, University of Hawai‘i Press,1997.-326p-ISBN 0824819209
24. Wilkes C. Narrative of the United States Exploring Expedition, during the years 1838-1842, 1849, vol.3-538 p., DOI 10.14288/1.0368729

Об авторе

Мнухин Андрей Валерьевич – преподаватель политехнического института ДГТУ г. Таганрог (Россия); E-mail: mnukhin.andrey@mail.ru

Mnukhin Andrey Valeryevich - Lecturer at the Polytechnic Institute of DSTU, Taganrog (Russia); E-mail: mnukhin.andrey@mail.ru

УДК 94.410

Фельдман А.Д., соискатель, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. (Россия)

ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ПЛЕН 1899 Г. У. ЧЕРЧИЛЛЯ В РАМКАХ МОДЕЛИ Э. КЮБЛЕР – РОСС: ОТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДО ПОБЕГА.

Вторая англо-бурская война (1899 – 1902 гг.) богата на события и тщательно изучается историками разных регионов и континентов. Однако с учётом известных личностей, которые принимали участие в ней, особую ценность она представляет для британских исследователей. Среди всего многообразия произошедшего стоит отметить некоторые эпизоды с сэром Уинстоном Черчиллем, военного премьер-министра двух сроков (1940 – 1945 гг.; 1951 – 1955 гг.). Будучи военным корреспондентом газеты «The Morning Post», он отправился в Южную Африку, где попал в плен к бурам. Эти дни он отразил в своих письмах, книгах и мемуарах, спустя время, рефлексировав на тему того, кто такие буры и чем он (или британцы) заслужили такой участи. Собрав сведения о собственном восприятии заключения, можно сделать вывод о том, что неволя для него ощущалась в виде некоторых этапов, сменяющих друг друга за три недели заточения. Автор проводит исследование переживаний сэра Уинстона на основе модели Э. Кюблер-Росс, известной как 5 стадий проживания горя, а именно отрицание – гнев – торг – депрессия – принятие. Так же исследование затрагивает причины побега из Претории 12 декабря 1899 г. и последствия для британского политика.

Ключевые слова: Великобритания, республика Трансвааль, Уинстон Черчилль, Луис Бота, Ричард Холдейн, буры, The Morning Post, модель Э. Кюблер – Росс, вторая англо-бурская война.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-96-101

Введение. Сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874 – 1965 гг.) является одним из значимых фигур XX в. и высоко оцененным политиком в историческом сообществе. Современные исследователи и по сей день скрупулёзно изучают жизнь и путь выдающегося британца. Чаще всего объектом изучения становится популярная модель «Черчилль-политик», нежели «Черчилль-военный корреспондент», что является упущением историков. Сэр Уинстон, будучи некоторое время военкором, смог отточить свой литературный талант и как следствие, получить Нобелевскую премию по литературе в 1953 г., а также данная профессия позволила ему оказаться на периферии различных военных конфликтов.

Известным фактом биографии будущего премьер-министра Великобритании сэра Уинстона Черчилля, борца с нацизмом и его проявлениями в годы Второй мировой войны (1939 – 1945 гг.), является

участие во второй англо-бурской войне (1899 – 1902 гг.). В Южную Африку он был отправлен в качестве военкора газеты «The Morning Post» за огромное, по тем временам, денежное вознаграждение в размере £250 в месяц (~£8000 с учётом инфляции на сентябрь 2024 г.). Его миссия заключалась в написании фронтовых статей о действиях британских военных в конфликте. Однако подобную задачу ему усложнили условия выполнения – он и сам был втянут в войну.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является поведение сэра У. Черчилля в период трехнедельного плена в 1899 г. Для получения качественных результатов используются историко-генетический и ретроспективный методы.

Результаты и их обсуждение. Так 15 ноября 1899 г. политик находился среди пассажиров бронепоезда, выполнявшего рекогносцировочный рейд под

командованием капитана Р. Холдейна (прим. товарищ Черчилля ещё со времён осады Малаканда (Индия) 1897 г. – Ф.А.). Через некоторое время, сразу за мостом через р. Блаукранц их настигли буры.

««Ремонтники», сказал я себе, и тут же, как молния, в мозгу пронеслось: «Буры!» У меня так и стоят перед глазами эти высокие мощные фигуры в черных, треплемых ветром одеждах, в шляпах с обвисшими полями и с ружьями наизготовку - и до них едва ли сто ярдов...» [3, с. 251] - писал Черчилль в автобиографии. Ему казалось, что они смогут избежать стычки, до тех пор, пока поезд не был обстрелян бурской артиллерией.

Это была хорошо организованная засада. Командующий бурами и будущий премьер-министр Южно-Африканского союза Л. Бота рассчитывал, что англичане захотят воздержаться от этой встречи, прибавят ходу, поэтому подготовили валуны, которыми перегородили дорогу. Как и ожидалось, разогнавшись, британский состав влетел в них. Все три грузовика сошли с рельс и выбросили порядка 150 людей, находившихся внутри.

Некоторые смогли сбежать, другие не растерялись и проявили себя достаточно храбро в этой неожиданной стычке. Уинстон Черчилль не стал исключением: он командовал расчисткой путей и пытался всеми возможными способами заставить машиниста протолкнуть паровоз мимо сошедших с рельсов грузовиков бронепоезда. Не забывая отстреливаться в ответ, он, по словам очевидцев, «действовал бесстрашно перед лицом врага» [1, с. 126].

Однако этого было мало, чтобы выбраться из этой засады невредимыми и свободными, хоть сэр Уинстон до последнего пытался избежать плена. «Я повернулся и со всех ног бросился вслед за паровозом. Я бежал между рельсами, а буры стреляли мне вслед. Пули вжикали то справа, то слева, чуть ли не касаясь меня... Укрыться было не за чем. Я снова взглянул на тех двоих. Один из них, встав

на колено, целился.... И я опять кинулся бежать... Дальше так продолжаться не могло. Во что бы то ни стало я должен был выбраться из этого рва, этого чертова коридора!» [3, с. 251]

По итогу, буры всё же настигли его и он, пытаясь нащупать свой Маузер С96 на 10 патронов, понял, что оставил его в бронепоезде, поэтому оставался один верный для выживания вариант. По традиции историки считают, что Уинстона Черчилля взял в плен тот самый командующий Л. Бота, который и организовал эту засаду. Однако существуют и другие предположения.

Более поздние источники считали, что фельдкорнет С. Остхейзен под дулом пистолета захватил безоружного Черчилля, а также существует мнение, что в этом мог принимать участие итальянский добровольческий легион под командованием К. Риккьярди [6].

Так или иначе Л. Бота не был знаком с личностью своего пленника, как и тот не знал ничего о нём вплоть до 1902 г., пока первый премьер-министр Южно-Африканского союза не отправился в Великобританию на поиски средств для восстановления страны после войны. Тогда они и были представлены друг другу во время частного обеда.

Сэр Уинстон недоумевал, как так вышло, что они попали в плен: «...просто не могли себе представить, как «нерегулярные любительские» силы, подобные бурам, могут произвести какое-либо впечатление на дисциплинированных профессиональных солдат» [7, р. 62]. Стоит отметить, перевоз британцев в Преторию, само время плена и всё, что происходило в нем (не более месяца) можно интерпретировать с точки зрения 5 стадий принятия неизбежного (Модель Э. Кюблер - Росс: отрицание – гнев – торг – депрессия – принятие – Ф.А.).

Сначала Черчилль испытывал отрицание, переросшее в гнев. Об этом он писал в своих трудах: «Впервые с того

момента, как я попал в плен, я испытал ненависть к своему врагу... здесь, в Претории, я чувствовал в воздухе запах разложения. *Здесь были твари, которые жирели, пожирая добычу. А там, на войне, были герои, которые ее завоевывали.*» [2, с. 77].

О том же упоминала американская исследовательница К. Миллард: «...Выбравшись на грязную платформу, щурясь от солнечного света, он посмотрел на большую толпу, собравшуюся вокруг станции, и впервые с начала войны почувствовал ненависть к врагу...» [7, р. 151].

Затем она приводила в качестве доказательств воспоминания Черчилля о бурах, которые, к своему несчастью, толкались локтями и пытались получше рассмотреть новых заключённых, как и любые любопытные люди: «...Уродливые женщины с яркими зонтиками, бездельники и оборванцы, толстые бургеры, слишком тяжелые, чтобы ехать верхом на фронте... Скользкие, прилизанные чиновники всех национальностей — краснолицые, курносые голландцы, маслянистые португальские полукровки» [7]. По её мнению, «он оцетинился при мысли о том, что может оказаться их пленником» [7], однако уже было поздно.

Именно в стадии гнева оформилась та предвзятость по отношению к германоязычным народам, а именно ненависть, как одна из сильных движущих сил его будущей политической карьеры, позволившая в 1940 г. получить первый срок премьер-министра Великобритании.

Оказавшись в лагере для военнопленных в Претории, он, как выяснилось, не знал ни голландского, ни немецкого, ни африканского [7, р. 10]. Мало того, он боялся, что, всплывут статьи, написанные его отцом о бурах во время поездки в Южную Африку, которые сын активно комментировал в личной переписке [3, с.

137]. На счастье Черчилля, этого не случилось, однако бурские командиры поняли, что захватили кого-то ценного.

В это время сэр Уинстон присматривался к бурам, составляя собственное мнение о них, но с учётом того, что он находился в стадии гнева, это сильно сказалось на их описании: «Они передвигаются и живут без снабженцев, транспорта, колонн с амуницией, носятся как ветер, поддерживаемые железной конституцией и суровым, твердым Богом Ветхого Завета, который наверняка сокрушит Амалекитян, перебив им голени и бедра¹ (Суд. 15:8)» [2, с. 61].

Заметим, что Черчиллю не свойственна в характере религиозность, об этом он писал матери: «Я не принимаю христианскую или любую другую форму религиозной веры» [5, р. 112] и признавался, что в юности (во времена пребывания в Индии) он пережил антихристианскую фазу, став агностиком [4, р. 32]. Поэтому сравнение буров с амалекитянами кажется здесь довольно интересным и показывает степень отчаяния атеиста-Черчилля.

Он признавал, что был «наименее несчастным заключённым из всех возможных», отмечая, что чувство ненависти у него появилось с момента как он поднял руки в знак капитуляции [7, р. 152]. Бурские охранники довольно невинные в отношении военнопленного были описаны «простыми троглодитами» [7]. «Он возненавидел свой плен с такой силой, которая удивила даже его самого» [7], теперь он хотел вернуться на войну и поквитаться с бурами.

После продолжительного гнева начался торг (торговля). «Я ... одолевал бурское начальство требованиями отпустить меня, простого корреспондента, на волю. Мне отвечали, что я лишился нестрогого статуса, приняв участие в стычке у бронепоезда. Я утверждал, что ни разу не

¹ «Амалекитяне были кочевым народом, жившим разбоями и грабежами. И вот, эти воины-кочевники Амалика увидели гигантский караван Израильтян, пересекающий пустыню. И напали на этот караван... Спустя время те не исправились и сказал Господь: «Теперь иди и порази Амалика, и истреби все, что у него; и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла...» (Суд. 15:8)

выстрелил и был взят безоружным. Что соответствовало истине...» [3, с. 267] Торговля не увенчалась успехом. Позже сэр Уинстон писал о том, что буры специально смаковали его действия у бронепоезда в периодической печати: *«Они красочно распи-сывали мои подвиги и винили лично меня в угоне локомотива с ранеными...»* [3].

Заключенному Черчиллю не удалось добиться для себя никаких преференций: «Никаких послаблений военнопленным не делали: нас, как я уже говорил, содержали в самом строгом заключении, под вооруженной охраной.» [3, с. 298].

В плену он много общался с бурами, пытаясь выяснить, что для них были причинами конфликта между Трансваалем и Великобританией. Имея своё непоколебимое мнение, их ответы его не устраивали, но диалоги он продолжал и затем описал их на страницах «От Лондона до Ледисмита» и «Похода Яна Гамильтона» [2].

Черчилль в своих трудах делал акцент на отношениях между бурами и кафрами (прим. кафры – темнокожее население Южной Африки – Ф.А.): *«Представьте себе, позволить этой черной грязи разгуливать по тротуарам! ...Обучать кафра! Ах, вы все об этом, англичане. Мы учим их палкой... Их поместил сюда Господь Всемогуций, чтобы они работали на нас. Мы не потерпим от них никаких глупостей. Пусть знают свое место!»*. [2] Этими выдержками из диалога сэр Уинстон хотел показать какими на самом деле были буры, которые казались многим британцам борцами за справедливость и независимость.

В его записях мелькали и другие бурские военачальники и политики, например М. Малан, четвертый член совета: *«Четвертый член совета, мистер Малан, был грязным и отвратительным злодеем. Его личная храбрость больше подходила для оскорбления пленных в Претории, чем для сражения с врагом на фронте. Он был близким родственником президента, но даже это преимущество*

полностью не защищало его от упреков в трусости...» [2, с. 82]. Словом, доставалось всем. С таким подходом и отношением к бурам становилось ясно, что он долго живым не сможет продержаться, если не сбежит.

Через три недели плена у Черчилля началась стадия депрессии: *«...я услышал песнопения. Буры пели свои вечерние псалмы, и их угрожающие звуки, наполненные больше войной и негодованием, чем любовью и состраданием, заставляли холодеть мое сердце, и я подумал, что, в конце концов, это несправедливая война, что буры лучше нас, что небо против нас, что Ледисмит, Мафекинг и Кимберли падут, что вмешаются иностранные державы, мы потеряем Южную Африку и это станет началом конца.»* [2, с. 61] Отчасти в своих депрессивных размышлениях он был прав – проблемы в Южной Африке стали началом конца Британской империи.

К декабрю 1899 г. его ждала стадия принятия. Он стал смотреть на буров с другой стороны: *«Затем другой, увидев, что я иду без шляпы под проливным дождем, швырнул мне солдатскую панаму... Значит, они совсем не жестокие люди, эти враги. Это было для меня большой неожиданностью, так как я читал многое из того, что написано в этой стране лжи, и готов был к всевозможным невзгодам и унижениям.»* [2, с. 55].

«По отношению к представителям белой расы буры оказались гуманнейшими из людей. Другое дело кафры, но, на взгляд бура, убийство белого, даже на войне, - событие ужасное и прискорбнейшее. Буры были самыми добросердечными из всех врагов, с которыми мне довелось соприкасаться на четырех континентах в качестве наблюдателя и участника военных операций.» [3, с. 258].

Несмотря на относительное принятие всей ситуации, статус военкора, после разговора с генералом П. Жубером, который озвучил ему приговор, он уверенно

решился на побег. Условия для этого созрели 12 декабря. Черчилль смог перелезть через ограждение и бежать. Он ждал Р. Холдейна и сержант-майора Бруки, которые замыслили побег вместе с ним, но те не успели сделать задуманное. Так Черчилль остался один.

Стоит отметить, что он относился к своему побегу не как к какому-то нарушению порядка и не терзался угрызениями совести: «Неправда, что, совершив побег, я нарушил какое-то обязательство или пренебрег долгом чести...» [3, с. 298], однако из-за неправдоподобного описания его действий во время побега ему приходилось судиться с периодическими изданиями (например, с «Blackwood's Magazine»). «...По меньшей мере четыре раза я возбуждал дело о клевете, требуя возмещения морального урона и публичных извинений.» [3].

Черчилль долго бродил по округе и по итогу укрылся в проходящем товарном поезде, который довёз его до Уитбанка. Там он посчитался какое-то время, пока не наткнулся на дом англичанина Д. Дьюснэпа, работающий горным инженером в Южной Африке. Он не выдал сэра Уинстона и помог ему спрятаться несколько дней в шахте, где его времяпрепровождением было ожидать развития событий и отбиваться от крыс.

Позже о своём побеге Черчилль написал: «...но в те дни, когда я скрывался по углам и норам, дожидаясь

подходящего момента, чтобы сесть на поезд, это сильно действовало мне на нервы. *Быть изгоем, преследуемым, на арест которого выписан ордер, бояться любого человека, ожидать тюремного заключения, не обязательно в лагере для военнопленных, бежать от дневного света, пугаться тени — все эти вещи вгрызались мне в душу и произвели такое впечатление, которое вряд ли удастся когда-нибудь стереть.*» [2, с. 106] Тем самым он своими словами подтвердил, что не только плен, но и побег стали для него глубоким эмоциональным переживанием, с которым он жил долгие годы.

Заключение (выводы). Уинстон Черчилль в молодом возрасте столкнулся с лишениями, которые доселе были не знакомы выходцу из британской аристократической семьи. Он попал в стан врага во время военного конфликта, где его ждало первое эмоциональное потрясение. Он пытался справиться с этим по-своему, поэтому, переживая этот тяжёлый период, он прошёл 5 стадий, называемых в психологии моделью Э. Кюблер - Росс: отрицание – гнев – торг – депрессия – принятие. Однако несмотря на это, он был непоколебимо уверен в своей невиновности и отсутствии необходимости попадания в плен, что и подтолкнуло его к побегу и настроило против бурского населения.

Список литературы

1. Гилберт М. Черчилль. Биография. М., Азбука-Антикус. 2015. 1056 с.
2. Черчилль У. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии 1897–1900. От Лондона до Ледисмита М. Эксмо. 2004. 259 с.
3. Черчилль У. Мои ранние годы. 1874 – 1904. Перевод с англ. Е. Осеновой, В. Харитоновой. М., КоЛибри. Серия «Персона». 2011. 368 с.
4. Haffner, Sebastian. Churchill. London. Haus. 2003. 182 p.
5. Lough David. My darling Winston. NY., Pegasus Book. 2018. 748 p.
6. Lupini, Mario. "Italian participation in the Anglo-Boer War". The South African Military History Society. [Электронный ресурс] // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.1becf5af-6591208b-a6fb95a4-74722d776562/samilitaryhistory.org/lectures/italyabw.htm (дата обращения 05.04.2024)
7. Millard Candice. Hero of the Empire: The Boer War, a Daring Escape, and the Making of Winston Churchill. NY. Doubleday. 2016. 381 p.

**THE SOUTH AFRICAN CAPTIVITY OF W. CHURCHILL IN 1899 WITHIN
THE FRAMEWORK OF THE E. KUBLER-ROSS MODEL:
FROM IMPRISONMENT TO ESCAPE.**

The Second Boer War (1899-1902) is eventful and is carefully studied by historians of different regions and continents. However, taking into account the famous personalities who took part in it, it is of particular value to British researchers. Among the variety of events, it is worth noting some episodes with Sir Winston Churchill, the military prime minister of two terms (1940 - 1945; 1951 – 1955). As a war correspondent for The Morning Post newspaper, he went to South Africa, where he was captured by the Boers. He reflected the days of captivity in his letters, books and memoirs, reflecting after a while on who the Boers were and how he (or the British) deserved such a fate. Having collected information about his own perception of imprisonment, it can be concluded that captivity for him was felt in the form of some stages, replacing each other during three weeks of imprisonment. The author conducts a study of the E. Kubler-Ross model, known as the 5 stages of grief, namely denial – anger – bargaining – depression – acceptance, using the example of Sir Winston's experiences. The study also touches on the reasons for the escape from Pretoria on December 12, 1899 and the consequences for British politics.

Keywords: Great Britain, Transvaal Republic, Winston Churchill, Louis Botha, Richard Haldane, Boers, The Morning Post, E. Kubler-Ross model, the second Boer War.

References

1. Gilbert M. (2015). Cherrhill'. Biografiya. [Churchill. Biography.] M.: Azbuka-Antikus. 1056 s.
2. Cherrhill' U. (2004). Indiya, Sudan, Yuzhnaya Afrika. Poxody' Britanskoj armii 1897–1900. Ot Londona do Ledismita [India, Sudan, South Africa. Campaigns of the British Army 1897-1900. From London to Ladysmith] M.: E'ksmo. 2004. 259 s.
3. Cherrhill' U. (2011) Moi rannie gody'. 1874 – 1904. [My early years. 1874 – 1904.] Perevod s angl. E. Osenevoj, V. Xaritonova. M.: KoLibri. Seriya «Persona». 368 s.
4. Haffner, Sebastian. (2003) Churchill. London.: House. 182 p.
5. Loch David. (2018) My dear Winston. New York, Pegasus Book. 748 p.
6. Lupines, Mario. "Italy's participation in the Anglo-Boer War." South African Military Historical Society. [E'lektronny'j resurs] // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.1becf5af-6591208b-a6fb95a4-74722d776562/samilitaryhistory.org/lectures/italyabw.htm (data obrashheniya 05.04.2024)
7. Millard Candice. (2016). Hero of the Empire: The Boer War, the daring Escape and the Rise of Winston Churchill. New York. Doubleday. 381 p.

Об авторе

Фельдман Анастасия Дмитриевна - соискатель кафедры Всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. (Россия) E-mail: ru_nasty00@mail.ru

Feldman Anastasia Dmitrievna - a candidate of the Department of General History and International Relations of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. (Russia) E-mail: ru_nasty00@mail.ru

УДК 930

Щупленков О.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия)

Щупленков Н.О., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия)

ОБСУЖДЕНИЕ В ЛИГЕ НАЦИЙ ПРОЕКТА КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 1930 ГОДА

Гагская конференция 1930 года была самым масштабным проектом Лиги Наций по содействию кодификации международного права. В период экономической депрессии перед мировым сообществом встала проблема разоружения. В статье рассматриваются причины неудачи конференции. Во-первых, рассматриваются условия, которые содействовали активному участию юристов международного уровня в разработке программных документов. Во-вторых, рассказывается о судьбе Конференции, подчеркиваются проблемы процедурного определения мероприятия и основные разногласия между представителями. Цель настоящего исследования — дать общее представление о проекте и его «расследовании» в Гааге, сосредоточив внимание на 1) эволюционном моменте, которого Лига Наций должна была достичь в сознании сообщества, и их взаимосвязи, с утверждением кодификации в качестве цели; 2) работа Комитета, назначенного Лигой Наций, и развитие Конференции 1930 г. и 3) последствия результатов проекта и их влияние на дебаты среди юристов в среднесрочной перспективе, особенно в контексте переосмысления формулы Организации Объединенных Наций. Наконец, подводится итог существующим разногласиям по поводу источников, национального характера и целей, которое должно было представлять международное право.

Ключевые слова: Гаага, кодификация, Комитет, конференция, Лига Наций, международное право, проект.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-102-114

Введение. Проект кодификации международного права Лига Наций получил очень мало внимания со стороны все более сложной историографической картины международной организации, созданной после Первой мировой войны. В конференции по кодификации международного права, состоявшейся в Гааге в марте и апреле 1930 года, приняло участие значительное количество юристов, дипломатов и организаций, необязательно связанных с правительствами или самой международной организацией, которые пытались преодолеть препятствия, мешавшие осуществлению этого проекта, многочисленных различий, разделявших самих участников, вовлеченных в дискуссию.

Участие юристов из области международного права, заинтересованных в

поиске консенсуса, привлекает внимание современных исследователей, с позиции определения причин к становлению этого проекта с историографической точки зрения, подчеркивая его «ограниченные юридические результаты», в то же время, который, несомненно, способствовал укреплению авторитета этого проекта [22; 24]. Тем не менее, использование возможности мирного решения проблемы мира и войны на уровне всего мирового сообщества может оказаться полезным с нескольких точек зрения. Во-первых, он предлагает нам ценную демонстрацию несоответствия между ожиданиями, на которые надеялись межвоенные представители государств, и практическими трудностями в их реализации в области, которая, по-видимому, так же важна для

устремлений Лиги Наций, как и юридическая. Во-вторых, в нем особенно четко раскрываются практические последствия все еще зарождающегося дисциплинарного развития международного права, которое стремилось интегрировать в очень сложный сценарий часто противоречивой логики двух основных существующих правовых традиций: англо-американской и континентальной.

На пути к универалистскому международному праву, или Лига Наций как ожидание «мирового общественного мнения»

Дебаты о создании Лиги Наций во время Первой мировой войны принесли с собой веру в возможность формирования «мирового» или «международного общественного мнения» среди «цивилизованных» стран [7; 17]. Тем не менее, первые годы существования организации в условиях послевоенного периода и реконструкции были отмечены определенным недоверием к универсализму и, следовательно, к проекту кодификации.

С самого начала существования Лиги Наций представители государств, подобные лорду Сесилу, демонстрировали свое неприятие возможности того, что организация сосредоточит свои усилия на кодификации международного права. Для британского юриста, в то время представлявшего Южную Африку, кодификация представлялась «очень опасным проектом» [1, р. 50; 10], поскольку, по его мнению, международному общественному мнению еще не удалось достичь «хладнокровия, необходимого для предотвращения того, чтобы такая инициатива привела к серьезным последствиям для становления международного права» [23, р. 178]. Очевидно, Сесил не только говорил сам за себя, но и отражал точку зрения, широко разделяемую в политических кругах Лондона. Точно так же генеральный секретарь Лиги Наций Э. Драммонд, похоже, также не был слишком благосклонен к проекту [12, р. XXXI]. В результате этой атмосферы скептицизма и

несмотря на предложения таких групп, как консультативный комитет, который подготовил Статут Постоянной Палаты правосудия. На международном уровне в первые годы существования организации не рассматривалось никакой альтернативы, кроме продолжения курса, начатого Гаагскими конференциями 1899 и 1907 годов. В феврале 1921 года итальянский юрист Д. Анцилотти, который в конце десятилетия должен был стать председателем Суда, распространил среди своих коллег меморандум, в котором предупреждал, что, если Лига Наций не справится с задачей кодификации, Соединенные Штаты возьмут на себя инициативу по проекту [12, р. XXXI].

Уведомление Анцилотти не привлекло особого внимания его коллег, но оно и не вызвало особого разочарования. С 1889 года Панамериканские конференции регулярно продвигали проекты по кодификации регионального международного права. Актуальность чисто «американского» международного права вызвала немало споров среди самих юристов Латинской Америки [5]. В любом случае не подлежит обсуждению то, что Соединенные Штаты принимают участие в этой кодифицирующей работе, частично руководствуясь своими собственными политическими интересами в регионе.

Со своей стороны, в первые годы существования Лиги Наций дебаты в Европе, безусловно, были склонны к возможности облегчить сосуществование между организацией и региональными или континентальными особенностями, но не доходили до такой степени, чтобы поставить под угрозу женевский проект. В 1922 году Институт международного права, ведущая научная организация в области европейского правового интернационализма с 1873 года, способствовал проведению консультаций между своими членами, предлагая им выбор между сосуществованием нескольких лиг континентальных наций или единой Лиги наций с региональными подразделениями. Весьма

симптоматично, что большинство членов выбрали именно этот вариант: даже несмотря на недавний отказ Сената США ратифицировать вступление страны в организацию и даже несмотря на маячащую на горизонте тень статьи 21 Пакта, которая по-прежнему подрывает способность государств-членов принимать участие в выборах. Соединенные Штаты апеллируют к доктрине Монро; европейские представители по-прежнему верили в возможности, которые предлагала модель, созданная Лигой Наций [8].

1923 и 1924 годы принесли с собой то, что греческий дипломат Н. Политис назвал «давлением фактов» [20, р. 209–210]. Правовые проблемы, такие как вопрос об ответственности государств перед Международным сообществом, в итоге привели к тому, что европейцы-интернационалисты не смогли преодолеть собственные разногласия, что спровоцировало протест представителей ряда государств в связи с неспособностью Лиги Наций взять на себя ответственность за последствия инцидента, совершенного итальянскими офицерами на Корфу [14, р. 162]. В то время также начали ставиться под сомнение масштабы исключительной компетенции государств в их внутренних делах и их практические последствия. Точно так же европейским юристам было не привыкать к тому, что одним из аргументов, приводимых в Соединенных Штатах для отказа от их членства в Постоянной Палате правосудия, было то, что они не были исключены. Международная проблема заключалась в том, что международное право еще не получило «определенности и точности кодифицированного права» [20, р. 193–194].

В этих условиях была создана благоприятная питательная среда для того, чтобы в сентябре 1924 года шведская делегация на Пятой Ассамблее во главе с Э. Марксом фон Вюртембергом представила проект резолюции, направленный на продвижение «одного из самых важных

начинаний в области миростроительства» [26, р. 135]. То, что инициатива исходила от Швеции, не было чем-то странным, учитывая, что шведская делегация в лице Я. Брантинга была той, кто наиболее резко отреагировал в Совете на отказ Италии подчиниться Лиге Наций выступившей в пользу Конференции в споре о независимости Корфу [8, р. 75]. Что особенно бросается в глаза, так это то, что в самом проекте было очевидно, что сторонники этой идеи прекрасно осознавали ограниченность своей цели, вплоть до того, что М. фон Вюртемберг утверждал, что необходимо «подчеркнуть невозможность, вопреки мнению некоторых теоретиков, разработать кодекс международного права, за исключением довольно отдаленного будущего» [23, р. 179]. Отсюда предложение о том, чтобы развитие было «прогрессивным» и касалось в основном вопросов, в отношении которых уже были приняты «великие принципы права народов».

22 сентября 1924 г. Ассамблея приняла резолюцию, требующую от Совета создания комитета экспертов, которые «не только индивидуально обладают необходимыми качествами, но и являются представительным органом основных форм цивилизации и основных правовых систем мира» [28, р. 5]. Комитету было поручено выполнить три задачи. В качестве первого шага он должен был подготовить предварительный перечень вопросов, регулирование которых он считал наиболее желательным и осуществимым. Во-вторых, он должен был изучить мнения, высказанные правительствами государств, которым Секретариат Общества направил список. Наконец, представить Совету доклад, в котором он определит, какие темы достаточно «созрели» для их кодификации, а также процедуру, которой следует следовать при подготовке возможной конференции для этой цели [28]

Совет сформировал группу из семнадцати юристов и дипломатов из разных

стран, некоторые из которых не являются членами Лиги Наций, таких как Германия или Соединенные Штаты. Первоначальный план Й. ван Хамеля, директора юридического отдела Секретариата, заключался в создании очень небольшого комитета в составе пяти видных юристов, пользующихся международным признанием. Тем не менее, Драммонд настаивал на создании гораздо большего комитета, чтобы попытаться удовлетворить как можно большее число государств, особенно в том, что является очень репрезентативным для достижения целей: в той степени, в какой он осознавал растущее признание различий между различными традициями мусульманского мира, он считал необходимым включить в него евреев из мусульманского мира [14, р. 64].

Это стремление к интеграции при отборе членов комитета также нашло отражение в участии представителей неевропейских стран, таких как сальвадорский юрист Х. Густаво Герреро, который, несмотря на (или именно из-за) своего «полупериферийного» положения отстаивает универалистскую концепцию международного права, основанную на фундаментальном подходе, основанном на хронологическом делении [2]. По мнению Герреро, зарождение науки о международном праве характеризовалось появлением индивидуальных инициатив, распространенных по всему миру, которые выступали за кодификацию международного права как залог успеха внутренних кодификаций государств. Однако подобные попытки заканчивались неудачей, создавая атмосферу недоверия, вызванную трудностью этих попыток уточнить право, которое должно быть кодифицировано. Впоследствии в развитии международного сотрудничества возникла вторая проблема: континентальная активность, базирующаяся в основном в Америке. По мнению Герреро, таким образом он отмежевался от проектов кодификации, продвигаемых Д. Брауном Скоттом и его латиноамериканскими партнерами [6, р. 136–139].

Продвижение фрагментарного международного права привело к ошибочному и вредному представлению о том, что «в Америке, как и везде, международное право является единым и неделимым» [8, р. 12]. Наконец, для сальвадорского юриста, который станет президентом Ассамблеи и Постоянной Палаты международного правосудия, Лига Наций вступила в третий период, период универсальной деятельности. Взяв проект по кодификации под свой контроль, международная организация «откроет новые возможности и продемонстрирует свой истинный характер» [8, р. 15–16].

По мнению Джона Б. Уиттона, перед Соединенными Штатами стояли три возможности: изоляционизм, панамериканизм или интернационализм. Хотя эти два последних не обязательно были взаимоисключающими, обращает на себя внимание четкое понимание Уиттоном тенденций Панамериканских конференций и Лиги Наций. Принимая во внимание, что панамериканизм, с его точки зрения, характеризовался отсутствием единства, институциональной слабостью и чувством «разочарования» со стороны некоторых латиноамериканских государств из-за отсутствия понимания проблемы политики вмешательства США; со своей стороны, панамериканский коммунизм, по его мнению, не был универсальным, Лига Наций располагала «политическими полномочиями [...] Суда правосудия [...] согласительного органа». Столкнувшись с такой перспективой, панамериканизм оказался «очень далек от создания подлинного общества государств. Его нельзя сравнивать с Лигой Наций» [25].

Вклады, подобные действиям Герреро или Уиттона, показывают, что начало работы комитета экспертов, особенно в сочетании с проблемами, возникшими в Гаване в 1928 году, породило в определенных кругах реальные надежды на возможный успех кодификаторского проекта в новых универалистских или действительно

международных рамках, в отличие от более скептического первоначального взгляда или аргументов, подтверждающих необходимость адаптации Лиги Наций к региональной или континентальной логике [22]. Но этот взгляд на это явление будет неполным, если не учесть тяжелую работу, проделанную комитетом, особенно в период с 1925 по 1927 год.

Основная инициатива по кодификации, выдвинутая Лигой Наций: Гаагская конференция 1930 г.

Комитет экспертов по прогрессивной кодификации международного права впервые собрался в Женеве с 1 по 8 апреля 1925 года. В самом общем плане первые обсуждения касались необходимости избегать использования всеобъемлющей идеи кодификации, чуждой и без того устоявшимся обычаям, с целью не форсировать согласование норм, которые не могли бы вызвать достаточного консенсуса. Голоса, принадлежащие к большему числу меньшинств, тем не менее, были склонны прилагать более творческие усилия и выступать за продвижение кодификации в более широком смысле [24]. В основе этого разногласия лежали споры о том, была ли поставленная задача кодификацией в «англосаксонском» стиле — понимаемой как компиляция уже существующих норм — или чем-то другим.

В этот момент возникли споры о возможной аналогии с внутренним кодированием, которые, во всяком случае, также не привели к каким-либо серьезным выводам. Хотя Председатель комитета, швед Я. Хаммаршельд, напомнил о скромных целях, с которыми его страна представила свой проект резолюции (задача кодификации заключалась не столько в разработке кодекса как такового, сколько в попытке обеспечить межгосударственные соглашения, особенно по вопросам более или менее принятыми принципами международного права), при первых намеках на рассматриваемый тип кодификации он отметил, что «обязанность [...] комитета

заключалась не только в кодификации в строгом или англосаксонском смысле этого слова [...]. Тем не менее комитет мог бы работать на широкой основе. Он мог бы вносить предложения с прицелом на кодификацию, изменение и дополнение международного права, и он должен был сосредоточить свои усилия, прежде всего, на дополнении и изменении» [13, р. 11].

Два аспекта этих первых тактов очень бросаются в глаза. Во-первых, настойчивое стремление некоторых юристов, особенно американца Викиршема, с самого начала предварительной работы как можно скорее привлечь к этой задаче другие институты, занимающиеся изучением международного права. Таким образом, в первый день заседаний было решено заручиться сотрудничеством Американского общества международного права, Международного морского комитета и Общества сравнительного правоведения. Следует также отметить настойчивость самого Герреро с первых шагов в вопросе, который, по всей видимости, будет резонировать с его интересами в Гааге пять лет спустя: в нем подчеркивается необходимость «единодушного одобрения» государствами при рассмотрении норм как «кодификации международного права» [13, р. 8]. С этой целью он считал необходимым оставить в стороне соображения политического характера, а именно то, что поиск разделения между правовым и политическим измерениями также был постоянным в этом первом тактичном подходе.

Первая задача, возложенная на Комитет Пятой Ассамблеей, заключалась в подготовке предварительного перечня вопросов, рассмотрение которых было сочтено желательным и осуществимым. По предложению француза А. Фромажо [13, р. 23]. было решено составить первый предварительный список, поручив подкомитету, состоящему из трех членов, принять и объединить вопросы, предложенные каждым из присутствующих юристов [21, р. 23].

В итоге было согласовано одиннадцать тем для начала периода консультаций с правительствами по каждому из вопросов. К ним относятся: гражданство, территориальные воды, дипломатические и консульские привилегии и иммунитеты, иммунитет правительственных судов, экстрадиция, ответственность государств за преступления, совершенные против иностранцев, заключение договоров, противодействие пиратству, истечение срока давности, эксплуатация морской продукции и преступления, совершенные за пределами территории из одного государства. В ходе дебатов по отбору этих вопросов были затронуты такие аспекты, как форма признания правительств, предложенная президентом Х. Леоном Суаресом и расцененная многими членами комитета как чрезмерно политическая, хотя и не прямо неспособная регулироваться правовыми средствами [13, р. 38–39]. В то же время предложение итальянца Д. Диены о приобретении или утрате прав по истечении срока давности вызвало достаточный консенсус, хотя был назначен подкомитет, призванный расширить международный аспект этой концепции. Хотя сам Диена утверждал, что исковая давность, применяемая к территории, существует в международном праве, ссылаясь на дело об арбитраже между Испанией и Германией в отношении Каролинских островов, а сам Хаммаршельд ссылаясь на узукапцион как на принцип, используемый в спорах о морских границах между Швецией и Норвегией, Викингером полностью отверг это требование подозревая наличие возможной связи принципа с международным правом, в то время как немец В. Шюкинг рассматривал признание этой фигуры как шаг назад, возвращающий к идеям, более свойственным идеям, существовавшим до Французской революции [6, р. 57–58].

Несмотря на то, что это была проблема, имеющая большое практическое значение, и тот факт, что в настоящее

время происходят серьезные изменения, было ясно, что это не так. В соответствии с двусторонними договорами в этой связи большинство аспектов, касающихся экстрадиции, были отклонены комитетом: не было единого мнения о типах нарушений, которые могли бы ее мотивировать, или ни о какой процедуре, которая должна быть установлена. Как отметил британский юрист Д. Л. Брайерли, процессуальные нормы, касающиеся экстрадиции, представляют собой деликатный вопрос, учитывая различия между Соединенными Штатами и Соединенным Королевством, с одной стороны, и континентальным востоком — с другой. «Расхождение» — отмечал профессор Чичеле из Оксфорда «глубже, чем если бы они были просто процедурными вопросами» [13, р. 110]. Согласно докладу, подготовленному компетентной подкомиссией, в случае запроса об экстрадиции державы потребуют доказательств, подтверждающих предъявленное заинтересованному лицу обвинение в запрашиваемой стране.

С 22 марта по 2 апреля 1927 года Комитет провел свою третью сессию в Женеве. Целью было изучение ответов на вопросники, полученные от правительств, подготовки доклада для представления Совету. На документы, направленные Комитетом, ответили около тридцати правительств, и эта цифра считается большой. Тем не менее, материалы, с которыми столкнулись юристы, были несколько разочаровывающими: очень разнородными, по словам Хаммаршельда, который, несмотря на это, был настроен оптимистично; по мнению вице-президента Диены были высказаны предположения, что составление вопросников затрудняло получение ответов [9, р. 668]. Кроме того, протоколы предыдущих заседаний были распространены в Ассамблее в 1926 году, и, по мнению вице-президента Диены, они были «в высшей степени кулуарными», что вызвало критику в отношении механизма рассылки правительствам

вопросников, исходящих не от Комитета в целом, а от различных подразделений, состоящих только из нескольких его членов [15, р. 204].

Тем не менее, с учетом полученных ответов и в связи с тем, что на обсуждение были вынесены новые вопросы, которые, в свою очередь, привели к появлению новых вопросников, которые будут пересмотрены в 1928 году (в отношении таких вопросов, как подделка валюты или коллизия законов, касающихся местожительства), Комитет положительно проинформировал Совет о «зрелости» семи учений. Тем же 2 апреля 1927 года Хаммаршельд направил Конгрессу Лиги краткую записку, сопровождаемую всеми отчетами по анкетам, в которой отмечалось, что рассмотрение этих анкет «подтвердило мнение Комитета о том, что, говоря обобщенным языком, вышеупомянутые вопросы, в рамках которых они рассматривались, должны быть рассмотрены, что касается пределов, указанных в каждом из вопросников, то они в настоящее время, выражаясь словами круга ведения, являются достаточно “зрелыми”» [15, р. 4–5].

Ассамблея на своем заседании 27 сентября 1927 г. поручила Комитету завершить всю работу, уже начатую на его следующем заседании. Таким образом, июньская встреча 1928 года, наиболее показательная из всех, едва ли послужила для изучения предложения парагвайской делегации в Ассамблее, которое было несколько отклонено, и для рассмотрения последних представленных вопросов, которые, по логике вещей, не должны были быть доступны ни для каких целей, поскольку они не были подготовлены, так как конференция была уже закрыта. Главной темой заседания Ассамблеи стала хроника объявленного завершения, поскольку уже на предыдущем заседании сам Хаммаршельд настаивал на срочности достижения результатов, принимая во внимание серьезные финансовые трудности, с которыми пришлось столкнуться

коллегам, которые, среди прочего, не были реализованы, он мог собираться более одного раза в год и не имел возможности даже публиковать и распространять свои труды [15, 1928, р. 202].

Э. Драммонд так обобщил причины символического и финансового характера, по которым Гаага была выбрана в качестве места проведения Конференции в своей инаугурационной речи: «Все признают, что было правильным выбрать местом проведения Конференции Нидерланды, где проживает Гроций и многие другие, получившие признание в изучении и практике права международного. Я не раскрываю никакого секрета, когда говорю, что в целом Совет Лиги Наций очень неохотно, по финансовым и другим причинам, созывает Конференции такого масштаба где-либо, кроме Женевы. Тем не менее в данном случае целесообразность проведения Конференции в Гааге была настолько очевидна, что административные трудности были преодолены, во многом, я должен добавить, благодаря щедрой помощи правительства Нидерландов» [14, р. 16].

В Конференции приняли участие полномочные представители стран, входящих в Совет Лиги Наций, а также представители Соединенных Штатов, Бразилии, Египта, Ирландии, Мексики, Монако, Турции и Союза Советских Социалистических Республик (в последнем случае только в качестве наблюдателей). Почти с самого начала, как это уже было заявлено в некоторых моментах в Комитете, стало очевидным сочетание слабого разграничения процедурных норм (мандат Ассамблеи 1927 г. ограничивался призывом к принятию норм «большинством голосов») и отсутствия определенности в отношении того, что понимается под «кодификацией международного права» (мандат Ассамблеи 1927 г.), от Ассамблеи 1927 г. требовался «дух кодификации», который не обязательно ограничивался простым изложением существующих норм за что

выступали многие юристы, особенно в англосаксонской сфере, другими словами, делегаты столкнулись с проблемами, очень похожими на те, с которыми сам Комитет сталкивался на протяжении всей своей предыдущей работы.

Первый комитет Конференции, Комитет, посвященный коллизионным законам, касающимся гражданства, впервые собрался 17 марта. Наиболее серьезными проблемами, возникшими в ходе подготовительного периода, были правовая неопределенность, порожаемая такими явлениями, как двойное гражданство или безгражданство, и, в частности, проблемы, связанные с приобретением или утратой гражданства на основании брака. В этом последнем пункте подчеркивается одна из характерных черт Лиги Наций: поддержки неправительственных организаций, заинтересованных в различных областях [19, р. 189–190].

От парадигмы кодирования к парадигме «прогрессивного развития»

Идея «прогрессивного развития», уже выдвинутая перед идеей кодификации, вытеснила последнюю [21, р. 216–220]. Некоторые говорят, что различие, проводимое органами Организации Объединенных Наций, является академическим и бесполезным, поскольку «на международном уровне кодификация оставалась простым доктринальным стремлением до 1930 года и фактически до создания Комиссии международного права» [18, р. 15], и поскольку различать, где заканчивается прогрессивное развитие и где начинается кодирование, которое, в свою очередь, не будет чистым кодированием, оказывается невозможным.

Опыт 1930 года, по мнению Брайерли, показал невозможность свести такую тему, как кодификация международного права, к техническому вопросу. Без предварительного согласования с правительствами основных направлений вопросов, подлежащих кодификации — и, следовательно, необходимых уступок,

которые должны быть сделаны в международном праве, юристы не могут в одиночку заниматься проектом, подобным тому, который был одобрен Ассамблеей в 1924 году. Таким образом, проявляя особую чувствительность к «континентальному» взгляду, он заявил: «У нас возникает соблазн думать, что кодификация — это дешевый метод установления международного порядка, который юристы могли бы легко применить для мира, если бы им показали, насколько это отчаянно необходимо. Но это огромная галлюцинация. Ответственность не может так легко ложиться на плечи юристов. Юристы могут помочь; они могут выполнять самую утомительную работу, но ответственность лежит на всех нас, и, конечно, в особенности на лидерах наций» [3, р. 4].

Со своей стороны, другой бывший член Комитета экспертов, бельгиец Ш. де Вишер, в 1955 году предложил опереться на опыт прошлого, чтобы извлечь уроки из Гааги, с целью предупредить, что «в настоящее время возможности для кодификации международного права, осуществляемой на универсальном уровне, очень велики», поскольку «противоречие, существующее между правовыми концепциями, с которыми сталкиваются в Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, даже по самым фундаментальным вопросам, дело дошло до такой степени, что любое предприятие такого рода должно считаться опасным для развития международного права» [4, р. 159]. Ретроспектива из Гааги, представленная юристом, особенно интересна, поскольку он признал, что атмосфера Конференции была «вымышленной»: разногласия, которые не могли быть открыто разрешены в их истинном, политическом плане, для Де Вишера были скрыты «под тенденциозным представлением о действующем праве» [4, р. 159].

Тем не менее, профессор Гантес также выделил уроки позитивного характера, особенно в связи с проблемой,

возникшей в ходе подготовительной работы, принуждая юристов, входивших в их состав, «заново исследовать основания для определения норм, которые слишком легко считать неоспоримыми», или «индивидуализировать или конкретизировать право» [4, р. 160]. В устах континентального юриста последнее особенно актуально, учитывая, что тем самым он признавал, что право не подлежит сомнению, что он был вынужден придать своей работе менее абстрактный или схематичный вид, «приближая проблему к международной жизни, рассматриваемой во всем ее разнообразии и во все возрастающей сложности» [4, р. 160].

В том же году, когда де Вишер публиковал второе издание своей книги, Г. Лаутерпахт вел диалог с вышеупомянутым фрагментом, удивляясь тому, что кто-то столь здравомыслящий, как бельгийский юрист, называет кодификацию чем-то опасным. Меняя порядок терминов в названии своей статьи, Лаутерпахт призывал к кодификационной работе, пилотируемой ограниченным кругом государств [1, р. 39]. И он делал это, кроме того, ссылаясь на учения 1930 года, которые предупреждали нас, что «Конференция была бы более зрелищной, если бы ее организаторы избрали простой путь для кодификации технических и других вопросов, которые не вызывали бы возражений, вместо того, чтобы три темы, уже загруженные и не требующие обсуждения» [1, р. 33].

Заключение. Как и в случае с Лигой Наций в целом, несмотря на то, что практически все материалы, представленные в Конференции по кодификации международного права 1930 года, направлены на то, чтобы подчеркнуть ее провал, мы сталкиваемся с очень важным объектом исследования, который приближает нас к различным проблемам между международным правом и помогает нам лучше понять политический ландшафт второй половины двадцатых годов и состояние

развития юридической науки, особенно внутреннего права — в то время это был сеньориал.

История Комитета экспертов, действовавшего в период с 1925 по 1928 год, свидетельствует о практических трудностях, связанных с удовлетворением ожиданий, которые никогда не существовали столь явно. Мандат, предоставленный Комитету, был чрезмерно общим, и его членам приходилось на ходу решать, как его реализовать, в условиях, когда давление, связанное с необходимостью реагировать на запросы общественного мнения, сочеталось с ограниченными ресурсами, учитывая сложность проекта. Огромные усилия, приложенные в разграничении тем и в сборе документации в контакте с правительствами, хотя и не принесли ожидаемых результатов в согласовании, способствовали обновлению в рамках интернационалистской доктрины, которая со временем стала все более популярной.

И предыдущие работы, и сама Конференция, и даже дискуссии в последующие десятилетия, были отмечены проблемами при определении самой идеи кодификации, которые Организация Объединенных Наций решила, придав большее значение термину «прогрессивное развитие» международного права. К этой проблеме добавилась, вследствие непонимания собственных последствий того, что предполагало кодификацию, большая трудность при согласовании правила большинства или, в данном случае, единогласия, которым должна руководствоваться работа.

Говоря более предметно, Конференция 1930 г. была ареной противостояния между различными способами понимания права (англосаксонское или общее юридическое мышление по сравнению с континентальным, что в то время было непреодолимой дихотомией), а также различные политические концепции (Новый свет против старой Европы; современность

против традиций). Часто три разногласия смешивались друг с другом, а в случае политических столкновений можно сказать, что в некоторых случаях довольно неудачно. Но это был не просто конфронтационный сценарий. Это был также этап, на котором были представлены делегаты из

стран, не являющихся членами Лиги Наций, и голоса женских гражданских организаций, которые имели возможность изложить свое видение по такому важному вопросу, как приобретение и утрата гражданства на основании брака.

Список литературы

1. Armstrong D. The League of Nations // From Versailles to Maastricht: International Organisation in the Twentieth Century. Londres: Macmillan. 1996. Pp. 33–61.
2. Arnulf B. Mestizo International Law: A Global Intellectual History 1842–1933. Cambridge: Cambridge University Press. 2014. 420 p.
3. Brierly L.J. The Codification of International Law // Michigan Law Review. 1948. № 47. Pp. 2–10.
4. Charles de Visscher: Teorías y realidades en Derecho internacional público (2. ed. 1955). Barcelona: Bosch. 1962. 534 p.
5. Domínguez H.B. Cimientos inestables: los juristas latinoamericanos y el debate sobre la codificación del Derecho internacional en 1930 // América Latina y el internacionalismo ginebrino de entreguerras: implicaciones y resonancias, Ciudad de México, Acervo Histórico Diplomático de la Secretaría de Relaciones Exteriores de México. 2019. Pp. 129–157.
6. Domínguez H.B. La Sociedad de Naciones y el proyecto de codificación del derecho internacional (1924–1930) // Ayer. 2023. Vol. 131. № 3. Pp. 51–78.
7. Gomez-Mampaso S.S.M.B. La codificación del derecho diplomático: una perspectiva histórica // Comillas Journal of International Relations. 2016. № 6. Pp. 61–70.
8. Guieu J.-M. The Debate about a European Institutional Order among International Legal Scholars in the 1920s and its Legacy // Contemporary European History. 2012. № 21(3). Pp. 319–337.
9. Hudson M. The Progressive Codification of International Law // American Journal of International Law. 1926. № 20 (4). Pp. 655–669.
10. L'Ordre International: Hier — Aujourd'hui — Demain Paperback — January 1. 1945. 176 p.
11. Lauterpacht H. Codification and Development of International Law // American Journal of International Law. 1955. № 49 (1). Pp. 16–43.
12. League of Nations Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law (1925–1928): Documents. 1972. 836 p.
13. League of Nations: Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law. Minutes of the First Session. Ginebra, League of Nations. 1925. 522 p.
14. League of Nations. Acts of the Conference for the Codification of International Law. Vol. I. Plenary Meetings. Ginebra, League of Nations. 1930. 1661 p.
15. League of Nations. Report to the Council of the League of Nations on the Questions which Appear Ripe for International Regulation // American Journal of International Law. 1928. № 22 (1). Pp. 4–38.
16. League of Nations. Resolution adopted by the Assembly of the League of Nations at its Meeting Held on Monday, September 22nd, 1924 // American Journal of International Law. 1928. Vol. 22. № 1. URL: <https://www.jstor.org/stable/i312445> (дата обращения: 29.02.2024).
17. Neff S. Justice among Nations: A History of International Law, Cambridge, Harvard University Press. 2014. 628 p.

18. Pellet A. Between Codification and Progressive Development of the Law: Some Reflections from the ILC // *International Law Forum du droit international*. 2004. № 6. Pp. 15–23.
19. Peters A., Peter S. International Organizations: Between Tech-nocracy and Democracy // *The Oxford Handbook of the History of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2012. Pp. 170–197.
20. Politis N. Les nouvelles tendances du Droit international. París: Librairie Hachette. 1927. 249 p.
21. Ruda J.M. El desarrollo progresivo del derecho internacional y su codificación en la Carta de las Naciones Unidas // *Academia. Revista sobre enseñanza del Derecho*. 2010. № 16. Pp. 215–227.
22. Shabtai R. Introduction // *League of Nations Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law (1925–1928)*. Vol. I. Nueva York, Oceana Publications. 1972. 488 p.
23. Societádelle N. Dieci Anni di cooperazione internazionale. Prefazione di Sir E. Drummond. Roma, Anonima Romana Editoriale. 1930. Pp. 267–284.
24. Wertheim S. Reading the International Mind: International Public Opinion in Early Twentieth Century Anglo-American Thought // *The Decisionist Imagination. Sovereignty, Social Science and Democracy in the 20th Century*. New York, Berghahn Books. 2018. Pp. 27–63.
25. Whitton J. B. La sixième conférence Panaméricaine // *Revue Générale de Droit International Public*. 1929. № 36. Pp. 5–39.
26. Wickersham G. The Progress of Codification under the Auspices of the League of Nations // *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*. 1926. № 20. Pp. 121–135.

DISCUSSION OF THE DRAFT CODIFICATION OF INTERNATIONAL LAW IN THE LEAGUE OF NATIONS IN 1930

The Hague Conference of 1930 was the largest project of the League of Nations to promote the codification of international law. During the period of economic depression, the world community faced the problem of disarmament. The article discusses the reasons for the failure of the conference. Firstly, the conditions that facilitated the active participation of international lawyers in the development of policy documents are considered. Secondly, it tells about the fate of the Conference, highlights the problems of the procedural definition of the event and the main differences between the representatives. The purpose of this study is to give an overview of the project and its "investigation" in The Hague, focusing on 1) the evolutionary moment that the League of Nations was supposed to achieve in the consciousness of the community, and their relationship, with the approval of codification as a goal; 2) the work of the Committee appointed by the League of Nations and the development of the 1930 Conference. and 3) the implications of the project results and their impact on the debate among lawyers in the medium term, especially in the context of rethinking the United Nations formula. Finally, the existing disagreements over the sources, national character and objectives that international law was supposed to represent are summarized.

Keywords: The Hague; codification; Committee; conference; League of Nations; international law; project.

References

1. Armstrong D. (1996). The League of Nations. *From Versailles to Maastricht: International Organisation in the Twentieth Century*, Londres, Macmillan, 33–61.
2. Brierly L.J. (1948). The Codification of International Law. *Michigan Law Review*, 47, 2–10.
3. de Visscher C. (1962). Teorías y realidades en Derecho internacional público [Theories and realities in public international law], (2. ed. 1955), Barcelona, Bosch.
4. Domínguez H.B. (2019). Cimientos inestables: los juristas latinoamericanos y el debate sobre la codificación del Derecho internacional en 1930 [Unstable foundations: Latin

American jurists and the debate on the codification of international law in 1930]. *América Latina y el internacionalismo ginebrino de entreguerras: implicaciones y resonancias*, Ciudad de México, Acervo Histórico Diplomático de la Secretaría de Relaciones Exteriores de México, 129–157.

5. Domínguez H.B. (2023). La Sociedad de Naciones y el proyecto de codificación del derecho internacional (1924–1930). *Ayer*, 131, 51–78.

6. Gomez-Mampaso, S.S.M.B. (2016). La codificación del derecho diplomático: una perspectiva histórica. *Comillas Journal of International Relations*, 6, 61–70.

7. Guieu J.-M. (2012). The Debate about a European Institutional Order among International Legal Scholars in the 1920s and its Legacy. *Contemporary European History*, 21(3), 319–337.

8. Hudson M. (1926). The Progressive Codification of International Law. *American Journal of International Law*, 20 (4), 655–669.

9. L'Ordre International: Hier — Aujourd'hui — Demain — January 1. 1945.

10. Lauterpacht H. (1955). Codification and Development of International Law. *American Journal of International Law*, 49 (1), 16–43.

11. League of Nations Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law (1925–1928): Documents. 1972.

12. League of Nations: Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law. (1925). Minutes of the First Session, Ginebra, League of Nations.

13. League of Nations. (1928). Report to the Council of the League of Nations on the Questions which Appear Ripe for International Regulation. *American Journal of International Law*, 22 (1), 4–38.

14. League of Nations. (1928). Resolution adopted by the Assembly of the League of Nations at its Meeting Held on Monday, September 22nd, 1924 // *American Journal of International Law*, 22, 1, from <https://www.jstor.org/stable/i312445>

15. League of Nations. Acts of the Conference for the Codification of International Law. (1930). Vol. I. Plenary Meetings, Ginebra, League of Nations.

16. Lorca Arnulf B. (2014). *Mestizo International Law: A Global Intellectual History 1842–1933* [Mestizo International Law: A Global Intellectual History 1842-1933], Cambridge, Cambridge University Press. 2014.

17. Neff S. (2014). Neff. *Justice among Nations: A History of International Law*, Cambridge, Harvard University Press.

18. Pellet A. (2004). Between Codification and Progressive Development of the Law: Some Reflections from the ILC. *International Law Forum du droit international*, 6, 15–23.

19. Peters A., Peter S. (2012). International Organizations: Between Tech-nocracy and Democracy. *The Oxford Handbook of the History of International Law*, Oxford, Oxford University Press. Pp. 170–197.

20. Politis N. *Les nouvelles tendances du Droit international* [New trends in International law], París, Librairie Hachette. 1927.

21. Ruda, J.M. (2010). El desarrollo progresivo del derecho internacional y su codificación en la Carta de las Naciones Unidas. *Academia. Revista sobre enseñanza del Derecho*, 16, 215–227.

22. Shabtai R. (1972). Introduction. *League of Nations Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law (1925–1928)*. Vol. I. Nueva York, Oceana Publications.

23. Societádelle N. (1930). Dieci Anni di cooperazione internazionale. Prefazione di Sir E. Drummond, Roma, Anonima Romana Editoriale [Ten years of international cooperation.

Preface by Sir E. Drummond, Rome, Anonima Romana Editoriale]. Pp. 267–284

24. Wertheim S. (2018). Reading the International Mind: International Public Opinion in Early Twentieth Century Anglo-American Thought. *The Decisionist Imagination. Sovereignty, Social Science and Democracy in the 20th Century*. New York, Berghahn Books. Pp. 27–63.

25. Whitton J.B. (1929). La sixième conférence Panaméricaine. *Revue Générale de Droit International Public*, 36, 5–39.

26. Wickersham G. (1926). The Progress of Codification under the Auspices of the League of Nations. *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1921–1969)*, 20, pp. 121–135.

Об авторах

Щупленков Олег Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия), e-mail: oleg.shup@gmail.com

Щупленков Николай Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин, Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Россия), e-mail: veras-nik@yandex.ru

Shchuplenkov Oleg Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Yessentuki (Russia), e-mail: oleg.shup@gmail.com

Shchuplenkov Nikolai Olegovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences, Stavropol State Pedagogical Institute, branch in Yessentuki (Russia), e-mail: veras-nik@yandex.ru

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы.

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы)** – повторное обобщенное перечисление основных результатов **и их значимость (оценка) для науки**. Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег**, которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы**.

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок**: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

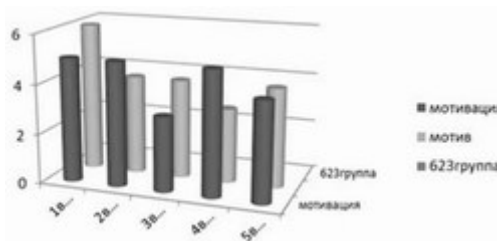

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№2 (64) 2025

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 25.06.2025.

Дата выхода журнала в свет: 30.06.2025.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 14,75. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+